

ЧУВАШСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ
И ИСКУССТВ

2025 | 16+

ISSN 2713-1688 (print)
ISSN 2713-1696 (online)

ЭТНИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Международный научный журнал
Том 7 № 4

ETHNIC CULTURE

International academic journal
Vol. 7 No. 4

Этническая культура

Международный научный журнал

Том 7, № 4 | 2025

«Этническая культура» – междисциплинарный научно-практический рецензируемый журнал, представляющий результаты исследований в области этнических процессов и явлений. На страницах журнала публикуются статьи, проводятся дискуссии по широкому кругу проблем, касающихся методологических подходов к изучению этнических культур и их роли в истории человеческой цивилизации; различных аспектов межъязыковой и межкультурной коммуникации; вопросов сохранения культурных традиций в условиях глобализации и передачи этнокультурного опыта будущим поколениям.

Миссия журнала – предоставить возможность авторам ознакомиться со своими идеями широкий круг профессионалов, а читателям – быть в курсе актуальных вопросов изучения, сохранения и развития этнических культур в современном мире.

ОСНОВНЫЕ РАЗДЕЛЫ ЖУРНАЛА:

- Этнография, этнология и антропология:**
- 5.6.4. Этнология, антропология и этнография
- 5.6.1. Отечественная история

- Языки и литературы народов мира:**
- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации
- 5.9.2. Литературы народов мира
- 5.9.4. Фольклористика
- 5.9.5. Русский язык. Языки народов России
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

- Этнокультурные проблемы образования:**
- 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования
- 5.8.7. Методология и технология профессионального образования

Обзоры и рецензии

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Баскакова Наталья Ивановна, канд. филос. наук, доцент, ректор, Чувашский государственный институт культуры и искусств Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, член-корреспондент Международной академии культуры и искусства, г. Чебоксары, Российская Федерация

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Арестова Вероника Юрьевна, канд. пед. наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Чувашский государственный институт культуры и искусств Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, г. Чебоксары, Российская Федерация

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Фомин Эдуард Валентинович, канд. филол. наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Чувашский государственный институт культуры и искусств Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, г. Чебоксары, Российская Федерация

КОРРЕКТОР:

Фомин Эдуард Валентинович, канд. филол. наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Чувашский государственный институт культуры и искусств Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, г. Чебоксары, Российская Федерация

КОМПЬЮТЕРНАЯ ВЕРСТКА:

Клементьева Мария Валерьевна

Наименование органа, зарегистрировавшего издание	Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 09 октября 2019 года (Реестровая запись ПИ №ФС77-76946 от 09 октября 2019 г.)
DOI	10.31483/a-10800
Год основания	2019
Периодичность	4 раза в год
Учредители журнала	БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики; ООО «Издательский дом «Среда»
Издатель журнала	ООО «Издательский дом «Среда»
Адрес редакции и издателя	428023, Россия, Чувашская Республика, г. Чебоксары, ул. Гражданская, д. 75, офис 12
Сайт	https://journalec.com
E-mail	info@journalec.com
Телефон	+7 (8352) 655-731
Подписка и распространение	Подписка на журнал осуществляется через систему электронной редакции на сайте, а также по e-mail info@journalec.com . Свободная цена.
Типография	Студия печати «Максимум», 428023, Чебоксары, Гражданская, д. 75, тел.: +7 (8352) 655-047 Печать цифровая. Бумага офсетная. Формат 60×84 1/8. Усл. печ. л. 6.16. Заказ K-1455. Тираж 100 экз.
Подписано в печать	25.12.2025
Дата выхода в свет	29.12.2025

Предназначено для детей старше 16 лет

Ethnic Culture

International academic journal
Vol. 7 No. 4 | 2025

Ethnic Culture is an interdisciplinary scientific and practical peer-reviewed journal that presents the results of studies in the field of ethnic processes and phenomena. The journal publishes articles and debates on a wide range of issues related to methodological approaches to the study of ethnic cultures and their role in the history of human civilization; various aspects of crosslinguistic and intercultural communication; issues of cultural traditions preservation in the context of globalization and the transfer of ethnocultural experience to future generations.

The mission of the journal is to provide an opportunity for authors to familiarize a wide range of professionals with their ideas, and for readers to be aware of current issues of studying, preserving and developing ethnic cultures in the modern world.

SECTIONS:

Ethnography, Ethnology and Anthropology:

- 5.6.4. Ethnology, anthropology and ethnography
- 5.6.1. Russian history

World languages and literature:

- 5.9.1 Russian literature and literature of peoples of the Russian Federation
- 5.9.2 Literature of the peoples of the world
- 5.9.4 Folklore studies
- 5.9.5 Russian language. Languages of peoples of Russia
- 5.9.8 Theoretical, applied and comparative-contrastive linguistics

Ethno-Cultural Problems of Education:

- 5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education
- 5.8.7. Methodology and technology of professional education

Reviews and Peer-Reviews

CHIEF EDITOR:

Natalya I. Baskakova, candidate of philological sciences, associate professor, rector, Chuvash State Institute of Culture and Arts of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs and Archival Affairs of the Chuvash Republic, associate fellow of International Academy of Culture and Art, Cheboksary, Russian Federation

DEPUTY CHIEF EDITORS:

Veronika Yu. Arestova, candidate of pedagogical sciences, associate professor, leading research fellow, Chuvash State Institute of Culture and Arts of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs and Archival Affairs of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation

EXECUTIVE SECRETARY:

Eduard V. Fomin, candidate of philological sciences, associate professor, head of the Humanities and Socio-Economic Disciplines Department, Chuvash State Institute of Culture and Arts of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs and Archival Affairs of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation

PROOF-READER:

Eduard V. Fomin, candidate of philological sciences, associate professor, head of the Humanities and Socio-Economic Disciplines Department, Chuvash State Institute of Culture and Arts of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs and Archival Affairs of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation

COMPUTER LAYOUT:

Mariya V. Klementyeva

Authority registered	Journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media on October 9th, 2019 (Registry entry: ПИ №ФС77-76946 of 9 October 2019)
DOI	10.31483/a-10800
Year of Foundation	2019
Publication Frequency	Quarterly
Founders	BEI of HE "Chuvash State Institute of Culture and Arts" of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs and Archival Affairs; LLC "Publishing house "Sreda"
Publisher	LLC "Publishing house "Sreda"
Postal address	75 Grazhdanskaya St., office12, Cheboksary, 428023, Russian Federation
Web-site	https://journalec.com
E-mail	info@journalec.com
Tel.	+7 (8352) 655-731
Subscription and distribution	The journal content is free. Subscribe form on the web-site and via e-mail: info@journalec.com
Printing House	Print Studio «Maximum», 75 Grazhdanskaya St., Cheboksary, 428023, Russian Federation, tel.: +7 (8352) 655-047. Digital print. Offset paper. Format 60×84 1/8. Conditional printed pages 6. 16. Order K-1455. Circulation 100 copies.
Signed in the print	25 December 2025
Date of publication	29 December 2025

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Годовова Елена Викторовна, д-р ист. наук, профессор кафедры истории России ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет», г. Оренбург, Российская Федерация

Давлетишина Лейла Хасановна, д-р филол. наук, ученый секретарь Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Российская Федерация

Китинов Баатр Учаевич, д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории Востока ФГБУН «Института востоковедения Российской академии наук», г. Москва, Российская Федерация

Краюшкина Татьяна Владимировна, д-р филол. наук, главный научный сотрудник, заведующая Центром истории культуры и межкультурных коммуникаций Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО Российской академии наук, г. Владивосток, Российская Федерация

Куцаева Марина Васильевна, канд. филол. наук, научный сотрудник отдела урало-алтайских языков ФГБУН «Институт языкознания Российской академии наук», г. Москва, Российская Федерация

Ооржак Байлак Чаш-ооловна, д-р филол. наук, главный научный сотрудник Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (Кызыл)

Салмин Антон Кириллович, д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Сапожникова Юлия Львовна, д-р филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет», г. Ташкент, Республика Узбекистан

Темербекова Альбина Алексеевна, д-р пед. наук, профессор, профессор кафедры педагогики, психологии и социальной работы ФГБОУ ВО «Горно-Алтайский государственный университет» г. Душанбе, Республика Таджикистан

Цаллагова Зарифа Борисовна, д-р пед. наук, ведущий научный сотрудник отдела Кавказа Ордена Дружбы народов Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Алдошина Марина Ивановна, д-р пед. наук, профессор, директор центра по взаимодействию с Российской академией образования, Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, г. Орёл, Российская Федерация

Бакула Виктория Борисовна, д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой филологии и медиакоммуникаций, Мурманский арктический государственный университет, г. Мурманск, Российская Федерация

Берман Андрей Геннадьевич, канд. ист. наук, заведующий кафедрой отечественной и всеобщей истории, Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Российская Федерация

Бушуева Любовь Ивановна, канд. искусствоведения, старший научный сотрудник искусствоведческого направления, Чувашский государственный институт гуманитарных наук Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики, г. Чебоксары, Российская Федерация

Годовова Елена Викторовна, д-р ист. наук, профессор кафедры истории России, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Российская Федерация

Давлетишина Лейла Хасановна — д-р филол. наук, ученый секретарь Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Российская Федерация

Давыдов Денис Владимирович, д-р ист. наук, профессор кафедры социологии, политологии и менеджмента, Казанский национальный исследовательский технический университет им. А. Н. Туполева — КАИ, г. Казань, Российская Федерация

Джунджужов Степан Викторович, д-р ист. наук, доцент, профессор кафедры истории России, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Российская Федерация

Иванова Алена Михайловна, д-р филол. наук, декан факультета русской и чувашской филологии и журналистики, Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Российская Федерация

Карпушина Лариса Павловна, д-р пед. наук, профессор кафедры художественного и музыкального образования, Мордовский государственный педагогический университет им. М. Е. Евсевьева, г. Саранск, Российская Федерация

Китинов Баатр Учаевич, д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории Востока, Институт востоковедения Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

Краюшкина Татьяна Владимировна, д-р филол. наук, главный научный сотрудник, заведующая Центром истории культуры и межкультурных коммуникаций Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО Российской академии наук, г. Владивосток, Российская Федерация

Куцаева Марина Васильевна, канд. филол. наук, научный сотрудник отдела урало-алтайских языков, Институт языкознания Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

Лиходкина Ирина Александровна, д-р филол. наук, доцент кафедры французского языка, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

Мосина Наталья Михайловна, д-р филол. наук, профессор кафедры английского языка для профессиональной коммуникации, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, г. Саранск, Российская Федерация

Напольнова Елена Марковна, д-р филол. наук, доцент кафедры тюркской филологии Института стран Азии и Африки ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова», г. Москва, Российская Федерация

Ооржак Байлак Чаш-ооловна, д-р филол. наук, главный научный сотрудник Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (Кызыл)

Панькин Аркадий Борисович, д-р пед. наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики, Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова, г. Элиста, Российская Федерация

Прохоров Дмитрий Анатольевич, д-р ист. наук, старший научный сотрудник, доцент кафедры документоведения и архивоведения, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация

Рахманов Бахтиёр Рузikuлович, д-р филол. наук, профессор кафедры мировой литературы Российско-Таджикского (Славянского) университета, г. Душанбе, Республика Таджикистан

Сапожникова Юлия Львовна, д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры английского языка, Смоленский государственный университет, г. Смоленск, Российская Федерация

Сарбашева Алена Мустафаевна, д-р филол. наук, доцент, заведующая сектором карачаево-балкарской литературы Института гуманитарных исследований — Филиала Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, г. Нальчик, Российская Федерация

Сафина Лилиана Михайловна, канд. филол. наук, доцент, заведующая кафедрой русистики, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ), г. Москва, Российская Федерация

Сивкина Наталья Юрьевна, д-р ист. наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Института международных отношений и мировой истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Российская Федерация

Султанбаева Клавдия Ивановна, д-р пед. наук, профессор кафедры дошкольного и специального образования, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан, Российская Федерация

Темербекова Альбина Алексеевна, д-р пед. наук, доцент, профессор кафедры педагогики, психологии и социальной работы, Горно-Алтайский государственный университет, г. Горно-Алтайск, Российская Федерация

Узенова Фатима Таулановна, д-р филол. наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований — Филиала Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, г. Нальчик, Российская Федерация

Ульмасова Замирахон Хабибуллоевна, д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой современной таджикской литературы, Худжандский государственный университет имени академика Б. Гафурова, г. Худжанд, Республика Таджикистан

Федорова Светлана Николаевна, д-р пед. наук, профессор кафедры методологии и управления образовательными системами, Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Российская Федерация

Фомин Эдуард Валентинович — кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Чувашский государственный институт культуры и искусств Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, г. Чебоксары, Российская Федерация

Цаллагова Зарифа Борисовна, д-р пед. наук, ведущий научный сотрудник отдела Кавказа Ордена Дружбы народов Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

Эльбиздукаева Тамара Умаровна, д-р ист. наук, первый заместитель генерального директора, Музей Чеченской Республики, заведующая отделом истории народов Северного Кавказа Института гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики, г. Грозный, Российская Федерация

Юсупова Альфия Шавкетовна, д-р филол. наук, профессор кафедры общего языкознания и тюркологии, Институт филологии и межкультурной коммуникации Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, Российская Федерация

Юша Жанна Монгеевна, д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник лаборатории вербальных культур народов Сибири и Дальнего Востока Института филологии СО Российской академии наук, г. Новосибирск, Российская Федерация

Ягафова Екатерина Андреевна, д-р ист. наук, заведующая кафедрой философии, истории и теории мировой культуры, Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара, Российская Федерация

EDITORIAL COUNCIL:

Elena V. Godovova, doctor of historical sciences, professor of the department of Russian History, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russian Federation

Leila K. Davletshina, doctor of philological sciences, academic secretary of the G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation

Baatr U. Kitinov, doctor of historical sciences, leading research fellow of the department of Oriental History, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Tatiana V. Krayushkina, doctor of pedagogical sciences, professor of the department of art and music education, Mordovian State Pedagogical Institute named after M. E. Evseyev, Saransk, Russian Federation

Marina V. Kutsaeva, candidate of philological sciences, research fellow of the Ural-Altai languages department, Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Bailak C. Oorzhak, doctor of philological sciences, leading research fellow at the Tuva Institute for Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva (Kyzyl)

Anton K. Salmin, doctor of historical sciences, leading research scientist Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

Yulia L. Sapozhnikova, doctor of philological sciences, associate professor, professor of the Department of English Language, Smolensk State University, Smolensk, Russian Federation

Albina A. Temerbekova, doctor of pedagogical sciences, associate professor, professor of the department of Pedagogy, Psychology and Social Work, Gorno-Altai State University, Gorno-Altai, Russian Federation

Zarifa B. Tsallagova, doctor of pedagogical sciences, leading research fellow of the Caucasus Department of FPFIS Order of Peoples' Friendship "The Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (IEA)", Moscow, Russian Federation

EDITORIAL BOARD:

Marina I. Aldoshina, doctor of pedagogic sciences, professor, director of the Center for Interaction with the Russian Academy of Education of the Orel State University named after I. S. Turgenev, Orel, Russian Federation

Viktoriya B. Bakula, doctor of philological sciences, professor, head of the department of philology and media communications, Murmansk Arctic State University, Murmansk, Russian Federation

Andrey G. Berman, candidate of historical sciences, head of the department of national and universal history, Chuvash I. Ya. Yakovlev State Pedagogical University, Cheboksary, Russian Federation

Lyubov I. Bushueva, candidate of art history, senior research fellow of art history, Chuvash State Institute of Humanities of the Ministry of Education and Youth of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation

Elena V. Godovova, doctor of historical sciences, professor of the department of Russian History, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russian Federation

Leila K. Davletshina, doctor of philological sciences, academic secretary of the G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation

Denis V. Davydov, doctor of historical sciences, professor of the department of sociology, political science and management, Kazan National Research Technical University named after A. N. Tupolev – KAI, Kazan, Russian Federation

Stepan V. Dzhunjuзов, doctor of historical sciences, associate professor, professor of the department of Russian history, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russian Federation

Alena M. Ivanova, doctor of philological sciences, dean of the faculty of Russian and Chuvash Philology and Journalism, I. N. Ulianov Chuvash State University, Cheboksary, Russian Federation

Larisa P. Karpushina, doctor of pedagogical sciences, professor of the department of art and music education, Mordovian State Pedagogical Institute named after M. E. Evseyev, Saransk, Russian Federation

Baatr U. Kitinov, doctor of historical sciences, leading research fellow of the department of Oriental History, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Tatiana V. Krayushkina, doctor of philological sciences, leading research fellow, head the Center for the Cultural History and Intercultural Communications of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East FEB RAS, Vladivostok, Russian Federation

Marina V. Kutsaeva, candidate of philological sciences, research fellow of the Ural-Altai languages department, Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Irina A. Likhodkina, doctor of philological sciences, associate professor of the Department of French, Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Natalya M. Mosina, doctor of philological sciences, professor of the department of English for professional communication, National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russian Federation

Elena M. Napolnova, doctor of philological sciences, senior lecturer of the departments of Turkic philology of the Institute of Asian and African countries, Moscow State Lomonosov University, Moscow, Russian Federation

Bailak Ch. Oorzhak, doctor of philological sciences, leading research fellow at the Tuva Institute for Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva (Kyzyl)

Arkadiy B. Pankin, doctor of pedagogical sciences, professor, head of chair, Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov, Elista, Russian Federation

Dmitriy A. Prokhorov, doctor of historical sciences, senior research fellow, associate professor of the department of documentation and archival science, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation

Bahtiyor R. Rakhmanov, doctor of philological sciences, professor of the Department of World Literature of the Russian-Tajik Slavonic University of Dushanbe, Dushanbe, Republic of Tajikistan

Yulia L. Sapozhnikova, doctor of philological sciences, associate professor, professor of the Department of English Language, Smolensk State University, Smolensk, Russian Federation

Alena M. Sarbasheva, doctor of philological sciences, associate professor, head of the sector of Karachay-Balkar Literature of the Institute of Humanitarian Studies – Branch of the Kabardino-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russian Federation

Liliana M. Safina, candidate of philological sciences, associate professor, head of the department of Russian Studies, Moscow Automobile and Road Construction State Technical University (MADI), Moscow, Russian Federation

Natalia Yu. Sivkina, doctor of historical sciences, associate professor of the department of history of the ancient world and the middle ages of the Institute of International Relations and World History, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation

Klavdiya I. Sultanbaeva, doctor of pedagogical sciences, professor of the department of preschool and special education, N.F. Katanov Khakas State University, Abakan, Russian Federation

Albina A. Temerbekova, doctor of pedagogical sciences, associate professor, professor of the department of Pedagogy, Psychology and Social Work, Gorno-Altai State University, Gorno-Altai, Russian Federation

Fatima T. Uzdenova, doctor of philological sciences, senior research fellow at the Institute of Humanitarian Studies – Branch of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russian Federation

Zamirakhon Kh. Ulmasova, doctor of philological sciences, professor, head of chair of Modern Tajik Literature, Khujand State University named after Academician B. Gafurov, Khujand, Republic of Tajikistan

Svetlana N. Fyodorova, doctor of pedagogical sciences, professor of the department of methodology and management of educational systems, Mari State University, honoured educator of the Mary-El Republic, Yoshkar-Ola, Russian Federation

Eduard V. Fomin, candidate of philological sciences, associate professor, head of the department of humanities and socio-economic disciplines, Chuvash State Institute of Culture and Arts of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs and Archival Affairs of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation

Zarifa B. Tsallagova, doctor of pedagogical sciences, leading research fellow of the Caucasus Department of FPFIS Order of Peoples' Friendship "The Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (IEA)", Moscow, Russian Federation

Tamara U. Elbuzdukaeva, doctor of historical sciences, first deputy general director, Museum of the Chechen Republic, head of department of the history of the peoples of the North Caucasus of the Institute of Humanitarian Studies of the Academy of Sciences of the Chechen Republic, Grozny, Russian Federation

Alfiya Sh. Yusupova, doctor of philological sciences, professor of the department of general linguistics and turkology, Institute of philology and Intercultural Communication of the Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation

Zhanna M. Yusha, doctor of philological sciences, lead research fellow of Laboratory of Verbal Cultures of the Peoples of Siberia and the Far East of the Institute of Philology of the SB of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation

Ekaterina A. Yagafova, doctor of historical sciences, head of the department of philosophy, history and theory of world culture, Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russian Federation

От редактора	7
--------------------	---

Этнография, этнология и антропология

Научные статьи

Полевые дневники ботаника Н. А. Буша, как источник о фольклоре и этнографии народов Кавказа (на примере карачаевцев)	8
<i>А. И. Айбазов, Р. А. Схляхо</i>	
Фестивали как практика репрезентации этнической культуры тувинцев	16
<i>Ч. К. Иргит</i>	
Жилище и резной орнамент в контексте мифологических представлений чувашей	23
<i>Г. Б. Матвеев</i>	

Языки и литературы народов мира

Научные статьи

Вербальные и невербальные средства выражения состояния измененного сознания в рассказе Стивена Kinga «Crouch End»	30
<i>В. В. Королева, А. А. Уциев</i>	
Об особенностях бесермянской лексики в «Материалах для сравнительного словаря...» П. М. Сорокина: тюркские заимствования	36
<i>С. А. Максимов</i>	
Иран и иранцы в восприятии удмуртских писателей в 1950–1970-е годы	42
<i>В. Л. Шибанов</i>	

Этнокультурные проблемы образования

Научная статья

Использование этнокультурного ономастического материала в школьном курсе географии	48
<i>Э. В. Екеева</i>	

CONTENTS

From the editor-in-chief	7
--------------------------------	---

Ethnography, Ethnology and Anthropology

Research Articles

Field Diaries of the Botanist N. A. Bush, as a Source of Folklore and Ethnography of the Caucasus Ethnic groups (Using the Example of the Karachays)	8
---	---

Aslan I. Aibazov, Roza A. Skhalyakho

Festivals as a Practice of Representing the Ethnic Culture of Tuvans	16
---	----

Choduraa K. Irgit

Houses and Carving Ornaments in the Context of Chuvash Mythology	23
---	----

Georgii B. Matveev

World languages and literature

Research Articles

Verbal and Non-Verbal Means of Denoting Altered States of Consciousness in Stephen King's Short Story "Crouch End"	30
---	----

Vera V. Koroleva, Ahmad A. Utsiev

On the Specifics of the Besermyan Vocabulary in "Materials for a comparative Dictionary..." by P. M. Sorokin: Turkic Borrowings	36
--	----

Sergey A. Maksimov

Iran and Iranians as Perceived by Udmurt Writers in the 1950s–1970s	42
--	----

Victor L. Shibanov

Ethno-Cultural Problems of Education

Research Article

The Benefits of Including Ethnocultural Onomastic Material in the Middle School Geography Curriculum	48
---	----

Emma V. Ekeeva

Дорогие авторы и читатели!

В очередном выпуске нашего журнала опубликованы статьи, посвященные различным вопросам истории, языка, культуры и образования.

В разделе «Этнография, этнология и антропология» размещена статья А. И. Айбазова, Р. А. Схалыхо «Полевые дневники ботаника Н. А. Буша, как источник о фольклоре и этнографии народов Кавказа (на примере карачаевцев)», которая позволяет внести некоторые коррективы в представления об особенностях карачаевской этнокультуры в конце XIX – начале XX в. В статье Ч. К. Иргит «Фестивали как практика репрезентации этнической культуры тувинцев» показано, что в условиях изменения социокультурного пространства тувинцы как носители этнокультуры осваивают иные, массовые способы коммуникации, расширяя горизонты и пути трансляции своей этнической идентичности. В статье Г. Б. Матвеева «Жилище и резной орнамент в контексте мифологических представлений чувашей» на основе глубокого анализа разнообразных источников (литературных, архивных, полевых) рассмотрены мифологические представления чувашей, связанные с жилищем, надворными постройками, а также космогонические и апотропейные (охранительные) элементы и мотивы, которые нашли отражение в резном орнаменте ворот и архитектурных деталях жилища.

В разделе «Языки и литературы народов мира» размещена статья авторов В. В. Королевой, А. А. Уциева «Вербальные и невербальные средства выражения состояния измененного сознания в рассказе Стивена Кинга «Crouch End». Авторы статьи осуществили исследование, характеризующееся междисциплинарностью, результаты которого могут быть полезны как в теории текста и дискурса, общей теории коммуникации, так и в теории перевода, психо- и прагматического материала. Статья В. Л. Шибанова «Иран и иранцы в восприятии удмуртских писателей в 1950–1970-е годы» содержит новый, ранее неизученный материал, в ней осмысливаются новые для финно-угорского литературоведения идейно-тематические аспекты. Сделанные выводы в статье С. А. Максимова «Об особенностях бесермянской лексики в «материалах для сравнительного словаря...» П. М. Сорокина: тюркские заимствования» представляют несомненную ценность, т.к. они проливают свет на направление исторических миграций этнических групп Поволжья.

В разделе «Этнокультурные проблемы образования» размещена статья Э. В. Екеевой «Использование этнокультурного ономастического материала в школьном курсе географии» Работа является обобщением авторского педагогического опыта и вносит вклад в этнопедагогику.

Редакция и редколлегия выражают искреннюю благодарность всем внешним экспертам журнала, которые поделились своим профессиональным мнением о публикуемых материалах.

Дорогие читатели, авторы и рецензенты! Редакционный совет, научный коллектив и руководство Чувашского государственного института культуры и искусств желают вам крепкого здоровья, новых научных открытий и творческих свершений!

Баскакова Н. И.,

ректор Чувашского государственного института культуры и искусств,
кандидат философских наук

A FOREWORD FROM THE EDITOR-IN-CHIEF

Dear authors and readers!

The next issue of our magazine contains articles on various issues of history, language, culture and education.

The section "Ethnography, ethnology and anthropology" contains an article by A. I. Aibazov, R. A. Shalyakho "Field Diaries of the Botanist N. A. Bush, as a Source of Folklore and Ethnography of the Caucasus Ethnic groups (Using the Example of the Karachays)", which allows making some adjustments to the ideas about the features of the Karachai ethnoculture in the late XIX – early XX century. In the article by C. K. Irgit "Festivals as a Practice of Representing the Ethnic Culture of Tuvans" shows that in the context of changing socio-cultural space, Tuvans, as carriers of ethnic culture, master other, mass ways of communication, expanding horizons and ways of broadcasting their ethnic identity. In the article by G. B. Matveeva's "Houses and Carving Ornaments in the Context of Chuvash Mythology" based on an in-depth analysis of various sources (literary, archival, field), the Chuvash mythological representations related to housing, outbuildings, as well as cosmogonic and apotropaic (protective) elements and motifs reflected in the carved ornament of gates and architectural details of the dwelling are considered.

The section "Languages and Literatures of the peoples of the world" contains an article by the authors V. V. Koroleva, A. A. Utsiev "Verbal and Non-Verbal Means of Denoting Altered States of Consciousness in Stephen King's Short Story "Crouch End". The authors of the article carried out a research characterized by interdisciplinarity, the results of which can be useful both in the theory of text and discourse, the general theory of communication, and in the theory of translation, psycho- and pragmalinguistics. V. L.'s article Shibanova's "Iran and Iranians as Perceived by Udmurt Writers in the 1950s–1970s" contains new, previously unexplored material, it comprehends new ideological and thematic aspects for Finno-Ugric literary criticism. The conclusions drawn in S. A. Maksimov's article "On the Specifics of the Besermyan Vocabulary in "Materials for a comparative Dictionary..." by P. M. Sorokin: Turkic Borrowings" are of undoubted value, since they shed light on the direction of historical migrations of ethnic groups of the Volga region.

The section "Ethnocultural problems of education" contains an article by E. V. Yekeeva "The Benefits of Including Ethnocultural Onomastic Material in the Middle School Geography Curriculum". The work is a generalization of the author's pedagogical experience and contributes to ethnopädagogy.

The editors and the editorial board would like to express their sincere gratitude to all the external experts of the journal who shared their professional opinion on the published materials.

Dear readers, authors and reviewers! The Editorial Board, the scientific staff and the leadership of the Chuvash State Institute of Culture and Arts wish you good health, new scientific discoveries and creative achievements!

Natalia I. Baskakova,

rector of the Chuvash State Institute of Culture and Arts,
candidate of philosophical sciences

Полевые дневники ботаника Н. А. Буша, как источник о фольклоре и этнографии народов Кавказа (на примере карачаевцев)

<https://doi.org/10.31483/r-150701>

УДК 39(=512.142)

Айбазов А. И.^{1,а}, Схалыхо Р. А.^{2,б}¹ФГБОУ ВО «Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева»

г. Карачаевск, Российская Федерация

²Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук

г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.

^а <https://orcid.org/0000-0003-0034-9408>, e-mail: aslan-87@yandex.ru^б <https://orcid.org/0000-0002-4005-1887>, e-mail: shalyaho.roza@yandex.ru

Резюме. Представленная работа посвящена исследованию научного наследия Н. А. Буша. Основными областями его научного интереса были растительность, флора и география Кавказа. Сопутствующим результатом многочисленных поездок на Кавказ стали материалы фольклорного и этнографического характера, а также этнографические коллекции. К ним в последние годы проявляется значительный интерес. Настоящая работа вводит в оборот материалы, касающиеся карачаевцев. Они были зафиксированы Н. А. Бушем в конце XIX в. и сохранились в его личном фонде в Санкт-Петербургском филиале архива Российской академии наук. Материалом для настоящей работы послужили сведения, заимствованные из дневника, который Н. А. Буш вел в ходе летней поездки в Кубанскую область в 1897 г. Некоторые результаты данной поездки были опубликованы в виде отдельной статьи, но в большинстве своем материал еще не был обнародован. В связи с этим для авторов статьи было важно проанализировать научную ценность дневников ученого. Работа основана на сравнительном методе. Авторы также ставят целью обратить внимание исследователей на самого Н. А. Буша как на собирателя-кавказоведа, чей материал в массе своей не исследован. Полученные в ходе исследования результаты показывают, что ученому удалось зафиксировать ценные фольклорные и этнографические данные. Анализ материала позволяет говорить, что сведения, собранные Н. А. Бушем, в полной мере заслуживают доверия и могут быть крайне интересны для дальнейшего изучения.

Ключевые слова: фольклор, этнография, Буш, Кавказ, кавказоведение, Карачай, карачаевцы.

Благодарности. Статья подготовлена в рамках плановой темы научно-исследовательской работы Музея антропологии и этнографии Российской академии наук.

Для цитирования: Айбазов А. И. Полевые дневники ботаника Н. А. Буша, как источник о фольклоре и этнографии народов Кавказа (на примере карачаевцев) / А. И. Айбазов, Р. А. Схалыхо // Этническая культура. 2025. Т. 7, № 4. С. 8-15. DOI 10.31483/r-150701. EDN BVPHNW

Research Article

Field Diaries of the Botanist N. A. Bush, as a Source of Folklore and Ethnography of the Caucasus Ethnic groups (Using the Example of the Karachays)

Aslan I. Aibazov^{1,а}, Roza A. Skhalyakhon^{2,б} Karachay-Cherkess State Pedagogical University
Cherkessk, Russian Federation. Peter the Great's Museum of Anthropology and Ethnography
Saint Petersburg, Russian Federation.^а <https://orcid.org/0000-0003-0034-9408>, e-mail: aslan-87@yandex.ru^б <https://orcid.org/0000-0002-4005-1887>, e-mail: shalyaho.roza@yandex.ru

Abstract. This paper explores the scientific legacy of N. A. Bush. His primary areas of interest were the vegetation, flora, and geography of the Caucasus. His numerous trips to the Caucasus yielded folklore and ethnographic materials and information, as well as ethnographic collections gathered from local residents. Interest in these materials has increased in recent years, and some of the collection has been included in scholarly circulation. This paper aims to continue this endeavor and introduces materials relating to the Karachays. These materials were recorded by N. A. Bush in the late 19th century and are preserved in his personal collection at the St. Petersburg branch of the Russian Academy of Sciences. This paper draws on information from a diary kept by N. A. Bush during his summer trip to the Kuban region in 1897. Some of the results of this trip were published as a separate article, but the majority of the material has not appeared in print. Therefore, it was important for the authors of this article to analyze its scientific value. The primary research method for this study is comparative analysis. The authors also aimed to draw researchers' attention to N. A. Bush himself as a collector and specialist in the Caucasus, whose material remains largely unstudied. The results obtained during the study demonstrate that the scholar was able to capture valuable folklore and ethnographic data. Analysis of the material allows us to conclude that the information collected by N. A. Bush is fully trustworthy and may be of great interest for further study.

Keywords: ethnography, folklore, Bush, Caucasus, Caucasus studies, Karachay, Karachays.

Acknowledgements. The article was prepared within the framework of the planned research topic of the Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Aibazov A. I., & Skhalyakhon R. A. (2025). Field Diaries of the Botanist N. A. Bush, as a Source of Folklore and Ethnography of the Caucasus Ethnic groups (Using the Example of the Karachays). *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 7(4), 8-15. EDN: BVPHNW. <https://doi.org/10.31483/r-150701>

Введение

Николай Адольфович Буш (1869–1941) — выдающийся

ся ученый-ботаник, систематик, географ, автор огромного количества научных работ. В историю отечественной

науки он также вошел как талантливый преподаватель, воспитавший целую плеяду известных учеников. О масштабе его личности и вкладе в науку красноречиво говорит тот факт, что к началу 70-х гг. XX в. в его честь было названо 33 таксона растений¹. При этом имя Н. А. Буша сегодня малоизвестно в кругу кавказоведов. Это обстоятельство делает актуальным обращение к его богатому и разностороннему научному наследию, являющемуся результатом многолетней полевой работы.

Кавказ был главным направлением его научных изысканий. Первые поездки он совершил еще студентом в 1894 г., и с перерывами ездил туда до 1913 г. Объектом его интереса была флора и растительность. Н. А. Буш также внес значительный вклад в изучение географии Кавказа. Революция 1917 г. и Гражданская война вынудили на время прекратить кавказоведческие исследования. В 1925 г. начался второй цикл экспедиций. В 1934 г. в связи с организацией Юго-Осетинского горно-лугового стационара² ученый переходит к стационарным методам научной работы.

В многочисленных поездках раскрылась еще одна грань таланта Н. А. Буша. Обладая редкой наблюдательностью, открытостью к новым знаниям и широтой интересов, он записывал свои наблюдения за жизнью народов, встречавшихся в различных уголках Кавказа, а также фиксировал данные об их фольклоре, этнографии и истории. В частности, в 1927 г. в Балкарии и Дигории ботаническая экспедиция под его руководством записала 19 балкарских и дигорских сказок³. К сожалению, эти записи не были опубликованы и даже сам факт сбора был вскоре забыт. Ситуация с изучением собранного им этнографического материала начала меняться только в последнее время благодаря работам Д. И. Месхидзе [Месхидзе, 2023, с. 220–250].

В настоящей работе продолжается начинание Д. И. Месхидзе, связанное с публикацией материалов Н. А. Буша. Благодаря изысканиям, проведенным в отечественных архивохранилищах, мы можем уверенно говорить, что увлеченность ученого в деле собирания фольклора и этнографических материалов была даже большей, чем предполагалось ранее.

Материалы и методы исследования

Цель настоящей работы — привлечение внимания авторов к собранным Н. А. Бушем материалам. Мы сочли уместным для этого провести некоторый предварительный анализ вновь публикуемого материала, продемонстрировать насколько возможно его научное значение и потенциал, показать, что и в области фоль-

клора и этнографии Н. А. Буш являлся ответственным и заслуживающим доверия собирателем.

Работа основана на методе сравнительного анализа. Исследование и анализ привлеченного материала осуществлялись с учетом объективных ограничений, накладываемых форматом научной статьи.

Настоящее сообщение ни по объему, ни по глубине разработки не претендует на исчерпывающий анализ сведений и итоговый характер озвученных выводов.

Результаты исследования и их обсуждение

Летом 1896, 1897 и 1899 гг. на средства Русского географического общества Н. А. Буш последовательно совершил три поездки на Кавказ для изучения местных ледников и флоры. Основным районом, где осуществлялись исследования, была Кубанская область. Результаты поездок вскоре были опубликованы Н. А. Бушем на страницах известий общества.

В личном фонде ученого в Санкт-Петербургском филиале архива Академии наук нами выявлено дело, в котором отложились полевые дневники, которые он вел в этих поездках. Материал значительный — пять тетрадей, 18 записных книжек, общий объем более полутора тысячи листов. В особенности любопытен дневник Н. А. Буша, содержащий записи с седьмого июля по 14 августа 1897 г.⁴ Дневник представляет собой небольшую записную книжку в кожаной обложке. Сохранность документа высокая, но блок распадается, часть листов выпадает. Записи сделаны карандашом скорым малоразборчивым почерком. Имеются немногочисленные потертости текста, несколько затрудняющие чтение оригинала. Хотя часть дневника опубликована в статье «Предварительный отчет о втором путешествии по Северо-Западному Кавказу в 1897 году»⁵, в нем также имеется материал, еще не известный ученым.

Н. А. Буш писал, что главной целью экспедиции в 1897 г. было исследование ледников, находящихся по р. Чхалты и ее притокам, а после он имел поручение осмотреть ледники между р. Тебердой и Учкуланом⁶. Третьего июля 1897 г. он прибыл вместе со студентом Санкт-Петербургского университета Н. Н. Щукиным⁷ на железнодорожную станцию Невинномысскую. Шестого июля они выехали в Тебердинский аул и доехали туда на следующий день. «В ауле пришлось прожить целую неделю; надо было купить лошадей и нанять проводников. В это время мы старались ознакомиться с бытом и нравами карачаевцев. Теперь мы были уже хорошо известны в ауле, и нас радушно принимали в каждой сакле; показывали нам внутреннее устройство жилища, домашнюю утварь, процесс производства бурок, национальные танцы и пр.»⁸.

⁴ Санкт-Петербургский филиал архива Академии наук. Фонд 897. Опись 1. Дело 57. Листы 1403–1504.

⁵ Буш Н. А. Предварительный отчет о втором путешествии по Северо-Западному Кавказу в 1897 году // Известия Императорского Русского географического общества. 1898. Том 34, выпуск 5. С. 519–590.

⁶ Там же. С. 519.

⁷ В дневнике его имя встречается под аббревиатурой Н. Н.

⁸ Буш Н. А. Указанное сочинение. С. 523.

¹ Федоров А. А. Николай Адольфович Буш как систематик и флорист (к столетию со дня рождения) // Ботанический журнал. 1969. Том 54. № 11. С. 1646. Часть названий дана одновременно в честь него самого и его супруги.

² Шенников А. П. Памяти Николая Адольфовича Буша // Ботанический журнал. 1952. Том 37, № 5. С. 714–715; Уткин Л. А. Жизнь и деятельность Н. А. Буша (к пятидесятилетию со дня смерти) // Известия Всесоюзного географического общества. 1956. Том 88, № 6. С. 541; Корчагин А. А. Научная и педагогическая деятельность Николая Адольфовича Буша // Ботанический журнал. 1969. Том 54, № 11. С. 1635–1637.

³ Отчет о деятельности Академии наук Союза Советских Социалистических Республик за 1927 год. II. Отчет о научных командировках и экспедициях. Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1928. С. 100.

Из дневника известно, что девятого июля они приобрели две лошади и наняли трех проводников. «Их имена: Рамазан Кипкеев, Ахъя Семенов и Чомак Семенов»⁹.

Десятого июля Н. А. Буш был приглашен одним из жителей аула, Томашем Кочкаровым, на вечеринку в дом прапорщика¹⁰ Адемья Байчорова. Семья последнего — знаковая в истории Карачая, в особенности аула, где остановился ученый: «Тебердинский аул основан 29 лет назад Ужаем, отцом Султана, почему он до сих пор и называется у казаков Ужаевым аулом, — пишет Н. А. Буш. — У Ужая было 4 сына и 4 дочери. Султан и четыре его сестры от первой жены, а остальные три сына от второй, а именно Адемья, Чепело и (имя зачеркнуто. — Авт.) Паблач и Ужай»¹¹.

В доме Байчоровых Н. А. Буш сделал самые интересные записи: «В 10 часов я вошел в кунацкую его сакли и застал уже там несколько молодых карачаевцев, семью хозяина, состоящую из довольно красивой жены и маленькой дочери и двух девиц, из которых одна племянница хозяина, а относительно другой я не знаю ничего. Один кавалер с племянницей танцевали, а остальные кавалеры хлопали в ладоши в такт. Танец очень однообразный: он состоит в попеременном наступании и отступании кавалера к девице, и девицы к кавалеру. Замечательно, какою природною грацией, изяществом и ловкостью отличаются все движения, как дам, так и кавалеров. Ничего лишнего или грубого, все очень скромно, просто, непринужденно и изящно. Я видел еще танец, который танцуются двумя мужчинами, из которых один обнимает другого за плечи и потом оба приплясывая двигаются в одном направлении»¹².

В первом танце без труда можно узнать карачаевский *тиюз-тепсеу*, т. е. простой танец. Н. А. Буш не случайно стал свидетелем его исполнения. По словам Г. Ф. Чурсина, посетившего Карачай через несколько лет, это был «самый употребительный, самый популярный танец в Карачае»¹³. Таковым он остается и в настоящее время, редкий праздник проходит без его исполнения. Второй танец идентифицировать не удалось. Надеемся, что профильные специалисты смогут сделать это в будущем.

В тот же вечер Н. А. Буш, как он выражается, «слушал песню». Узнав в ее тексте знакомое название Уч-Кулан, он попросил хозяина дома рассказать ее содержание. С его слов был записан следующий рассказ:

⁹ Санкт-Петербургский филиал архива Академии наук. Указанный документ. Лист 1412. Современники были единодушны, называя Н. А. Буша светлым, доброжелательным и отзывчивым человеком. Мы в свою очередь не можем не отметить деталь, которая вполне подтверждает справедливость этих слов. Проводник А. Семенов был уже знаком с ним и за помощь в поездке 1896 г., по инициативе Н. А. Буша, был награжден бронзовой медалью Российского географического общества. Р. Кипкеев и Ч. Семенов позднее получили такие же медали за содействия, оказанные в поездке 1897 г. [Отчет Императорского Русского географического общества за 1896 год. Санкт-Петербург: Типография А. С. Суворина, 1897. С. 53; Отчет Императорского Русского географического общества за 1897 год. Санкт-Петербург: Типография А. С. Суворина, 1898. С. 48].

¹⁰ Историк Ш. М. Батчаев в устной беседе сообщил, что по его данным Адемья Байчоров хотя и состоял на военной службе, но чина прапорщика на тот момент не имел.

¹¹ Санкт-Петербургский филиал архива Академии наук. Указанный документ. Листы 1422–1423.

¹² Там же. Листы 1412 оборот–1414.

¹³ Чурсин Г. Музыка и танцы карачаевцев // Кавказ. 1901. № 270. С. 2.

«Легенда о Канамате. В Карачае недавно был разбойник по имени Канамат. Он со своими товарищами навел страх на все население; много скота перегнал он на южный склон хребта. Он был пойман и сослан в Сибирь на каторгу, откуда бежал прямо назад в Уч-Кулан. Жители Уч-Кулана пришли в ужас, узнав о его появлении и собралась небольшая партия, решившая его убить. Канамат же, побуждаемый любовью к родине, не думал искать спасения в бегстве; он поселился у одного из своих старых кунаков и считал себя в безопасности, потому что не думал, что его место пребывания делается известным. Однако нашелся человек, который указал врагам Канамата, где он скрывается. На дом этот было произведено нападение и геройски защищавшийся Канамат был убит. Это произошло в прошлом году, как говорит хозяин. Удивительно, что в течение года понемногу составила целая народная легенда, при том рифмованная, как сообщил хозяин»¹⁴.

Легенда на самом деле представляет собой одну из наиболее известных карачаевских историко-героических песен, посвященных абреку Канамату Эбзееву. Как писал один из первых карачаевских литераторов И. Карачайлы, «в Карачае очень известна песня “Канаматны джыры” — песня о Канамате»¹⁵. Помимо карачаевского оригинала существуют еще балкарские и кабардинские варианты¹⁶.

Песня о Канамате пережила множество публикаций. Впервые ее текст был опубликован венгерским ориенталистом В. Прёле в 1909 г. в журнале «Keleti szemle»¹⁷. Наиболее известным и распространенным следует назвать вариант, напечатанный М. А. Дудовым и Х. О. Лайпановым в 1940 г. в сборнике карачаевских народных песен¹⁸. Запись Н. А. Буша соответственно является наиболее ранней фиксацией данного сюжета, что само по себе весьма ценно.

М. А. Дудов и Х. О. Лайпанов сопроводили свой вариант небольшим предисловием (надо полагать, полученным от младших современников событий), в котором они сообщают историю злоключений абрека¹⁹. По их словам, К. Эбзеев был якобы из аула Нижняя Теберда. Однажды царские чиновники дали распоря-

¹⁴ Санкт-Петербургский филиал архива Академии наук. Указанный документ. Листы 1414 оборот–1416 оборот.

¹⁵ Ислам Карачайлы. Сатирические песни Карачая // Советский Северный Кавказ. 1930. № 1. С. 39.

¹⁶ Малкяр поэзияны антологиясы / составители А. Ю. Бозиев, С. А. Отаров, А. Х. Соттаев. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1959. С. 78–79; Малкяр халкы джыры / составители С. А. Отаров, А. З. Холаев. Нальчик: Эльбрус, 1969. С. 87–88; Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов / составители В. Х. Баранов, З. П. Кардангушев. Москва: Советский композитор, 1990. Том 3. Часть 2. С. 296–301. В совместной статье выдающихся советских поэтов балкарца К. Кулиева и осетина Н. Джусойты есть даже следующие слова: «Самыми знаменитыми абреками ... были чеченец Зелимхан, балкарец Канамат, осетин Сала Гаглойти» (Песни народов Северного Кавказа. 2-е издание. Ленинград: Советский писатель, 1976. С. 26).

¹⁷ Pröhle W. Karatschajische Studien // Keleti Szemle. Budapest, 1909. Tome 10. S. 251–252.

¹⁸ Дудов М. А., Лайпанов Х. О. Эски кьарачай джырыла. Микоян-Шахар, 1940. С. 59–61.

¹⁹ Малоинформативными комментариями сопровождается и первая публикация песни. В них В. Прёле поясняет, что «Канамат, сын Алия», был известным абреком, который убит примерно 13–14 лет назад запертым в доме в Уч-Кулане.

жение старшинам карачаевских селений выдать разного рода преступников и лиц противных закону. Старшина аула, который по какому-то поводу имел на него вражду, решил воспользоваться случаем и арестовал Канамата, его брата и товарища. Арестованные смогли бежать. Не имея возможности вернуться в родной аул, они несколько лет скрывались в лесах. Устав от подобной жизни, в 1893 г. они решают покончить с абречеством и получить необходимые для этого документы. Они приезжают в аул Учкулан. В конце концов с бумагами им обещает помочь некто Хаджибекир Поллюев. Заручившись их доверием, он вероломно выдает беглецов. Старшина аула со своими людьми окружает дом, где они скрывались, и в завязавшейся перестрелке Канамат погибает, его спутников отправляют в Сибирь²⁰.

Тем же вечером Н. А. Бушу сообщили другую версию случившегося. Примечательно, что в этот раз информатором был не Адемей Байчоров, а Т. Кочкаров: «Томаш рассказал мне действительную историю Канамата. Он был схвачен после бегства с каторги, приговорен обществом к выселению обратно в Сибирь и выслан, но дорогой, в Хумаре, ему удалось бежать. Он решил достать себе подложный паспорт и бежать в Турцию. Для этого он отправился ночью к писарю в Уч-Кулан, который его лично не знал, ибо не видел по возвращении с каторги, но догадался, что имеет дело с подозрительными людьми (с Канаматом было 2 товарища). Он под предлогом отсутствия у него бумаги сказал, что пойдет в лавку за бумагой, а сам отправился к старшине. Старшина собрал народ, окружил дом, где находились разбойники и убил Канамата. За убийство его судили, но он был оправдан»²¹.

Все упомянутые выше варианты сообщают одну историю. С небольшими оговорками можно сказать, что они скорее дополняют друг друга, чем противоречат. Там, где расхождения имеют место, они преимущественно связаны с оценкой и трактовкой личности абрека и совершенных им деяний.

Представленные выдержки, безусловно, являются весомым аргументом в вопросе о надежности сведений, собранных Н. А. Бушем. На наш взгляд, их вполне достаточно, чтобы говорить о нем как о внимательном и добросовестном собирателе. Записи Н. А. Буша точны даже в деталях. Например, та часть, где Т. Кочкаров рассказывает о писаре и о том, как тот сообщил властям о Канамате, с удивительной точностью повторяется в тексте песни, опубликованной более чем через сорок лет. В публикации М. А. Дудова и Х. О. Лайпанова есть строки: *Как только мы пришли [к Поллюеву Хаджибекиру], он нас в кунацкую отвел / хитростью наше оружие с рук снял, / ночью накормил кровавыми яствами, / утром же как черных овец зарезал / – я пойду и возьму бумагу, ручку / для тебя, Канамат, хороший документ напишу, / чтобы никто тебя не увидел, основательно спрячу, / возьму [для вас] паспорт и отправлю к турецкому султану*²². Эпизод сохранился и в фольклоре кабардинцев²³.

²⁰ Дудов М. А., Лайпанов Х. О. Указанное сочинение. С. 59.

²¹ Санкт-Петербургский филиал архива Академии наук. Указанный документ. Листы 1421–1422.

²² Дудов М. А., Лайпанов Х. О. Указанное сочинение. С. 60.

²³ Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. С. 301.

Н. А. Буш оказывается ближе к истине, утверждая, что абрек Канамат погиб в прошлом, то есть в 1896 г., а не в 1893 г., как сообщают М. А. Дудов и Х. О. Лайпанов. Точно указать дату смерти возможно благодаря ведомости о происшествиях Баталпащинского отдела Кубанской области, согласно которой К. Эбзеев был убит пятого июня 1895 г.²⁴.

Удивление Н. А. Буша по поводу того, как быстро появилась народная песня, не может не подтолкнуть нас к следующим мыслям. По степени популярности песню о Канамате действительно можно назвать народной, но исследователи сходятся во мнении, что она была сочинена знаменитым в Карачае джырчы²⁵ Касботом Кочкаровым²⁶. У нас нет оснований подвергать эту точку зрения сомнению. Однако М. А. Хабичев замечает, что содержание песни в первой публикации В. Прёле «во многом отличается от содержания современных вариантов»²⁷. Возможно, изначально существовало несколько различных песен об абреке Канамате, а К. Кочкаров был автором одной из них. Слова Н. А. Буша дают некоторые основания для подобных измышлений.

В советское время история абрека Канамата приобрела ярко выраженную классовую интерпретацию: «Канамат Эбзеев и его товарищи изображены в песне с большой любовью, а представители господствующих сословий («стая воронов»), виновные в трагической гибели героя, рисуются в резко отрицательных тонах»²⁸. Или же: «Песня призывает к уничтожению царских порядков. Известно, что уже в дореволюционный период песни «Барак», «Канамат», «Тапалау» стали песнями трудящихся, их запрещали петь в среде привилегированных слоев общества»²⁹.

Мотив социального протеста в песне действительно представлен. Мы сознательно опускаем возможность того, что в оригинальный текст в советское время могли быть внесены какие-то идеологические правки. Но мы далеки от мысли, что популярность песни и образа абрека обуславливаются только этим. Сложно поверить, что ее запрещали в богатых домах, и что ее нужно воспринимать как своеобразный гимн пролетариата. Приведенные строчки Н. А. Буш записал в доме Адемей Байчорова, семья которого была одной из наиболее влиятельных и богатых в Карачае³⁰. Причину популярности следует искать в менталитете местного населения. «Удаль, отвага всегда считались у карачаевцев высшей доблестью человека, поэтому карачаевская песня с особенной любовью отмечает проявления этих качеств, — писал в 1901 г. Г. Чурсин. — Такова, напр., песня о разбойнике Канамате»³¹.

²⁴ Государственный архив Краснодарского края. Фонд 454. Опись 2. Дело 2494. Листы 27 оборот–28 оборот.

²⁵ Джырчи — ашуг, народный певец-импровизатор, поэт.

²⁶ Хабичев М. А. Касбот Кочкаров — старейшина народных поэтов. Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 1986. 256 с.; Ортабаева Р. А.-К. Карачаево-балкарские народные песни. Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 1977. 152 с.

²⁷ Там же. С. 65.

²⁸ Ортабаева Р. А.-К. Указанное сочинение. С. 65–66.

²⁹ Хабичев М. А. Указанное сочинение. С. 64.

³⁰ Добавим, что В. Прёле записал свою версию у Иммулата Хубиева — человека весьма состоятельного, авторитетного эфенди, помощника народного кадия Карачая.

³¹ Чурсин Г. Указанное сочинение. С. 2.

Иными словами, как бы ни была противоречива фигура абрека К. Эбзеева, но в сознании людей, причем и среди богатых, и среди бедных, он воспринимался как архетип мужчины-воина и соответственно как образец для подражания. Для народа, который большую часть истории провел в непрерывной борьбе за выживание, те качества, которые делали из мужчин храбрых воинов, становились наиболее ценными. Упомянутый ранее И. Карачайлы писал, что «Канамат был преступником с точки зрения царских сатрапов, но он был сподвижником в глазах народных масс», что от песни «веет благородством борьбы», но свои размышления о герое песни, он начал со слов: «Канамат Алиев[ич], это – некий мужественный карачаевец, которого преследовал царский закон»³². Таким абрек остался в памяти большей части карачаевцев³³.

Бросается в глаза, насколько по-разному информаторы Н. А. Буша оценивают личность абрека. В первом случае — он герой и патриот, хотя и разбойник. Во втором — рассказчик называет его преступником. Объяснение комплементарного отношения со стороны первого рассказчика мы постарались дать выше. Причины негативного отношения со стороны второго могут быть весьма прозаичными. К. Эбзеев был убит однофамильцем, считай, дальним родственником, Т. Кочкарова старшиной аула Учкулан Хаджи-Умаром Кочкаровым³⁴.

Тогда же Н. А. Буш записал еще один интересный текст, озаглавленный им как легенда об Азнауре: «Во время завоевания Западного Кавказа жил разбойник Азнаур, который действовал, впрочем, главным образом в Терской области. У него был знаменитый белый конь, которого знали все и по которому всякому было легко узнать Азнаура. Однажды он с товарищами ночевал в горах. Случайно проснувшись, он неожиданно увидел приближающийся к ним русский отряд, выслеживавший его. Так как отряд был уже близко, чтобы обмануть врагов, Азнаур не сел на белого коня, который мог бы его немедленно выдать, а послал его с одним из товарищей укромной дорогой вперед, сам же сел на другую лошадь. Русские, однако не оставили преследования. Азнаур увидел, что его положение стало критическим, тем более что его лошадь совсем измучилась и готова была пасть. Тут его охватило жгучее чувство раскаяния за то, что он отослал своего верного коня, который мог бы его спасти. Отряд между тем надвигался все ближе и ближе. В отчаянии Азнаур просил своих товарищей дать ему новую лошадь, но те в ужасе старались спасти свою жизнь поспешным бегством. Тогда Азнаур, оставленный своими, снял с лошади седло, лег на него и положил голову. В таком положении его нашли русские и убили»³⁵.

Рассказ интересен уже тем, что в записях карачаевского фольклора данное произведение встречается весьма редко. А в том виде, в котором его зафиксировал Н. А. Буш, — неизвестно вовсе. Здесь мы имеем дело с ранее неопубли-

кованным прозаическим вариантом балкарской народной песни о князе Азнауре. Значительное внимание ее исследованию уделит Х. Х. Малкондуев. Он считает, что песня описывает события, вероятнее всего, относящиеся к XVIII в., и посвящена балкарскому князю Азнауру Жанхотову. По одной из двух основных сюжетных линий ее герой участвует в совместном с кабардинскими князьями набеге на ногайцев. Отбив табун, они возвращаются обратно. По дороге их догоняют и завязывается битва, в которой Азнаур погибает. Его смерть описана Х. Х. Малкондуевым следующим образом: «Надеясь на данное Азнауром слово, ногаец на белом коне подъезжает к нему близко... Когда между ними начался диалог, позади Азнаура раздался выстрел. Раненый Азнаур здесь убивает многих своих врагов. В тот момент, приблизившись, всадник на белом коне выстрелил в грудь героя. Когда его начали одолевать раны, он отпускает своего коня и ползком добирается до Кубани, где и умирает»³⁶. Первичность балкарской версии не может быть оспорена. Оговорка Н. А. Буша, что Азнаур действовал больше в Терской области является прямым подтверждением заимствования песни у соседей-балкарцев³⁷. Однако наличие целого ряда новаций — переосмысление мотива чудесного коня, героического принятия смерти, перенос событий на реалии Кавказской войны XIX в. — говорит о глубокой переработке текста на карачаевской почве и соответственно о его давнем заимствовании.

К событиям из недавнего прошлого Карачая относятся следующие строки, записанные Н. А. Бушем 16 июля 1897 г.: «Недалеко от устья Бу-Ульгена проехали место, где, как рассказывали проводники, был убит абхазцем один карачаевский князь, убит случайно вместо Петрусевица, который ходил с казаками прогонять абхазцев с верховьев Клухора. Абхазец выстрелил в князя сверху, со склона, из зарослей молодой березы, попал в ногу и еще куда-то и убил. Петрусевиц возвратился после этого обратно»³⁸.

Исторический контекст отрывка ясен при обращении к архивным документам. В 1866 г. в Абхазии произошло так называемое Лыхненское восстание. Пристав Карачая штабс-капитан Н. Г. Петрусевиц принялся энергично очищать северный склон Кавказского хребта от отар и кочевий, принадлежавших абхазам. Происходили стычки. Судя по его рапорту, хранящемуся в Государственном архиве Краснодарского края, восьмого августа 1866 г. в одной из перестрелок был тяжело ранен поручик Батоко Карамурзин, происходивший из карачаевских чанка³⁹, а сам пристав направился обратно в сторону р. Хасаут⁴⁰. Из последовавшего рапорта помощника Н. Г. Петрусевица, видно, что рана стала смертельной⁴¹.

³⁶ Малкондуев Х. Х. Историко-героические песни карачаево-балкарского народа (конец XIV–XVIII века). Нальчик: Печатный двор, 2015. С. 249–250.

³⁷ До Октябрьской революции балкарцы административно были отнесены к Терской области. Абсолютное большинство карачаевцев жило на территории Кубанской области.

³⁸ Санкт-Петербургский филиал архива Академии наук. Указанный документ. Лист 1437.

³⁹ Словом чанка в карачаево-балкарском языке обозначается особая социальная группа, занимавшая положение между местной высшей аристократией (бий), которую в русской традиции обычно именуют князьями, и основной частью лично свободного населения — ездено.

⁴⁰ Государственный архив Краснодарского края. Фонд 774. Опись 1. Дело 263. Листы 36–38.

⁴¹ Там же. Дело 8. Листы 51–51 оборот.

³² Ислам Карачайлы. Указанное сочинение. С. 39.

³³ Мы имели возможность общаться с прямым потомком К. Эбзеева — Иоска Хаджимуратовичем Эбзеевым 1954 года рождения. На наш вопрос, не испытывал ли он какого-либо негативного последствия от факта своего родства с известнейшим абреком, он уверенно ответил, что никогда ничего подобного не было. В народе его семья до сих пор известна как потомки того самого Канамата.

³⁴ Дудов М. А., Лайпанов Х. О. Указанное сочинение. С. 59.

³⁵ Санкт-Петербургский филиал архива Академии наук. Указанный документ. Листы 1416 оборот–1419 оборот.

Для работы, которую вел Н. А. Буш, было очень важным правильно и точно фиксировать встречающиеся топонимы. Его труды насыщены множеством местных названий. Он часто поправлял ошибки, допущенные в других публикациях, старался дать перевод названий на русский язык. Неудивительно, что ему удалось познакомиться с историей появления одного из них: «От озера открывается чудный вид на гору Чотча-минген-кая, которая названа так потому, что на ее вершину скалистую и острую, на которой и на склонах которой не может даже держаться снег взбирался один карачаевский охотник Чотча. После него многие пытались взобраться на эту вершину, но безуспешно. Чотча совершил свое восхождение лет 30–40 тому назад. “Минген” значит “был”, “кая” — “скала”»⁴².

Предание практически дословно вошло в текст опубликованной статьи⁴³. Позднее оно в той или иной вариации не раз приводилось в литературе, но публикация Н. А. Буша является одной из наиболее ранних.

Ценность дневников Н. А. Буша не ограничивается записями фольклорных или исторических сведений. Многие из того, что видел он сам или его спутники для современных исследователей представляет самостоятельный интерес. Например, 31 июля он был свидетелем следующего эпизода: «Сегодня в 1 час дня выехали из Уч-Кулана. Одновременно с нами выехал в Карт-Джурт поезд за невестой одного карачаевца. В поезде участвовало очень много народа, предводимых одним карачаевцем с флагом домашнего изготовления. Все были очень нарядно одеты и пели песню»⁴⁴.

Эту деталь карачаевской свадьбы описал позднее И. С. Щукин: «В назначенный день из дома жениха выезжают все родственники и знакомые... Едут с песнями, иногда с флагами, на которых изображено родовое тавро жениха над родовым тавром невесты»⁴⁵. Наличие флагов с родовой символикой довольно интересная и не столь распространенная на Кавказе деталь свадебного обряда.

Восьмого июля 1897 г. Н. А. Буш имел встречу с представителями одной из самых знатных фамилий Карачая — Дудовыми. Она произошла при весьма необычных обстоятельствах: «Невестка князя Дудова сванетка, православная, дочь князя Дадишкилиани. Чтобы жениться на ней, сын Дудова перешел в православную веру. Это внесло раздоры в семью, и она удалилась к отцу в Сванетию; сын с отцом отправились недавно за ней, и подарили князю Дадишкилиани лошадь в подарок для умиловления. Вчера они возвратились с невесткой сюда и были встречены хором карачаевцев. Танцы шли вчера, идут и сегодня. Она некрасивая, носатая. По-моему, не стоило за такую женою так далеко ехать. К тому же она цивилизована — более или менее. Снялась в европейском платье и с книгой в руках»⁴⁶.

⁴² Санкт-Петербургский филиал архива Академии наук. Указанный документ. Листы 1447–1447 оборот.

⁴³ Буш Н. А. Указанное сочинение. С. 528.

⁴⁴ Санкт-Петербургский филиал архива Академии наук. Указанный документ. Лист 1469.

⁴⁵ Щукин И. С. Материалы для изучения карачаевцев. Москва: Типография П. П. Рябушинского, 1913. С. 59.

⁴⁶ Санкт-Петербургский филиал архива Академии наук. Указанный документ. Листы 1494 оборот–1495.

Отрывок интересен для нас по двум обстоятельствам. Во-первых, слова Н. А. Буша вновь находят подтверждение в сторонних источниках. В недавней статье историки М. И. Баразбиев и Р. М. Бегеулов писали: «Христиане-неофиты имелись в XIX столетии и в другой карачаевской княжеской фамилии — Дудовых. Представителем этого рода, принявшим православие, стал Кючук Дудов. Его супруга жаловалась властям на действия свекра Азамат-Пирея, принуждавшего как ее, так и “сына, своего принявшего христианство” принять ислам» [Баразбиев, Бегеулов, 2020, с. 29]. Как видим, объективное подтверждение находит даже мимолетная фраза, о раздорах внутри княжеской семьи. Во-вторых, родившаяся в этом браке Саниат Кючуковна Дудова является прямым предком по женской линии одного из авторов настоящей работы. По семейным преданиям княжна Дадешкилиани после брака действительно оставалась христианкой, «хранила у себя иконки и образа». К сожалению, ее брак не был счастливым и в конце концов она снова бежала на родину, навсегда оставив в Карачае своих детей⁴⁷.

Общение Н. А. Буша с семьей Дудовых продолжилось на следующий день: «Остановились у мельницы рядом с мостом. Осмотрели мельницу и сняли внутренность ее. Я смерил высоту моста; потом князь Дудов (Дудалары) пригласил нас к себе с просьбой фотографировать его дочерей. Он угостил нас великолепным сыром и айраном. У него 2 кунацкие — одна для русских и одна для карачаевцев. В карачаевской стоит громадный очаг с широчайшей домовою трубой. Тут вокруг очага усаживаются гости и ведут беседу. Зимой на очаге постоянно горит огонь, иначе от широкой трубы, оканчивающейся непосредственно в комнату, было бы страшно холодно. У князя оказалась дочка необыкновенной красоты. Она нарядилась в роскошный самодельный наряд с длинными причудливой формы рукавами. Мы сняли сперва ее с отцом и сестрой, а потом одну на большую фотографию. В награду за съемку она одела на Н. Н. кисточку к башлыку. В 4 ½ часа приехали в Уч-Кулан и застали там участкового начальника с женой и братом жены. Они пригласили нас пить чай. Оттуда мы отправились к старшине по его приглашению. Он устроил ужин с водкой и пивом и великолепные танцы. Особенно хорошо танцевали 2 кумыка и недурно 2 еврея. Поздно в 12 часов возвратились мы домой, в общественную квартиру»⁴⁸.

⁴⁷ Эту историю мы многократно слышали от Айшат Юсуповны Салпагаровой (Чипчиковой) (1940–2003) и ее дочери Джаннетта Аслановны Салпагаровой 1965 года рождения. Первая являлась внучкой Саниат Кючуковны. Правдивость сказанного подтверждает другой наш информатор, Мусса Хамитович Дудов 1973 года рождения. По его словам, Кючуна Дадешкилиани — скорее всего это домашнее имя — сильно тяготилась жизнью в Карачае, предпочитая все время находиться в своих покоях за молитвой. Ее уход из семьи был неслыханным для того времени событием, так что до недавнего времени помнили многие детали случившегося. Например, рассказывали, что в первый раз она бежала со своими земляками, пришедшими для меновой торговли в Карачай, добавляя, что это произошло в какой-то дождливый день. Одна из таких партий торговцев повстречалась тогда Н. А. Бушу: «Выше ущелья Хурзука мы встретили грузин, шедших с перевала. Они предложили нам сушеных груш, которые они несут продавать; оказалась, порядочная безвкусица» [Санкт-Петербургский филиал архива Академии наук. Указанный документ. Лист 1470 оборот]. После второго ухода супруги, К. Дудов женился на карачаевке из рода Кубановых и жил как мусульманин.

⁴⁸ Санкт-Петербургский филиал архива Академии наук. Указанный документ. Листы 1496–1498.

К сожалению, в дневнике нет более подробного описания мельницы или внутреннего убранства кунацкой, нет фотографий княжеской семьи. Но и без этого автор рисует довольно живую картинку того времени, анализ которой не лишен некоторого интереса.

Встретить на рубеже XIX и XX вв. в Карачае выходцев из Дагестана или горских евреев⁴⁹ было не сложно. И первые, и вторые в довольно большом количестве приезжали как мастера-отходники. Местные евреи вели также мелочную торговлю. Об этом местные жители помнят до сих пор. Бросается в глаза, что на ужине у старшины был алкоголь. Духовенство и местная община пытались вести борьбу с его употреблением, как того требовали религиозные предписания, но в некотором количестве он попадал в Карачай; обычно водка или ее суррогаты. Пиво, представлявшее собой скоропортящийся продукт, очевидно было местного происхождения. Имеются источники, говорящие, что в Карачае пиво, варилось и в конце XIX в. Источники подчеркивают, что это делали по особым случаям и исключительно в кругу состоятельных лиц⁵⁰. Ужин в доме старшины для приезжих гостей — как раз такой случай.

Судя по дневниковым записям, Н. А. Бушу пришла по вкусу карачаевская кухня. За сравнительно короткое время он несколько раз упоминает, как вместе с местными жителями ел предложенные ему сыр, шашлык, чуреки, пил айран⁵¹.

Ближе к концу экспедиции Н. А. Буш пишет, что в один из дней Н. Н. Щукин ездил к башне, расположенной у аула Хурзуке. Там же он осмотрел ныне утраченный национальный символ карачаевцев Джангыз-терек — одинокую сосну. Карачаевцы считали, что дерево уже существовало к тому времени, когда они заняли Кубанскую долину, и, по местному убеждению, весь народ погибнет, если не станет дерева. Поэтому сосна считалась неприкосновенной. Любопытно, кто осмеливался повредить ее, позднее умирал. Вспоминали случай, как некто «рубнул это дерево (срубил ветвь)», и за это Аллах наказал его смертью⁵². Здесь мы сталкиваемся с проявлением распространенного на Кавказе культа дерева. В соответствующей литературе об этом написано довольно много. С незначительными отличиями отрывок был опубликован Н. А. Бушем⁵³.

Ко времени посещения Карачая Н. А. Бушем об одинокой сосне уже писали⁵⁴. Но, судя по дета-

лям, представленные им сведения были записаны непосредственно у местных жителей. Первое и единственное изображение одинокой сосны встречается в работе Н. С. Иваненкова, посетившего Карачай пятью годами позже⁵⁵. Фотография Н. Н. Щукина, должно быть, являлась первой фотофиксацией и безусловно интересна.

Таким увидел Карачай и карачаевцев без малого сто тридцать лет назад Н. А. Буш. Его дневники являют собой интересный, живой срез своего времени. Сложно представить насколько изменились с тех пор места, которые он посетил. Но благодаря Н. А. Бушу мы можем узнать об них немного больше.

Заключение

Записи Н. А. Буша можно назвать уникальными. Современные исследователи кавказского фольклора и этнографии практически не имеют возможности собирать в поле аутентичную информацию у местного населения. Даже в самых удаленных уголках Кавказа население в большинстве своем грамотно и, если не всегда, то, как правило, черпает сведения о своем прошлом, быте и культуре из русской печати, фильмов и т. д. Поэтому при всей фрагментарности и ограниченности разобранного нами материала сложно переоценить его значение. Он подтверждает необходимость тщательного и всестороннего изучения научного наследия Н. А. Буша кавказоведами. Речь идет не только о личном фонде ученого из Санкт-Петербургского филиала архива Академии наук. Материалы, принадлежавшие Н. А. Бушу, также могут быть найдены в других отечественных архивохранилищах. Учитывая, что за свою многолетнюю деятельность Н. А. Буш побывал практически во всех уголках Кавказа, полагаем, что значимую информацию можно будет выявить относительно и других кавказских народов. То, что Н. А. Буш не был ни фольклористом, ни этнографом, ни историком, в этом случае можно рассматривать как достоинство: с одной стороны, мы убедились, что собранные сведения вполне достоверны, а с другой стороны, они были собраны как есть и не подвергались существенной обработке. Конечно, в некоторых случаях Н. А. Буш допускал неточности, и его данные требуют критического подхода. Источники личного происхождения не так часто встречаются при изучении народов Кавказа и их культуры, что также повышает интерес к материалам Н. А. Буша.

Для карачаевской фольклористики и этнографии крайне актуальным является вопрос выявления новых источников информации, и практически единственной возможностью для этого является целенаправленный архивный поиск. Полагаем, что материалы Н. А. Буша могут стать одним из интересных направлений для исследования.

⁴⁹ Недалеко от карачаевских аулов с 30-х гг. XIX в. и до Октябрьской революции существовал аул Джегонасский, населенный горскими евреями.

⁵⁰ Барсов Е. В. [Сообщение]. VI. Отдел Этнографический / Антропологическая выставка 1879 года. Москва: Типография М. Н. Лаврова и Ко, 1879. Том 3. Часть 1. С. 6. Там же сказано, что пиво варили в зимний период, но судя по местным климатогеографическим условиям, это не должно было иметь решающего значения.

⁵¹ Санкт-Петербургский филиал архива Академии наук. Указанный документ. Листы 1430 оборот–1431, 1435, 1493 оборот.

⁵² Там же. Листы 1498–1498 оборот.

⁵³ Буш Н. А. Указанное сочинение. С. 555–556.

⁵⁴ Алейников М. Карачаевские легенды и поверья о древней башне и неприкосновенной сосне // Кубанские областные ведомости. 1879. № 29. С. 3–4.

⁵⁵ Иваненков Н. С. Карачаевцы // Известия Общества любителей истории Кубанской области. 1912. Выпуск 5. С. 25–91.

Список литературы

Баразбиев М. И., Бегеулов Р. М. Христиане-неофиты в социально-конфессиональной структуре карачаево-балкарского общества в XIX в. // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1. Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2020. Выпуск 2. С. 22-33. EDN [RDTJBE](#)

Месхидзе Д. И. О предметной коллекции из Верхней Балкарии Николая Адольфовича Буша в собрании Кунсткамеры // Кавказология. 2023. № 3. С. 220-250. DOI [10.31143/2542-212X-2023-3-220-250](https://doi.org/10.31143/2542-212X-2023-3-220-250). EDN [WSOTFW](#)

References

Barazbiev, M. I., Begeulov, R. M. (2020). Neophyte christians in the socio-confessional structure of karachay-blkar society in the 19th century. *Bulletin of Adyghe State University. Series 1. Regional studies: philosophy, history, sociology, jurisprudence, political science, cultural studies*, 2, 22-33. EDN: [RDTJBE](#)

Meskhidze, D. I. (2023). On the object collection from Upper Balkaria of Nikolai Adolfovich Bush in the Kunstkamera collection. *Caucasology*, 3, 220-250. EDN: [WSOTFW](#). <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2023-3-220-250>

Информация об авторах

Айбазов Аслан Исламович – ассистент,
ФГБОУ ВО «Карачаево-Черкесский
государственный университет имени У.Д. Алиева»,
г. Карачаевск, Российская Федерация;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0034-9408>;
e-mail: aslan-87@yandex.ru

Схаляхо Роза Арамбиевна –
кандидат биологических наук,
старший научный сотрудник,
Музей антропологии и этнографии им. Петра
Великого (Кунсткамера) Российской академии наук
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4005-1887>;
e-mail: shalyaho.roza@yandex.ru

Поступила в редакцию 07.10.2025

Принята к публикации 30.10.2025

Опубликована 01.11.2025

Information about the authors

Aslan I. Aibazov – assistant,
Karachay-Cherkess State Pedagogical University
Cherkessk, Russian Federation;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0034-9408>;
e-mail: aslan-87@yandex.ru

Roza A. Skhalyakho – Cand. Sci. (Biol.)
senior research fellow
Peter the Great's Museum of Anthropology
and Ethnography
Saint Petersburg, Russian Federation;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4005-1887>;
e-mail: shalyaho.roza@yandex.ru

Received 7 October 2025

Accepted 30 October 2025

Published 1 November 2025

Фестивали как практика репрезентации этнической культуры тувинцев

<https://doi.org/10.31483/r-151138>

УДК 394+397.4

Иргит Ч. К.

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований
при Правительстве Республики Тыва
г. Кызыл, Российская Федерация.

<https://orcid.org/0000-0002-0268-6646>, e-mail: choirgit84@yandex.ru

Резюме. Статья посвящена изучению фестивалей в тувинском обществе. Они рассматриваются в качестве одного из разновидностей общественных практик, способствующих репрезентации традиционной культуры тувинцев. Работа основана на материалах, собранных автором в ходе посещения фестивалей в Республике Тыва, и наблюдениях за деятельностью участников-тувинских мастеров. С каждым годом число фестивалей в республике увеличивается. Некоторые из них приобретают межрегиональный или международный статус. Фестивали отличаются задачами возрождения того или иного утраченного аспекта традиционной культуры. На основе анализа научной литературы и интернет-платформ, представляющих собой тувинские средства массовой информации, социальные сети, национальные сайты, автор приходит к выводу о том, что в условиях изменения социокультурной парадигмы, у тувинцев меняются способы передачи и трансляции своей идентичности и культурного наследия. В ответ на изменения в обществе традиционная культура меняет способы своего существования, используя такие формы, как фестивали, с тем, чтобы сохранить свою уникальность, но представить ее в современных, понятных широкой аудитории формах. Однако этот процесс носит фрагментарный характер и рискует свести богатую культуру к набору ярких символов.

Ключевые слова: этническая идентичность, социализация молодежи, тувинцы, общественные практики, репрезентация тувинской этнокультуры, фестивали, сохранение и трансляция культурного наследия.

Для цитирования: Иргит Ч. К. Фестивали как практика репрезентации этнической культуры тувинцев // Этническая культура. 2025. Т. 7, № 4. С. 16-22. DOI 10.31483/r-151138. EDN AOKBOS

Research Article

Festivals as a Practice of Representing the Ethnic Culture of Tuvans

Choduraa K. Irgit

Tuva Institute for Humanitarian and Applied Socio-Economic Research
Kyzyl, Russian Federation.

<https://orcid.org/0000-0002-0268-6646>, e-mail: choirgit84@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the study of festivals as a form of ethnic activism in the context of modern digital reality. They are considered as one of the varieties of social practices that contribute to the representation of the traditional culture of Tuvans. The work is based on materials collected by the author during visits to festivals in the Republic of Tuva, monitoring the activities of the participants — Tuvan craftsmen as active actors in ethnosocial processes to revive the traditional culture of Tuvans and subjects of ethnic entrepreneurship. Internet resources as platforms for expressing ethnic identity of Tuvans have also been studied, and scientific literature has been analyzed. The author comes to the conclusion that in the context of a changing socio-cultural paradigm, Tuvans as carriers of ethnic culture are changing the ways of transmitting and broadcasting their identity and cultural heritage. Observations show that the number of organized festivals is increasing every year. They differ in their focus on actualizing one or another lost aspect of traditional culture. Some of them acquire interregional or international status with the expansion of the geography of participants. During these festivals, ethnicity is reproduced through its playing on “stages”, as well as manifested at competitions and symposiums during the festivals. They represent elements, images, symbols, forms, and knowledge about Tuvan tradition. In the context of changing socio-cultural space, Tuvans are mastering new, mass ways of communication, expanding horizons and ways of forming and broadcasting their ethnic identity.

Keywords: ethnic identity, social practices, Tuvans, representation of Tuvan ethnoculture, festivals, socialization of Tuvan youth, preservation and transmission of cultural heritage.

For citation: Irgit C. K. (2025). Festivals as a Practice of Representing the Ethnic Culture of Tuvans. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 7(4), 16-22. EDN: AOKBOS. <https://doi.org/10.31483/r-151138>

Введение

Необходимость адаптации этносов Российского государства к новой социокультурной реальности мира, подкрепляемой нормами, ценностями массовой культуры и рыночными отношениями, порождает потребность поиска иных, отличных от традиционных форм выражения ими этнической идентичности, сохранения и передачи накопленного поколениями опыта.

На рубеже XX–XXI столетий вопрос о возрождении и актуализации этнокультурного наследия особенно остро чувствуется среди тувинцев. Тувинская общность стремится выработать обновленные механизмы передачи

современному подрастающему поколению ментального и поведенческого паттернов, заложенных в культурном коде этноса. К началу XXI в. внимание отечественных исследователей смещается от описания традиционной тувинской культуры в сторону изучения социокультурных трансформаций, происходящих в образе жизни и культуре этноса [Ламажаа, 2021; Айжы, Нан-хоо, 2021]¹.

¹ См. также: Кужутет А. К. Духовная культура тувинцев: структура и трансформация. Кемерово: Кемеровский государственный университет культуры и искусств. 2006. 319 с.; Майны III. Б., Кухта М. С. Тувинский костюм: традиции и современность // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2019. № 36. С. 232–242.

Одним из способов актуализации этнокультурного наследия малочисленных народов в меняющейся социокультурной реальности становятся фестивали. Они активно организуются в национальных регионах России, о чем свидетельствуют опубликованные труды. Так, в статье Е. В. Самушкиной «Современные фестивальные практики Республики Алтай: проблема символизации этничности алтайцев» проанализировано символическое воспроизводство этнической идентичности коренного населения Республики Алтай в фестивальных практиках. Автором делается вывод о том, что фестиваль на современном этапе является элементом культурной памяти и способом существования этнической группы в модернизированном обществе². В работе Е. Г. Ерохиной, рассматривающей феномен фестиваля, приводится перечень значимых мероприятий для Забайкальского края, отмечается основная функция фестиваля — сохранение этнокультурного наследия региона [Ерохина, 2022].

Анализ научной литературы показывает, что проблема формирования и сохранения этнической идентичности тувинцев через призму фестивальных практик в историографии этнологического тувиноведения не становилась предметом комплексного изучения. Имеются лишь отдельные публикации о праздничной культуре тувинцев в современном формате. К примеру, статья Ч. Х. Санчай в которой предпринята попытка рассмотреть празднование Шагаа с позиций организаторов и участников праздничного действа [Санчай, 2023]. Отметим также доклад «Состояние и перспективы организации культурных событийных мероприятий в Туве» бывшего директора и организатора фестиваля «Устуу хурээ» И. Дулуш. В нем в аспекте развития туризма в Туве проанализирован опыт организации Международного фестиваля живой музыки и веры «Устуу-хурээ». По мнению автора статьи, в первую очередь следует учитывать интересы и менталитет местного населения, не нарушая их традиционный привычный уклад жизни³.

Несмотря на расширение исследовательского поля этнологического тувиноведения, внедрение новых методологических подходов в изучении тувинской культуры, к примеру, применение тезаурусного подхода к анализу этнокультуры тувинцев [Ламажаа, Сувандии, Кужугет, Майны, Санчай, 2023], считаем, что проблема развития тувинского этноса как объекта этнологической науки в новых социокультурных реалиях требует системного подхода и углубленного исследования. Цель данной статьи заключается в изучении фестивалей как способа репрезентации тувинской этнической культуры и феномена этнического активизма в условиях современной меняющейся цифровой действительности.

Материалы и методы исследования

Настоящая статья написана на основе материалов, собранных автором в ходе посещения фестивалей в Республике Тыва, наблюдения за деятельностью тувинских мастеров, представителей исполнительского искусства как активных акторов этносоциальных процессов по возрождению материальной и духовной культуры тувинцев. Солидный объем текстового, видео- и визуального материалов содержится в интернет-сегменте, активно осваиваемого как пространство репрезентации тувинской этнокультуры. Автором изучена информация о культурных мероприятиях на официальном портале Республики Тыва, сайтах Министерства культуры Республики Тыва, Национального музея им. Алдан-Маадыр, центров тувинской культуры, народного творчества и досуга, проанализированы интернет-ресурсы ГТРК «Тыва», информационного телеканала «Тува 24», газет «Центр Азии», «Шын», «Тыванын аныктары». Отдельно отметим портал «Культурное наследие Тувы», посвященный культурной жизни республики и с 2011 г. являющийся просветительским проектом. В нем содержатся статьи о музыке, театральном, изобразительном и декоративно-прикладном искусстве, хореографии, религии, традициях и обычаях тувинцев. Указанные средства массовой информации и новостные онлайн-ресурсы периодические освещают проводимые в республике мероприятия.

Методологической основой исследования послужили конструктивистский подход к изучению этничности как процесса социального конструирования общности людей, где этническая принадлежность определяется как динамичная и изменяющаяся характеристика этнофора (Б. Андерсон, Ф. Барт). Посредством современных фестивалей и конкурсов как общественных практик происходит не только возрождение традиций тувинцев, но и формирование их этничности в условиях меняющейся социокультурной реальности. Вместе с тем важными представляются идеи партиципативных исследований, предполагающие активное участие акторов этнического сообщества в процессе исследования в качестве со-исследователей, способных реализовать свою готовность в преобразовании разных сфер социальной жизни — от личных повседневных до массовых социальных практик (Б. Латур, Д. Ло, М. Каллон); методология *memory studies*, позволяющая осмыслить процессы формирования и функционирования коллективной памяти о традициях тувинцев в современных фестивалях, переносимых, в том числе в медийное пространство, а также визуальная репрезентация и трансляция воспоминаний в интернет-пространстве как практики их меморизации (П. Нора, Я. и А. Ассман, М. Хальбвакс, П. Коннертон, Дж. Олик); идеи междисциплинарного направления *performance studies*, исходя из которых, фестивали как общественные практики имеют перформативные черты, в них культивируются традиционные ценности и формы этнической культуры, которые интегрируются в современное, зачастую городское, пространство (Р. Шехнер, Е. В. Фомченко); социологическая теория практик, изучающая общественные практики как повторяющиеся привычки и действия, постоянно воспроизводимые индивидами, группами, общностями (П. Бурдьё, Г. Гарфинкель, В. В. Волков, О. В. Хахордин).

² Самушкина Е. В. Современные фестивальные практики Республики Алтай: проблема символизации этничности алтайцев // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 12, часть 5. С. 206–209.

³ Дулуш И. Д. Состояние и перспективы организации культурных событийных мероприятий в Туве (на примере Международного фестиваля живой музыки и веры «Устуу-хурээ») // Новые исследования в Туве. 2012. № 2. С. 29–34.

Эти практики определяются современной социокультурной и этнической средой и параллельно меняют структуру этой социальной среды.

Методами сбора данных послужили контент-анализ региональных СМИ и сетевых изданий, официальных сайтов учреждений культуры и органов власти, анализ научной литературы по изучаемому вопросу, включенное наблюдение за проведением фестивалей в ходе их посещения в республике день проведения в качестве зрителя или активного участника.

Результаты исследования и их обсуждение

Механизмы жизнеспособности народа, заключенные в их этнической культуре, обеспечиваются посредством поколенческой передачи ценностно-мировоззренческих и нормативно-регулятивных основ культурного кода в ходе повседневно-бытовых и социальных практик этнофоров. Чтобы их адаптивные свойства функционировали в динамично меняющемся социуме, категории этнической культуры должны быть представлены и запечатлены в привычных для современного человека формах. Это может быть текст книги в обычном или цифровом формате, визуальный материал в виде фотографии или картины, видеофрагмент, массовое мероприятие с перформативными действиями, в которых традиционность будет узнава, увидена и привлечена к созданию образов идентичности этноса.

В социогуманитарных трудах встречаются разные категории практики — повседневные социокультурные, социальные, общественные, неформальные, развлечений [Березина, 2021]⁴. В этнологических исследованиях повседневности социальные практики трактуются как этнокультурные. По определению Н. Л. Балич, этнокультурные практики — это устоявшиеся, стилизованные и универсальные формы действий индивидов, типичные для привычных ситуаций в повседневной жизни, которые сохраняются и воспроизводятся этническими общностями в обрядах, обычаях, народных промыслах, ремеслах, языке, фольклоре, традициях, верованиях, через систему смыслов, знаков, ценностей, понятных для ее представителей⁵. В традиционных обществах эти практики регламентировались нормами традиций и обычного права. Они, естественно, включались в повседневно-бытовую жизнь этноса, тесно связанную с природной средой, были спонтанно живучими, импровизационными. Изучение данных практик позволяет понять саму культуру, выявить уникальные особенности социальной организации и взаимодействий внутри этнической общности, а также исследовать этнос и этничность в разрезе влияния на них трансформационных тенденций в рамках непрерывно развивающихся общественных процессов. Их воспроизводство способствует сохранению и передаче основ традиционной культуры, которая предстает как синтез духовных ценностей, знаний и опыта, поведенческих моделей и иден-

тичности этноса, выраженных в его языке, традициях и обычаях, религиозных воззрениях, в представлениях о традиционном вещном мире.

В современных реалиях тувинская этничность формируется не только через усвоение культурного кода от предыдущего поколения привычным способом через этнокультурные практики, но и выступает социальной конструкцией, подверженной изменчивости в силу расширения социокультурного опыта этноса в общественно-коммуникативном пространстве и под влиянием национальной политики государства. И потому считаем уместным обратиться к методологии социологических исследований, а именно: к теории практик, так как в настоящее время этнокультурные практики традиционной культуры активно интегрируются в массовые общественные мероприятия, включая фестивали. Они инициируются или поддерживаются органами власти республики.

Согласно социологической теории практик, реальность предстает как сплетение социальных практик, позволяющее представить картину общества в целом. При этом общество и культура воспринимается как результат взаимодействия структуры и действий индивида. Структуры описываются как продукт исторических практик, который постоянно воспроизводится и преобразуется этими же практиками, которые также являются продуктами структур, стремящихся их воспроизвести⁶. Индивиды формируются и развиваются не только под влиянием социального мира и структур, но и сами активно его формируют и воспроизводят. Социальные практики предстают как совокупность конкретных опривыченных, рутинных, повторяющихся действий индивидов, групп, общностей, организаций в реальном времени и пространстве, обеспечивая устойчивое функционирование социальных институтов⁷. Основные свойства социальных практик заключаются в их объяснимости, «наблюдаемости и сообщаемости», в рефлексивном характере, когда «действия, посредством которых индивиды создают ситуации организованной повседневной деятельности и управляют ими, идентичны процедурам, к которым индивиды прибегают для того, чтобы сделать эти ситуации объяснимыми»⁸. В работе С. С. Шутальского говорится, что социальные практики характеризуются устойчивостью, массовостью, нормативностью, возможностью многократно воспроизводиться. Современные социальные практики рассматриваются в качестве инструмента, позволяющего раскрыть широкий спектр явлений и событий культурной жизни как разновидностей социальных практик. Социальные практики одинаково применимы и к описанию близкого жизненного мира, и к рассмотрению масштабных явлений⁹. Учитывая указанные выше характеристики социальных практик, принятые в социологической науке, а также специфику объекта этнологических исследований — этноса как субъекта современных общественных отношений, мы будем применять понятие «общественные практики».

⁴ См. также: Балич Н. Л. Этнокультурные практики — основа воспроизводства культурного кода восточных славян // Социологический альманах. 2017. № 8. С. 193–207; Бобрихин А. А. Репрезентация этнической идентичности в современной культуре // Международный журнал исследований культуры. 2010. № 1. С. 31–36.

⁵ Балич Н. Л. Указанное сочинение. С. 195.

⁶ Bourdieu P. Outline of a theory of practice. Cambridge ; New York : Cambridge University Press. 1977. P. 83.

⁷ Шутальский С. С. Социальные практики: интерпретация понятия // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 2. С. 276–280.

⁸ Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. Санкт-Петербург : Питер, 2007. С. 9.

⁹ Шутальский С. С. Указанное сочинение. С. 279.

Под общественным в этих практиках подразумеваем то, что ценности и формы традиционных этнокультурных практик, реконструируются и интегрируются в информационное пространство современного общества, тем самым приобретают характеристики социальных практик. Следовательно, общественные практики рассматриваются нами как один из способов познания развития тувинской общности и их этнокультуры, так и средство преобразования, репрезентации и сохранения форм и практик традиционной культуры тувинцев в расширяющемся социокультурном пространстве.

К началу XXI в. традиционная культура тувинцев активно репрезентируется в культурно-массовых мероприятиях и событиях, видах деятельности и действиях субъектов. В медийно-цифровом пространстве чаще используются образы, символы, формы или отдельные элементы традиционной культуры тувинцев как способ выражения их этничности или маркер причастности к тувинской общности независимо от места проживания тувинцев. Нами выделено пять видов общественных практик: 1) национальные и народные праздники в современном формате, восходящие к традиционной культуре тувинцев (праздник животноводов Наадым, Новый год Шагаа); 2) фестивали и конкурсы как способ возрождения и популяризации традиционной культуры; 3) образовательная деятельность с регионально-этнической направленностью ее содержания; 4) этническое предпринимательство как способ адаптации традиционности к рыночным отношениям; 5) активное освоение тувинцами цифрового мира и формирование тувинского киберпространства как места трансляции этнической идентичности. Общее в них — активность по организации мероприятий, деятельности и иных действий, репрезентирующая элементы, образы, символы, формы и знания о тувинской традиционной культуре. Общественные практики связаны с социально-культурной деятельностью региональных учреждений культуры, частных и некоммерческих организаций, отдельных лиц, оказывающих досуговые, культурно-просветительские, образовательные, коммерческие услуги. При этом социально-культурная деятельность предстает как способ общественного наследования культуры, как форма передачи культурных традиций от поколения к поколению, как способ социализации носителя этнокультуры через приобщение к традиционной культуре и создание благоприятной культурной среды¹⁰. Эта деятельность выражает социальный заказ региональных властей на реализацию задачи по возрождению, сохранению и популяризации культурно-исторического наследия тувинцев в публичных практиках.

Фестиваль как социокультурный феномен представляет собой специфическую форму межкультурной коммуникации, в рамках которой реализуются творческие и интеллектуальные интенции нашего времени¹¹. Ее истоки как формы выражения творчества восходят к советскому времени. Тогда фестивали организовывались для

демонстрации советской по содержанию и этнической по форме культуры, презентации идей интернационализма и народной культуры, как проявление трудящихся масс и символ их активной социальной позиции и творчества. С конца XX в. их направленность меняется в сторону демонстрации этнической специфики, когда этническая форма стала соответствовать этническому содержанию¹².

Этнофестиваль — мероприятие по актуализации, популяризации этнической культуры народов, знакомству с их традициями и обычаями, музыкально-танцевальной культурой, ремеслами и кухней, а также другими самобытными аспектами. Он нацелен на сохранение и укрепление идентичности представителей этнических общностей, проживающих на территории Российского государства. Как справедливо замечают О. Н. Белинская и Г. В. Оленина, фестивали народного художественного творчества, динамично войдя в жизнь больших и малых городов, поселков и деревень, становятся их важной культурной частью. Они позволяют выявить таланты и дают возможность творческого роста в условиях наиболее благоприятного профессионального общения, сформировать культурный образ места проведения, оказывают позитивное влияние на экономику и объединяют различные социальные группы для участия в культурной жизни местного сообщества. Формы ее выражения многолики и неповторимы, и каждая из них имеет свое право на существование, поскольку направлены на одну и ту же цель — продлить жизнь народных традиций, помочь людям достичь совершенства в овладении любимым видом искусства, поддержать в них интерес к народному художественному творчеству¹³. Они выступают важнейшей формой этнической социализации и этнического активизма, создают культурную среду, которая дает возможность этносам транслировать этнокультурное наследие как части современных общественных процессов. Этнический активизм как деятельность этнофоров направлен на сохранение и развитие их этнической идентичности и специфических черт (культуры, традиций и обычаев, языка), на поиск баланса между сохранением этнической общности и ее интеграцией в современные социально-экономические и иные процессы.

С конца XX в. в Республике Тыва фестивали и конкурсы как общественные практики являются важной частью культурно-событийной жизни региона. Они направлены на привлечение внимания общественности к вопросам возрождения и популяризации этнических традиций. Наиболее значимыми из них являются международные фестивали живой музыки и веры Устуу-Хурээ (проводится с 1999 г.), исполнительского искусства «Хөөмей в Центре Азии», «Узоры жизни на войлоке», межрегиональные фестивали этнических праздников и обрядов «Встречи в Центре Азии», дизайнеров одежды из шерсти «Тыва-Дук-Фест», республиканский этногастрономический фестиваль «Тараа дою», конкурс кузнецов «Уран дарган».

¹⁰ Кемерова Т. А. Теория социально-культурной деятельности : учебное пособие. Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2019. С. 6.

¹¹ Широкова Е. А. Музыкальный фестиваль в диалоге культур : автореферат дис. ... кандидата культурологии : 24.00.01. Санкт-Петербург, 2013. С. 3.

¹² Самушкина Е. В. Указанное сочинение. С. 209.

¹³ Белинская О. Н., Оленина Г. В. Фестивали народного художественного творчества в контексте сохранения и трансляции этнокультурного наследия // Мир наук, культуры, образования. 2016. № 5. С. 180.

В них воспроизводство этничности происходит через ее демонстрацию в реконструируемых обрядах, ритуалах или инсценировках хозяйственной деятельности. С каждым годом число организуемых фестивалей пополняются новыми, отличающимися целевой направленностью. Некоторые из них с расширением географии участников приобретают межрегиональный или международный статус. Дадим характеристику двух фестивалей.

Республиканский этногастрономический фестиваль «Тараа дою» проводится в г. Кызыле с 2019 г. в октябре. Учредителями фестиваля являются Министерство культуры, Министерство сельского хозяйства и продовольствия, Министерство экономического развития и промышленности Республики Тыва и Фонд поддержки предпринимателей региона. Организатор фестиваля — Национальный музей им. Алдан-Маадыр Республики Тыва. Основные задачи мероприятия заключаются в привлечении внимания общественности к вопросам возрождения традиций возделывания и сохранения традиционных технологий приготовления продуктов из зерновых культур в Туве, развитие регионального гастрономического туризма. Его проведение приурочивается к знаковым темам в Российском государстве, требующим пристального общественного внимания. Так, в 2023 г. он был посвящен Году народной сплоченности в Туве и Дню работников сельского хозяйства, а 2024 г. — Году семьи в России и Году здоровья в Республике Тыва, а также к 110-летию юбилею Кызыла.

В рамках фестиваля для развития среды творческого общения и деловых контактов среди производителей продукции организуется выставка достижений в выращивании зерновых культур, продуктов собирательства и иной сельскохозяйственной продукции, где посетители фестиваля могут ознакомиться с лучшими образцами семян, плодов, снопов, ягод. Параллельно проводятся мастер-классы по приготовлению традиционных блюд, таких как чинге-тараа, арбай далганы, шойген тыва быштак, чочак, чалчымак и хаарган шай. Так, в 2024 г. в рамках фестиваля прошли конкурсы и мастер-классы по приготовлению чинге-тараа как в индивидуальном зачете, так и среди коллективов учреждений г. Кызыла, конкурс-выставка достижений хлеборобов и конкурс на лучшую творческую программу «Тараам турда тодут-ла мен». В них участники представляют традиции возделывания зерновых культур, лучшие благопожелания и лучшее исполнение фольклорного произведения об этом.

Не менее интересной является музыкально-исполнительское сопровождение партнеров фестиваля, которое придает ей зрелищность. Для этого привлекаются профессиональные и творческие коллективы, артисты театров республики. В 2023 г. партнером фестиваля выступил Чаданский драматический театр Дзун-Хемчикского района, который открыл фестиваль с прологом про тараа, далее последовало театрализованное действие из повести «Тараа» тувинского писателя К.-Э. Кудажы. Музыкальным сопровождением фестиваля стали выступления профессиональных и творческих коллективов республики — фольклорной группы «Тыва кызы», ансамбля «Эне-Сай», хореографической группы Кызылского колледжа искусств, заслуженной артистки Республики Тыва В. Чооду.

Обязательным элементом общественных мероприятий является ярмарка-продажа продуктов питания. В ее рамках жителям республики предлагается широкий ассортимент сельскохозяйственной продукции как демонстрация производственного разнообразия Тувы. Во время фестиваля можно приобрести почти все: от зерна до пышных булочек, от молока, быштаса (тувинского сыра) до предметов декоративно-прикладного искусства. Данный фестиваль является продолжением цикла мероприятий по традиционной гастрономической культуре Тувы. Он дает возможность городскому населению прикоснуться к традициям тувинской кухни, а для ее знатоков является площадкой для демонстрации опыта, обмена им, заведения новых знакомств.

Интересным мероприятием и примером диалога культур стал межрегиональный фестиваль этнических праздников и обрядов «Встречи в Центре Азии». Он проводился в 2022 и 2023 гг. по инициативе региональной общественной организации «Онза» при Республиканском центре народного творчества и досуга, которая выиграла грант Российского фонда культуры в рамках федерального проекта «Творческие люди» национального проекта «Культура». Фестиваль включил в себя несколько мероприятий. Поддержку фестивалю оказали Российский государственный дом народного творчества им. В. Д. Поленова, Министерство культуры Республики Тыва, а также Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований, Национальный музей Республики Тыва, агентство по делам национальностей Республики Тыва и издательский дом «Тывамедиагрупп».

В 2023 г. фестиваль прошел в Кызыле. В нем приняли участие более 500 человек, представляющие творческие коллективы и делегации из Москвы, Алтайского и Красноярского краев, Новосибирской, Кемеровской, Иркутской областей, республик Хакасия, Бурятия, Алтай и Тувы. Десять мероприятий были организованы на территориях скульптурного комплекса «Центр Азии» и этнокультурного комплекса «Алдын-Булак», которых условно можно разделить на пять блоков. Фестиваль начался с парада-шествия участников по маршруту «Национальный парк РТ — обелиск Центр Азии» в Кызыле. Далее следовало его торжественное открытие с участием как местных тувинских исполнителей и коллективов — артистов Национального театра музыки и танца «Саяны», Национального театра им. В. Кок-оола, народного ансамбля песни и танца «Улут-Хем», фольклорной группы «Уван-шу», а также гостей из Республики Бурятия (С. Бальжигев), Иркутской области, Республика Хакасия, Кемеровской области, Красноярского края, Республики Алтай.

Одна из задач фестиваля — знакомство с праздниками разных народов. Она была представлена в блоке «Праздники Сибири», где коллективы продемонстрировали хакасский праздник первого айрана, телеутский праздник пельменей, русский Медовый спас, бурятский «Бохроодой удэр». Представители Тувы показали праздники, связанные с тувинским чаем, новой юртой, летней стоянкой, войлоком, а также мужское троеборье и праздник оленеводов. Весьма был интересным смотр «Народное таинство», в котором происходило знакомство с проведением обрядов освещения шаманского

дерева, огня, водного источника, свадебных обрядов, первой стрижки волос ребенка, обряда укладывания новорожденного в колыбель.

Выставка-ярмарка «Город мастеров» стал следующим блоком в рамках фестиваля, в котором можно было познакомиться с уникальными продуктами более чем 80 мастеров из Тувы, Республики Алтай, Кемеровской и Новосибирской областей, Красноярского края. В ней было представлено несколько тысяч изделий: старинные русские рушники, телеутские пуговицы, тувинские шапки, изделия из агальматолита, сувенирная продукция на основе этнических мотивов. Традиционно прошли мастер-классы по народно-художественным промыслам, по приготовлению блюд из традиционной тувинской кухни, народным играм.

Зрителями и гостями фестиваля наиболее запоминающимся был признан концерт тувинских исполнителей «Мелодии гор и степей...». В нем приняли участия артисты разных жанров и направлений, музыкальные и танцевальные коллективы: Тувинский национальный оркестр, Духовой оркестр Правительства Республики Тува им. Т. Дулуша, Национальный театр музыки и танца «Саяны», хореографический ансамбль «Азас» Кызылского колледжа искусств им. А. Б. Чыргал-оола, народный ансамбль песни и танца «Улуг-Хем», Тувинская государственная филармония им. В. Халилова, театр современного танца «Сфера», заслуженные и народные артисты Тувы С. Кара-оол, С. Оммуи и Ишкин оглу. Выступили также молодые известные исполнители поп-музыки А. Кыргыс, Д. Ооржак, А. Монгуш. Финальной точкой фестиваля стала этно-дискотека «Зажжем на разных языках!», сплотившая всех участников фестиваля и прошедшая на площади Арата в столице республики. В рамках фестиваля проведена научно-практическая конференция с участием ученых-тувиноведов, работников культуры.

Изменение социокультурной парадигмы приводит и к изменениям в способах актуализации, трансмиссии и хранении информации о культурном наследии тувинцев. Как отмечает А. А. Бобрихин, будучи зафиксированным, художественное явление народной культуры лишается присущей ему импровизационности, спонтанности, живости¹⁴. Подтверждением этому служат рассмотренные нами фестивали, в которых проявляется динамика тувинской этничности, когда в условиях изменения социокультурного пространства тувинцы как носители этнокультуры осваивают иные массовые способы коммуникации, расширяя горизонты и пути трансляции своей идентичности и культурного наследия.

На примере рассмотренных фестивалей укажем, что они представляют собой симбиоз разных видов деятельности в рамках одного мероприятия. В их рамках проводятся конкурсы для привлечения внимания, мотивации к участию в них и поощрения мастеров и заинтересованных умельцев, научно-практические конференции и круглые столы для обсуждения и научного поиска ответов о состоянии и развитии традиционной культуры, выработки механизмов адаптации к современным условиям. Эти фестивали сопровождаются организацией выставок-продаж как способ популяризации традиционной

культуры и сбыта продукции мастеров, выступлениями артистов песенно-исполнительского и танцевального искусства для обеспечения развлекательно-зрелищной стороны мероприятий. Для тувинских мастеров-промысловиков эти фестивали важны, так как дают возможность для проявления населению их творчества и для продажи изготовленной продукции во время ярмарок-продаж. Кроме того, фестивали позволяют им обмениваться опытом, делиться практическими знаниями народной культуры через участие в мастер-классах и быть замеченными представителями государственных ведомств или фондом предпринимательства региона для получения с их стороны финансовой и иной поддержки. Главная функция фестивалей, проводимых в Республике Тыва, заключается в демонстрации, актуализации, популяризации и сохранении этнокультурного наследия тувинцев.

В публичных мероприятиях переплетены действия как отдельных социальных индивидов по выражению идентичности, так и общественных и государственных субъектов. Фестивали как способ познания и преобразования тувинской действительности через представление элементов традиционной культуры меняют вовлеченных туда тувинцев, перенося на этнофоры качества и особенности внешнего окружения. Это способствует формированию этнической идентичности, особенно молодых людей, как переживание своего тождества с этнической общностью.

Фестивали характеризуются массовостью как в плане большого охвата участвующих субъектов (органов власти, простых граждан как зрителей или участников, коммерческих и некоммерческих общественных организаций, научных и образовательных сообществ), так и вовлечения населения в решение проблем этнокультурного развития региона. При этом значительную роль в увеличении массовости играет цифровая среда, предоставляющая возможность для организации онлайн-трансляций культурных событий в республике. Медийное сопровождение мероприятий, размещение информации о них в цифровом пространстве СМИ, на официальных сайтах государственных учреждений и иных организаций стало обязательным условием их проведения. Позитивная информация о событиях в республике и культуре народа помогает формировать положительный образ и уважение к этнической общности, вызывает интерес к образу жизни, обычаям и традициям.

Во время этих практик этничность воспроизводится через ее проигрывание на сценах фестивалей, конкурсов и симпозиумов. В них репрезентируются элементы, образы, символы, формы и знания о тувинской культуре. Отметим, что традиционная культура тувинцев на протяжении ряда столетий развивалась в контексте кочевой цивилизации, которой было присуще единство человека и природы с целостным и недифференцированным восприятием мира с особо тонким пониманием природы. Она была импровизационной, где живучесть выражалась во включенности обрядовости в повседневную жизнь, а ее спонтанность — в неразделенности художественно-творческой деятельности на творцов и зрителей, где все члены коллектива, создавая артефакты, жили, по сути, в искусстве.

¹⁴ Бобрихин А. А. Указанное сочинение. С. 32.

Материальная и духовная составляющие в традиционной культуре были неразделимы на каждом этапе ее существования. Сакрализация и ценностно-смысловое наполнение ритуалов, обрядов, этикетных действий или материальных вещей являлись отражением духовного мира этнической общности. В современных общественных практиках прослеживается отступление от этих характеристик при воспроизводстве актов традиционной повседневности тувинцев, когда поколенческое усвоение устоев шло естественно, без навязывания модных требований со стороны социума. В настоящее время они приобретают черты четкой организованности во времени и пространстве согласно сценарию публичных мероприятий. На наш взгляд, в действиях этнофоров по возрождению, популяризации знаний о традициях, обычаях и культуре порой прослеживается утрата ими понимания сакральной прагматики и скрытых смыслов этих знаний. Наблюдается осознание идеи, согласно которой «так делали, поступали наши предки-тувинцы». В этом выражается частичное реконструирование идентичности тувинцев посредством общественных практик.

Выводы

Изменение социокультурной парадигмы общества приводит к трансформациям способов хранения, актуализации

и передачи знаний о культурном наследии тувинцев. Фестивали становятся одним из способов репрезентации тувинской этнической культуры. Они же являются проявлением этнического активизма в Туве, направленного на развитие этнической идентичности и специфических черт на пути поиска баланса между сохранением культурного наследия и его интеграцией в современные процессы. Анализ фестивалей показывает, что ценности и формы этнокультурных практик былой тувинской традиционной культуры реконструируются и интегрируются в информационное поле современного общества, тем самым они приобретают характеристики актуальных социальных практик. В условиях изменения социокультурного пространства тувинцы как носители этнокультуры осваивают иные массовые способы коммуникации, расширяя горизонты и пути трансляции своей этнической идентичности. В этом проявляется динамика тувинской этничности.

На данный момент возрождение этнических ценностей, традиций, обычаев и других аспектов культуры тувинцев носит несистематический характер. Как показывают наблюдения, актуализируются и восстанавливаются отдельные элементы — ритуалы, обычаи, промысловые технологии. Уникальность традиционной культуры зачастую воспринимается через внешний символизм.

Список литературы

- Айжы Ж. Э., Нан-Хоо Я. А. Скифские сюжеты и мотивы в традиционном и современном ювелирном искусстве Тувы // Новые исследования Тувы. 2021. № 1. С. 73-90. DOI 10.25178/nit.2021.1.4. EDN EQJCXH
- Березина А. В. Повседневные культурные практики уральских мари // Финно-угорский мир. 2021. Том 13. № 1. С. 67-78. DOI 10.15507/2076-2577.013.2021.01.67-78. EDN OWHVCV
- Ерохина Е. Г. Феномен фестивалей в контексте сохранения этнокультурного наследия Забайкальского края // Культура и цивилизация. 2022. Т. 12. № 4 а. С. 136-143. DOI 10.34670/AR.2022.13.51.017. EDN ESQIUK
- Ламажаа Ч. К. Очерки современной тувинской культуры : монография. Санкт-Петербург : Нестор-История. 2021. 192 с.
- Ламажаа Ч. К., Сувандий Н. Д., Кужугет Ш. Ю., Майны Ш. Б., Санчай Ч. Х. Тува : Родная земля : коллективная монография. Санкт-Петербург : Нестор-История, 2023. 344 с. EDN EXNPJR
- Санчай Ч. Х. О. Шагаа: современные общественные формы традиционного праздника тувинцев // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2023. № 4. С. 60-75. DOI 10.25693/SVG.2023.45.4.005. EDN RGBCGD

References

- Ayzhy, Zh. E., Nan-Khoo, Ya. A. (2021). Scythian Motifs and imagery in traditional and contemporary jewelry art in Tuva. *The New Research of Tuva*, 1, 73-90. EDN: EQJCXH. <https://doi.org/10.25178/nit.2021.1.4>
- Berezina, A. V. (2021). Everyday cultural practices of the Ural Mari. *Finn-Ugric World*, 13(1), 67-78. EDN: OWHVCV. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.013.2021.01.67-78>
- Erokhina, E. G. (2022). The phenomenon of the festival in the context of preserving the ethnocultural heritage of The Trans-Baikal Territory. *Culture and Civilization*, 12(4a), 136-143. EDN: ESQIUK. <https://doi.org/10.34670/AR.2022.13.51.017>
- Lamazhaa, Ch. K. (2021). Essays on contemporary Tuvan culture., 192. Saint Petersburg: Nestor-History.
- Lamazhaa, Ch. K., Suvandiy N. D., Kuzhuget Sh. Yu., Mainy Sh. B., Sanchay Ch. Kh. (2023). Tuva: Native land., 344. Saint Petersburg: Nestor-History. EDN: EXNPJR
- Sanchai, Ch. Kh. O. (2023). Shagaa: The modern social forms of the traditional Tuvan Holiday. *North-Eastern journal of humanities*, 4(45), 60-75. EDN: RGBCGD. <https://doi.org/10.25693/SVG.2023.45.4.005>

Информация об авторе

Иргит Чодураа Константиновна – кандидат исторических наук, сотрудник, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, г. Кызыл, Российская Федерация;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0268-6646>;
e-mail: choirgit84@yandex.ru

Information about the author

Yulia V. Berezina – Cand. Sci. (Hist.), staff member, Tuva Institute for Humanitarian and Applied Socio-Economic Research, Kyzyl, Russian Federation;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0268-6646>;
e-mail: choirgit84@yandex.ru

Поступила в редакцию 24.10.2025
Принята к публикации 11.12.2025
Опубликована 22.12.2025

Received 24 October 2025
Accepted 11 December 2025
Published 22 December 2025

Жилище и резной орнамент в контексте мифологических представлений чувашей

<https://doi.org/10.31483/r-151848>

УДК 398.34

Матвеев Г. Б.

Чувашский государственный институт гуманитарных наук
г. Чебоксары, Российская Федерация.
 <https://orcid.org/0009-0003-9169-7463>, e-mail: matveev.georgij@yandex.ru

Резюме. В настоящей статье рассмотрены мифологические представления, символы, образы и сюжеты, связанные с жилищем и постройками, а также космогонические и обережные мотивы, которые отразились в резьбе ворот и архитектурных элементов дома чувашей. В основу статьи положены опубликованные труды по этнографии, мифологии, народному зодчеству чувашей XIX — начала XXI вв., архивные источники, полевые материалы автора, собранные в разные годы в Чувашской Республике, Республике Татарстан, Ульяновской области. В статье на основе наблюдений автора и выявленных им архивных документов рассмотрены магические обряды и культовые действия, сопровождающие строительство дома, его обживание. Элементы и зоны жилища — дверь, стены, углы, части (локусы) дома, дымовое отверстие — играли важную роль в организации его сакрального пространства. Восточная сторона дома и двора считалась священным местом, где совершали семейные обряды. В резном орнаменте ярко отразились мифологические представления чувашей. Резчики использовали роговидные мотивы, орнитонимы, ярусность подзоров, представляющую некоторую аналогию с ярусами мира, многочисленные разновидности оберега, изображение факела с пылающим пламенем (культ огня) и другие сюжеты.

Ключевые слова: чуваш, мифология, жилище, оберег, орнамент, центр, строительные обряды, божества и духи.

Для цитирования: Матвеев Г. Б. Жилище и резной орнамент в контексте мифологических представлений чувашей // Этническая культура. 2025. Т. 7, № 4. С. 23-29. DOI 10.31483/r-151848. EDN XCIECQ

Research Article

Houses and Carving Ornaments in the Context of Chuvash Mythology

Georgii B. Matveev

Chuvash State Institute of Humanities of Ministry of Education & Youth of Chuvash Republic
Cheboksary, Russian Federation.
 <https://orcid.org/0009-0003-9169-7463>, e-mail: matveev.georgij@yandex.ru

Abstract. This article examines the mythological ideas, symbols, images, and plots associated with housing and outbuildings, as well as the cosmogonic and protective motifs that are reflected in the carvings of the gates and architectural elements of the Chuvash house. The article is based on published works on the ethnography, mythology, and folk architecture of the Chuvash people in the 19th and early 21st centuries, as well as archival sources and the author's field materials collected in various years in the Chuvash Republic, the Republic of Tatarstan, the Ulyanovsk Region. The elements and zones of the dwelling, such as the door, walls, corners, and parts (locuses) of the house, as well as the smoke hole, played an important role in the organization of its sacred space. The eastern side of the house and yard was considered a sacred place where family rituals were performed. The carved ornamentation vividly reflects the mythological beliefs of the Chuvash people. The carvers used horn-shaped motifs, ornithonyms, and tiered borders (some analogy with the tiers of the world), numerous varieties of amulets, the image of a torch with a blazing flame (the cult of fire), and other subjects.

Keywords: mythology, Chuvash, dwelling, center, construction rituals, deities and spirits, ornamentation, and amulets.

For citation: Matveev G. B. (2025). Houses and Carving Ornaments in the Context of Chuvash Mythology. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 7(4), 23-29. EDN: XCIECQ. <https://doi.org/10.31483/r-151848>

Введение

Предметы материальной культуры заключают в себе специфически выраженное мифологическое содержание, оказываются вещественным воплощением мотивов, образов, представлений традиционного мировоззрения. Эти мифологические связи очень важны для понимания функции вещей, их социальной роли¹.

Жилище — точка отсчета и одновременно — центр притяжения. Оно соотносилось с масштабами космоса, выступало аналогом центральной оси, соединяющей зоны мироздания, наделялось свойствами срединного объекта. Жилище являлось сакральным центром, защитой от внешнего мира.

Феномен материальной культуры, в частности, жилища и его архитектурно-декоратив-

ного оформления, семантика самых разных предметных символов в неразрывном контексте традиционного мировоззрения изучались на материалах культуры ряда тюркских и финно-угорских народов².

¹ Егоров Н. И. Чувашская мифология // Культура Чувашского края : учебное пособие. Чебоксары : Чувашское книжное издательство, 1994. Часть 1. С. 142–143; Салмин А. К. Семантика дома у чувашей. Чебоксары : Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 1998. 63 с.; Салмин А. К. Система фольклорно-религиозных чувашей. Санкт-Петербург : Наука, 2007. С. 42–489; Чувашская мифология : этнографический справочник. Чебоксары : Чувашское книжное издательство, 2018. С. 150, 182–183, 190–191, 308–310, 330–331, 373–374; Родионов В. Г. Эволюция пространства внутреннего жилища чувашей и их предков // Вестник Чувашского университета. 2019. № 2. С. 136–145; Валеев Ф. Х. Народное декоративное искусство Татарстана. Казань : Татарское книжное издательство, 1984. 171 с.; Хисамитдинова Ф. Г. Мифологический словарь башкирского языка. Москва : Наука, 2010. 456 с.; Тойдыбекова Л. С. Марийская мифология : этнографический справочник. Йошкар-Ола, 2007. С. 194–199; Христовова Л. С. Предметный мир обрядов // Хозяйство и материальная культура удмуртов в XIX–XX вв. Ижевск, 1991. С. 157–176.

² Матвеев Г. Б. Материальная культура и мифология : сборник статей Музея антропологии и этнографии. Ленинград : Наука, Ленинградское отделение, 1981. Выпуск 38. С. 3.

Исследователи подчеркивали владение чувашскими резчиками сложной по технике исполнения скульптурной резьбой, своеобразие сакральных мотивов орнамента³.

Цель исследования — проанализировать мифологические представления чувашей, связанные с жилищем. Для ее достижения поставлены следующие задачи: рассмотреть сакральные действия строительных обрядов, показать мифопоэтическое осмысление дома как центра и статус его пространственных параметров, выявить обережные функции резного орнамента.

Материалы и методы исследования

В качестве источниковой базы исследования послужили архивные и полевые материалы, данные фольклора, языка, опубликованные источники. В частности, полевые материалы собирались автором во всех этнографических группах чувашей: в 2002 г. — в чувашских селениях Присвияжья (Татарстан и Ульяновская область), 2003, 2004, 2015 гг. — в Чувашской Республике.

С точки зрения автора, особенную ценность в жилище представляли мифологизированные элементы обрядовой практики, орнаментальные мотивы, в том числе выявленные в этнотерриториальных группах чувашей (приволжской, заволожской и др.). В них нашли отражение имеющие древние основы культы, связанные с магией (символы плодородия, обереги), мифологические символы жертвенных животных (коны, петуха, быка). В работе приводятся параллели с мифологией тюркских, финно-угорских народов, резным орнаментом народов Дагестана.

В исследовании применялись комплексный и междисциплинарный подходы и специальные методы (наблюдение, интервью).

Результаты исследования и их обсуждение

В процессе обустройства усадебных мест происходило преобразование дикой природы в культурную среду, упорядочивание и освящение осваиваемого пространства. Согласно чувашскому мифу, там, где олень или бык-путеводитель останавливался (через мифологические семь верст), первые жители основывали селения [Матвеев, 2023, с. 340]. Судя по преданиям, предпочтительным местом для заселения являлась возвышенность. Соответственно первые селения располагались на холме (первосуша), внизу имелось озеро или обширное болото (ассоциация с мировым океаном). У чувашей, как и у многих народов, счастливым для строительства дома считалось то место, на которое ложилось животное (чаще фигурирует корова), остановится, ложится, отелится, принесет приплод⁴. Это было связано с приписыванием ему плодородной, производительной силы. Не приступали к строительству дома при убывающей луне,

удачным считалось завершение работ на старую луну⁵. Не допускалось строительство дома на месте ворот, где приносилось жертвоприношение умершим родственникам, наиболее желательным было старое место⁶.

Перед строительством дома, встав в сторону востока, читали молитву, адресованную властителю земли *Çĕр йыш*. По серебряной нухратке и горсти ржи клали во все углы в честь божества фундамента Никёси. Обряд никёс пăтти (букв. каша фундамента) после укладки нижних венцов посвящали как ему, так и *Çурт суратан Турă* — божеству, рождающему жилище⁷. Ряд обычаев, например, принесение в жертву монет и шерсти на первый или третий венец и запускание животного при вселении в новый дом⁸, бытовали еще в конце XX в. Эти жертвы и обычаи являются стадийно поздними, они сменили более древнюю живую жертву. Как показывает археологический материал, в древности существовал обычай закапывать под порог строящегося дома череп волка (или сменившую его собаку) или волчью шкуру, чтобы оградить род, семью от злых сил. У башкир функционировал обычай закапывать под ворота череп волка, чтобы домашняя живность была в целостности и сохранности⁹.

Укладка матицы являлась ритуализированным действием, направленным на обеспечение благополучия дома, достатка и плодovitости. В войлок заворачивали матицу с караваем хлеба и тихо поднимали ее¹⁰. С этой частью конструкции дома у разных народов связывались представления о благополучии возводимого жилища. Нейтрализации опасной семантики неосвоенного жилья были посвящены специальные обряды перехода в новый дом. В первые три ночи запрещалось ночевать в новом доме, поэтому туда вначале пускали животное — кошку или курицу, чтобы оградить от злых сил¹¹. На пороге закапывали также жертвенную курицу. Кашу для домашнего духа *Хёрт-сурт* чуваша варили в старом доме и несли в новый, приглашая духа-хранителя в новую избу¹². Эти ритуалы призваны были способствовать преемственности между старым и новым домами. Во вновь построенном жилище зажигали новый огонь, что означало внесение жизни или житнетворение. Этим мотивом объясняется обычай приглашения свадьбы (молодых) во вновь построенный дом. По случаю новоселья, соответственно, высказывалось пожелание, что-

³ Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИИГН). Отдел 1. Единица хранения 308. Лист 93.

⁴ Матвеев Г. Б. О некоторых особенностях традиционного жилища чувашского населения Татарской АССР, Ульяновской и Куйбышевской областей // Культура и быт низовых чувашей. Чебоксары, 1986. С. 36.

⁵ Матвеев Г. Б., Фокин П. П. Производственная и строительная обрядность // Чуваша. Москва: Наука, 2017. С. 457–470.

⁶ Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Чебоксары, 1935. Выпуск 9. С. 89.

⁷ Хисамитдинова Ф. Г. Указанное сочинение. С. 72.

⁸ Никольский Н. В. Собрание сочинений. Том 1. Труды по этнографии и фольклору чувашского народа. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 2004. С. 37.

⁹ Чăваш халăх пултарулăхĕ. Сăнавсемпе ёненĕсем. Телĕксем / пухса хатĕрленĕ, ум сăмахпа ăнлантарусене сыраканĕ Е. В. Федотова. Шупашкар: Чăваш кĕнеке издательства, 2009. С. 190; Девяткина Т. П. Мифология мордвы: энциклопедия. Саранск, 2006. С. 154.

¹² Салмин А. К. Семантика дома. С. 8.

бы в доме не погас огонь¹³. Поверья, обычаи и обряды наиболее стойко держались у некрещеных чувашей.

Жилище — точка отсчета и одновременно притяжения. Оно соотносилось с масштабами космоса, выступало аналогом центральной оси, соединяющей зоны мироздания, представляло собой модель Вселенной, наделялось свойствами срединного объекта. Реальные границы дома — дверь, стены, углы, части (локусы) дома, дымовое отверстие — играли важную роль в организации его сакрального пространства. Жилище являлось священным центром, защищающим от внешнего мира. Мифопоэтическое осмысление дома как центра отражено в мифологической песне: *В центре великого двора круглый дом, / в центре круглого дома круглая чаша (на шести ножках), / вокруг круглой чаши два ковши — / ковши с медовым напитком и ковши с щербетом (медовой сытой), / им Турд предназначено быть в одном месте*¹⁴.

Дверь являлась синонимом передней части *мал ен*. Восточная сторона избы являлась сакральной — это место в избе напротив двери или на крыльце, где проводились обряды моления. Функция двери как границы была обусловлена множеством запретов и предписаний. Считалось, что в дверном пространстве могут находиться злые духи, поэтому существовали ритуалы предохранительной магии, например, не становиться в дверях, не передавать ковши к дверям. Чувашки над дверью клали колючее растение, рябину, забивали таган у входа, над дверью вешали челюсть, чтобы в жилище не проникали злые духи, болезни, несчастье¹⁵.

Низким статусом обладало пространство около двери, почтительное отношение проявлялось к передней части от входа *тёпел*, по пространственному параметру — западной стороне жилища. Соответственно на шкале «восток — запад» внутри жилища проявляются социальные единицы не только по оппозиции «свой — чужой», но и «младший — старший», «потомок — предок».

Сакральный центр или почетное место в чувашской избе находилось, как и у тюркских народов, в середине передних нар на западной стороне¹⁶. Передняя часть была связана с божьим углом *тур кётесси*, обозначаемым у башкир словом *тур* — передний угол, и трапезным столом *кёреке*, у древних тюрков почетное место *тёр* находилось в середине передней стены. Она противопоставлена двери и пространству около нее как верхняя зона мироздания к нижней, миру предков. В этом проявляется амбивалентность горизонтальной и вертикальной плоскостей, отмеченная исследователями¹⁷.

Стол являлся принадлежностью семейных и общественных мест моления. С ним связаны поверья, например, нежелательно выносить стол без скатерти,

чтобы хозяева не обнищали. Когда член семьи собирался в дальний путь, перед его уходом не убирали со стола еду и посуду, не подметали и не мыли пол, не выливали грязную воду, чтобы в пути была удача. Согласно мифу, человек должен пройти через семь мостов, чтобы снять ограничения¹⁸.

Печь *камака* считалась местом обитания не только добрых божеств и духов: огня *Вут*, матери печи *Камака амйше* или домашнего духа *Хёрт-сурт*, хранителя дома *Пирёшти*¹⁹, но и злых духов *Инкек*, *Вунёр*. Добрым существам приносили жертвенные дары на печи, например, божеству огня *Вут*, чтобы оно очищало, а печь была теплой²⁰. Печь связывалась с различными ритуально-магическими действиями. Как и у многих народов, чувашские повитухи и знахари совершали «допекание» ребенка в печи. Тем самым проводится аналогия между печью и женским лоном. Для семантики приготовления пищи не менее важным также является подобное уподобление устья печи: «процесс приготовления пищи имитирует зачатие, вынашивание и рождение»²¹. Было характерно откалывание куска печи рекрутом — символа родного дома²². Чувашки новорожденных телят прикладывали к устью печи, чтобы выросли большими «как печь»²³. В целом печь представлялась одним из наиболее мифологизированных предметов, имеющая отгонную и оберегательную силу²⁴. С ней были связаны домашние божества, сакральные обрядовые действия, поверья и у соседних народов, в частности, мордвы²⁵.

При сбивании печи из глины соблюдали магические приемы и использовали обереги: клали по ее углам плоды рябины (от колдуна), а также шерсть (для тепла), деньги, зерна ржи (ради благополучия). Новой печи приносили подарок, адресовав его духу-покровителю дома. При битве печи в ее середину укладывали петуха в жертву божеству *Вут*. Когда в первый раз затапливали печь, смотрели на направление дыма: восточное — жизнь пойдет поступательно, западное — наступит регресс. Не одобрялось сидение пришедшего человека на печной лавке — это место для духов предков²⁶.

Наибольшим сакральным значением обладал дом старшего родственника по мужской линии *тён кил*²⁷.

¹⁸ Чаваш халăх пултарулахĕ. Сăнавсемпе ёненĕсем. С. 152, 182.

¹⁹ Симбирско-саратовские чувашки. Чебоксары : Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2004. С. 104.

²⁰ Подробнее о стратификации домашних духов-покровителей см. работы В. Г. Родионова, который как мифолог-компаративист реконструировал и стратифицировал домашних духов-покровителей Ама и Хёрт-сурт и др., показал эволюцию пространства внутреннего жилища чувашей и их предков: Родионов В. Г. Семантическая и хронологическая стратификация названий домашних духов-покровителей в чувашской мифологии // Вестник Чувашского университета. 2018. № 2. С. 268–276; Родионов В. Г. Эволюция пространства внутреннего жилища чувашей и их предков // Вестник Чувашского университета. 2019. № 2. С. 136–145.

²¹ Байбурун А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Ленинград : Наука, Ленинградское отделение, 1983. С. 216.

²² НА ЧГИГН. Отдел 1. Единица хранения 207. Листы 433–435.

²³ НА ЧГИГН. Отдел 3. Единица хранения 147. Лист 215.

²⁴ НА ЧГИГН. Отдел 1. Единица хранения 650. Лист VI; Хисамитдинова Ф. Г. Указанное сочинение. С. 215.

²⁵ Девяткина Т. П. Указанное сочинение. С. 231–232.

²⁶ НА ЧГИГН. Отдел 1. Единица хранения 179. Лист 34.

²⁷ Чувашки Присвияж: история и культура. Чебоксары : Чувашское книжное издательство, 2015. С. 155.

¹³ Чаваш халăх пултарулахĕ. Пилсемпе кĕлĕсем / пухса йĕркелекенĕ А. А. Ефимова, В. П. Станьял ; ум сăмахне сыраканĕ В. Г. Родионов ; ăнлантарусене сыраканĕ В. П. Станьял. Шупашкар : Чаваш кĕнеке издательстви, 2005. С. 348.

¹⁴ Культура Чувашского края : учебное пособие. Чебоксары, 1994. Часть 1. С. 135–136.

¹⁵ Ашмарин Н. И. Указанное сочинение. Выпуск 1. С. 139–141.

¹⁶ Фукс А. А. Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань : Типография Императорского Казанского университета, 1840. С. 6.

¹⁷ Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. Москва : Восточная литература, 1995. С. 216.

Например, в нем в первую очередь совершался обряд поминовения умерших *хывни*, потом — в порядке обхода в других домах²⁸. Считалось, что в нежилые дома и постройки вселялись злые духи, жилище за время отсутствия обитателей теряло статус человеческого.

Роль центра дома выполнял центральный столб *улчепи* — *уша юпи*, который выступает в качестве оси мира *тёнке тёнёлё*, соединяющей все три уровня мира, символа Мирового древа²⁹. Он служил в качестве алтаря для свечей при совершении молений по тем или иным случаям. Здесь зажигали свечу *кил сурти* (букв. домовая свеча) и произносили моления о благополучии в доме, во дворе, в пути [Матвеев, 2021, с. 120]. У столба молились духу *Кил пуç* (главе дома), а также обращались к другим родовым центрам, например, киреметам. Столб *улчепи* служил также жертвенником при обращении к духам предков, где зажигалась центральная свеча — связанное с культом предков магическое средство для контакта и общения с усопшими; в мифологическом сознании представляет собой создание белого света, тепла и дыма, направленного в иной мир. По представлениям древних людей, после зажигания свечи или света предок являлся к живым, его угощали для содействия благополучию живых. Свечи в честь умерших в семье ставились на стене около входной двери, возле окошка на задней стене для идущих в дом покойников, на чашке или каравае хлеба по периметру³⁰. На столбе зажигались свечи как в начале годового цикла — на *Майкун* (Великий день), так и в конце сезона — на *Юта* или *Кёрхи сара* (осеннее пиво). Злые духи, проникающие в жилище, по верованиям, не могли пройти дальше *улчепи*³¹. Поверье о существовании в опорном столбе некоего доброго божества можно встретить у ряда народов.

Нары или скамьи имели сакральное значение, особенно в связи с молениями и обрядами. Для обозначения множества поперечных досок нар пользовались магическими числами 66, 77, 88, 99. На Масленицу их мыли в одном направлении, чтобы хлеба не ложились летом в разные стороны. Для духов предков в дни поминовений предназначалась печная лавка³². В центре пола совершались наиболее значительные обряды в честь духов-покровителей домашнего очага — *Туркилли*, *Хёрт-сурт*, а также божества *Киремет*, связанных с благополучием семьи³³.

Окно служит для связи с внешним миром. Оно как нерегламентированный вход в дом используется нечистой силой и смертью³⁴. Чуваши верили, что душа при отделении от тела вылетает в окно. Волоковое отверстие *тёнё*, как и дверь, выступало границей семантических

полей «свой» и «чужой», как и подпол — нижняя часть дома, имеющая связь с иным миром. В ночь на *Калым* в окна, двери, заборы для защиты от нечисти втыкали рябиновые ветки. Проникновение в жилище через окно или чердак птиц предвещало беду³⁵. Очевидно, наличие у дома «глаз» (в том или ином виде) — необходимое условие его «оживленности», слепота — характерный признак потустороннего, мертвого. Таким образом, дверь, окно, слуховое отверстие на чердаке представляют собой границу между разными семантическими сферами, чем объясняются предохранительные меры, чтобы преградить злой силе доступ в мир человека.

Крыша и фронтоны выступают как символы неба, где слуховые окна часто принимают вид полумесяца или солнца с соответствующими резными элементами. Конские головы (коньки) украшали верх крестьянских кровель. В восточных районах встречались дома с украшением крыши со скульптурными коньками, выполнявшими роль оберега (с. Чутеево Янтиковского района Чувашской Республики, информант В. Л. Шерне, 2004). Олицетворение бога солнца в виде коня повлекло изображение коня в резном убранстве крестьянских изб у ряда народов в качестве древнего охраняющего образа. В основном был распространен мотив коня типа урхмах, встречались также изображения петуха. На коньке крыши до сей поры нередко можно видеть орнитомы, особенно часто изображение петуха. Вероятно, такое оформление пришло к чувашам от финно-угорских народов Европейского Севера, прежде всего коми³⁶.

Чердак наделялся функцией верха, головы дома, хранителя и защитника дома, где обитает божество *Йёрёх*³⁷. При этом следует иметь в виду, что эта трехчастность, будучи поздней по своему происхождению, тем не менее соотносится с более архаичной моделью, при которой в роли границ выступали крыша и земляной пол, делившие космическую вертикаль на небо — дом — подземелье³⁸. Пол — нижняя граница жилого пространства; плоскость, наиболее приближенная к нижнему миру домашнего космоса — к подполью. Обитатели этого мира наделялись чертами демонизма. Человек в экстремальных ситуациях, например, при тяжелой болезни ребенка, как бы уподоблялся нечистой силе или вступал с ней в контакт. По народным представлениям, здесь обитает злой дух *Ийё*, «подменяющий» своего хилого дитя на здорового. «Подмененного» ребенка обмывали в подполье речной водой, знахарка передавала его через хомут на руки матери. Хомут здесь понимается как символический вход в тот мир и выход из него³⁹.

²⁸ Ашмарин Н. И. Указанное сочинение. Выпуск 11. С. 89.

²⁹ Грибова Л. С. Декоративно-прикладное искусство народов коми. Москва: Наука, 1980. С. 36–43.

³⁰ По верованиям, представляемое в виде кукол *Йёрёх* пукани божество, названное А. А. Трофимовым богиней домашнего очага, приносило благополучие и счастье дому [Трофимов А. А. Чувашская народная скульптура малой формы и ее истоки: опыт сопоставления с данными археологии // Новые материалы по археологии и этнографии чувашского народа. Чебоксары: Чувашский научно-исследовательский институт, 1985. С. 32–52.

³¹ Байбури А. К. Указанное сочинение. С. 177.

³² НА ЧГИГН. Отдел 1. Единица хранения 31. Лист 65; Попова Е. В. Родильные обычаи и обряды бесермян // Славянский и финно-угорский мир вчера, сегодня. Ижевск, 1996. С. 93–127.

²⁸ НА ЧГИГН. Отдел 1. Единица хранения 180. Лист 240.

²⁹ Егоров Н. И. Указанное сочинение. С. 142. Работы Н. И. Егорова посвящены как тематической классификация мифов, так и отдельным мифологическим персонажам и сюжетам, в том числе по обсуждаемому в настоящей статье вопросу.

³⁰ Сбоев В. А. Заметки о чувашах: исследования об инородцах Казанской губернии. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 2004. С. 20.

³¹ Салмин А. К. Семантика дома. С. 43.

³² НА ЧГИГН. Отдел 1. Единица хранения 159. Лист 468; Единица хранения 173. Лист 156.

³³ Чаваш халăх пултарула. Пилсемпе келӗсем. С. 95, 179, 185.

³⁴ Топоров В. Н. Окно // Мифы народов мира. Москва, 1988. Том 2. С. 250.

Границей между двором (деревней) и внешней средой, защищавшей семейную территорию от вмешательства извне, являлись ворота и забор, замыкавшие пространство двора или деревни. На границе внутреннего и внешнего пространства, какой являлось местонахождение полевых ворот, конкретизируемое с помощью оппозиций, в частности «культура — природа», односельчане прощались с покойником, рекрут — с деревней и ее жителями. Свойство ворот как ритуального символа, обращенного одной стороной к человеку или центру, а другой — к природе или периферии может быть обозначено как его семантическая двунаправленность⁴⁰. Внешний мир мыслился опасным для человека и наделялся качеством враждебности. Сакральный смысл околица принимала в ритуалах, посвященных духам предков. Чуваши во время эпидемии для защиты от мора перед полевыми воротами жгли солому, а столбы ворот намазывали смолой, башкиры вспахивали землю⁴¹. Защитную способность обеспечивали различные поверья и обряды, к примеру, оторванная голова курицы выбрасывалась за ворота или за околицу в качестве жертвы духам, пришедшим за душой новоумершего, в случае смерти или заболевания члена семьи.

Изгородь (дубовый частокол) отделяла человеческое от неосвоенного пространства (глухого леса), препятствовала проникновению потусторонних сил в окультуренный локус. В огороде ставили куколки *йёрёх пукани* в качестве оберега⁴². В речи старшего дружки *саламалик* забор свата представляется сакральным в семь рядов, из жемчужины либо из золота⁴³.

Центром двора, по традиционному мировоззрению чувашей, являлся столб-жертвенник *ман кёль*⁴⁴. Части жертвенного животного, к примеру барана, распределялись здесь, как и на святилище *Киремет*, между тремя мирами: мясо съедали люди (средний мир); шкуру и голову вешали на ветки (верхний мир) либо в столбе-жертвеннике устраивалось дупло, в котором хранились принесенные в жертву копыта, рога; кости выбрасывали, суп выливали усопшим (подземный мир)⁴⁵.

В некоторых случаях роль центра выполняли клеть и амбар для хранения хлеба, где молились об урожае, поставив ветку с сучьями и свечами на край сусека. Сакральным местом служила крыша лабаза, куда кидали жертвы для божеств верхнего мира. В мифах, где повествуется о низком нахождении неба, последнее показывается на уровне крыши лабаза⁴⁶.

На рубеже старого и нового года *Манкун* проводились очищение жилища (мыли стены изб, мебель, белили печи) и хозяйственных построек, уборка во дворе и на улице. Человек совершал ритуальные действия,

пытаясь изгнать болезни и нечисть или воздействовать на них в желательном для него направлении. Для этого в ночь на *Калъм* окуривались сады и хмельники, проводилось банное очищение. В очистительном обряде весеннего цикла *Сёрен* ритуал изгнания злых духов и болезней носил характер выбивания нагайкой или прутком стен, мебели, одежды, вещей в жилище.

Наряду с другими культурами существовал культ орнамента, обеспечивавший преемственность канона. Чуашские резчики чаще использовали такие мотивы, как роговидные изображения животных, орнитонимы, изрезанные очертания звезд (астральный мотив), ярусность подзоров (аналогию с ярусами мира), многочисленные разновидности оберега⁴⁷. Как архаичный пласт орнамента отмечают изображение женской фигуры или мотив древа, в частности в центре композиции верхней доски наличника, гребня и карниза дома⁴⁸. На чувашском материале этот образ можно идентифицировать с образом *Кене* или богини (божества) земли и плодородия. Традиции резьбы по дереву живут поныне, хотя их значение не осознается. В составе геометрического узора стоит целая система образов, представлений о мире, включая космогонический мотив. В частности, розетка — это древний магический знак, символ солнца — это пожелание добра, счастья обитателям дома. В прошлом ее делали только рельефной, к примеру, на столбах ворот, на карнизе наличника, но потом она стала и сквозной. Распространен мотив круга, часто вписанным в него крестом, ромбом. По-прежнему они как бы продолжают нести охранительную функцию несмотря на то, что их первоначальный смысл забыт. Ромбы на пилястре, очелье и стойках наличника, карнизе занимали значительное место, они выражали женское начало в природе⁴⁹.

Обережная функция ворот усиливалась резным орнаментом, в котором ярко отразились мифологические представления чувашей. В открытом дворе основное внимание уделялось украшению ворот, что являлось отличительной чертой декоративного оформления у народов Поволжья. В орнаменте украшения воротных столбов воплощены мифологические сюжеты, связанные с оберегом: факелы с пылающим пламенем (культ огня), розетки и сияния (символ солнца), фазан (священная птица) или скульптурное изображение птицы на крыше ворот, бараний рог⁵⁰. В частности, часто встречающийся роговидный орнамент, представляющий собой древний магический знак, несущий охранительные функции, мог заменить розетку.

Изображения факелов с пылающим пламенем (колонны с пучком огня), вероятно, имеют связь с колоннообразными алтарями огня.

⁴⁷ Чижикова Л. Н. Указанное сочинение. С. 47.

⁴⁸ Симбирско-саратовские чувашы. С. 214.

⁴⁹ Трофимов А. А. Искусство: избранные труды. Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2005. С. 365; Скворцов А. И. Русская народная пропиленная резьба. Ленинград: Художник РСФСР, 1984. С. 123.

⁵⁰ НА ЧГИГН. Отдел 2. Единица хранения 4. Листы 97–98; НА ЧГИГН. Отдел 3. Единица хранения 140. Лист 968; НА ЧГИГН. Отдел 8. Единица хранения 179. Таблица 38; Матвеев Г. Б. Чуашское народное зодчество: от древности до современности. Чебоксары: Чуашское книжное издательство, 2005. С. 59.

⁴⁰ Топорков А. Л. Символика и ритуальные функции предметов материальной культуры // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1989. С. 94.

⁴¹ Хисамитдинова Ф. Г. Указанное сочинение. С. 41.

⁴² Акимов Т. М. Материалы по культу йереха у саратовских чуваш // Сборник Нижневолжского краеведческого музея. Саратов, 1932. С. 20.

⁴³ Чаваш халăх пултарулăхĕ. Юрăсем. Шушакар: Чаваш кенекĕ издательствĕ, 1979. Том 4. С. 25–26.

⁴⁴ Месарош Д. Памятники старой чувашской веры. Чебоксары: Чуашское книжное издательство, 2000. С. 104–108.

⁴⁵ Салмин А. К. Народная обрядность чувашей. Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 1994. С. 95.

⁴⁶ Чуашская мифология: этнографический справочник. Чебоксары: Чуашское книжное издательство, 2018. С. 237–238.

Они, как и многочисленные сияния, полусияния, розетки, возможно, связываются с пережиточными формами культа огня.

Изображения розеток, фазана, спиралей, образующих так называемый бараний рог, обнаруживаются в сюжетном орнаменте булгар. Приведенные искусствоведом Ф. Х. Валеевым образцы свидетельствуют, что в орнаменте воротных столбов чувашей и татар Закавказья имелось много сходных черт с одними и теми же мотивами⁵¹.

Магическая роль древнейшего орнамента на воротных столбах не исчезла не только в XIX, но и в XX в. Резчики пользовались древними знаками, символами и стилизованными изображениями, хотя первоначальный смысл старинных орнаментальных мотивов, имеющих мифологический характер, был утрачен⁵².

Многие орнаментальные мотивы традиционных воротных украшений чувашей восходят к ранней средневековой эпохе. Об этом говорят не только параллели в орнаментике ворот чувашей и казанских татар, булгарский материал, но и параллели с доисламской орнаментальной культурой народов Кавказа. В орнаменте ворот чувашей отразились сходства с мотивами резных окон в Южном Дагестане, с оформлением окон и дверей, каменным зодчеством и украшением древних каменных надгробий⁵³. Узоры последних напоминают орнамент воротных столбов и резной утвари.

Наряду с узором бараньего рога бытовал обычай вывешивания парных рогов крупного рогатого скота на ворота в качестве символа оберега (к приме-

ру, у присвяжских чувашей сохранился поныне)⁵⁴ (д. Бюрганы Буинского района Республики Татарстан, информант А. М. Малышев, 2002). Накладными узорами бараньих рогов снабжаются и наличники окон. На ворота прибавляется предмет оберега — более всего таган, напоминающий рог. Старинные типы ворот с резными столбами были выявлены во всех этнографических группах чувашей⁵⁵.

Выводы

В мифологии чувашей дом представлял собой компактную модель Вселенной, который связывал три уровня мира, являлся его центром. В этой связи символическую значимость приобретали части жилища и в горизонтальном плане: передняя почетная и задняя непочетная. Символом Мирового древа обладал центральный столб, где зажигали свечу центру дома и рода (матица, столб улчепи). Печь представляется местом обитания добрых божеств, хранителя домашнего очага, в то же время ее нижний уровень с венцами является пространством для злых духов. Она уподобляется женскому лону и связана с продуцирующей магией, является оберегом, отколота от печи часть — символом родного дома. Дверь и окна как границы между мирами получили множество запретов и предписаний.

Традиции резьбы по дереву и скульптурной его обработки у чувашей древние. В резьбе архитектурных элементов нашли отражение космогонические и магические представления, воплотились мифы, выявляют скрытые мифологические связи.

⁵¹ Валеев Ф. Х. Указанное сочинение. С. 56, 77.

⁵² Воробьев Н. И. Указанное сочинение. С. 143–147.

⁵³ Любимова Т. Н., Хан-Магомедов С. О. Народная архитектура Южного Дагестана: табасаранская архитектура. Москва: Государственное издательство литературы по строительству и архитектуре, 1956. С. 26–35; Кильчевская Э. В. От изобразительности к орнаменту. Москва: Наука, 1968. С. 50–51.

⁵⁴ Тимофеев Г. Т. Тăхăрлă (Сёве тăршшĕнчи чăвашсем) : этнографическое исследование халха самалхă. Шупашкар: Чăваш кĕнеке издательства, 1972. С. 160.

⁵⁵ Матвеев Г. Б. Указанное сочинение. С. 53–65, 95–99.

Список литературы

Матвеев Г. Б. Жилище верховых чувашей и горных марийцев в контексте обрядов и мифологических представлений // Чуваш и марийцы — соседи по «общему дому»: материалы Межрегиональной научно-практической конференции (Большой Сундырь, Кулаково, 17 мая 2019 г.). — Большой Сундырь, Кулаково: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2019. С. 350–361. EDN KPAFGG

Матвеев Г. Б. Традиционное мировоззрение чувашей в контексте урало-алтайской мифологии: представления о пространстве и времени // Чувашский гуманитарный вестник. Чебоксары. 2019. № 14. С. 63–99. EDN FZUNMH

Матвеев Г. Б. Мифологические основы календарных обрядов чувашей // Исследования по этнологии чувашского народа: сборник статей. Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2021. С. 107–155. EDN XOSIWU

Матвеев Г. Б. Некоторые параллели в мифологической картине мира чувашей и марийцев // Мари и чуваш: этнокультурный диалог в исторической перспективе: материалы Межрегиональной научно-практической конференции (Красный Яр, 22 сентября 2023 г.). — Йошкар-Ола: Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. 2023. С. 336–342. EDN LFKTYE

References

Matveev, G. B. (2019). Dwelling of Upper Chuvash and Hill Mari in context of rites and mythological representations. *Chuvash and Mari people are neighbors in a «common home»*, 350–361. Bolshoy Sundyr, Kulakovo: Chuvash State Institute of Humanities. EDN: KPAFGG

Matveev, G. B. (2019). Traditional worldview of the Chuvash in the context of Ural-Altaic mythology: representation of space and time. *Chuvash Humanitarian Bulletin*, 14, 63–98. EDN: FZUNMH

Matveev, G. B. (2021). Mythological foundations of the Chuvash calendar rites. *Research on the Ethnology of the Chuvash People*, 107–155. Cheboksary: Chuvash State Institute of Humanities. EDN: XOSIWU

Matveev, G. B. (2023). Some parallels in the mythological picture of the world of the Chuvash and The Mari. *Mari and Chuvash: Ethnocultural dialogue in historical perspective*, 336–442. Yoshkar-Ola: V. M. Vasiliev Mari Scientific Research Institute of language, literature and history. EDN: LFKTYE

Информация об авторе

Матвеев Георгий Борисович –
кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник,
Чувашский государственный институт
гуманитарных наук,
г. Чебоксары, Российская Федерация;

ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-9169-7463>;
e-mail: matweev.georgij@yandex.ru

Поступила в редакцию 20.11.2025
Принята к публикации 10.12.2025
Опубликована 15.12.2025

Information about the author

Georgii B. Matveev – Cand. Sci. (Hist.),
leading research fellow,
Chuvash State Institute of Humanities of Ministry
of Education & Youth of Chuvash Republic,
Cheboksary, Russian Federation;

ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-9169-7463>;
e-mail: matweev.georgij@yandex.ru

Received 20 November 2025
Accepted 10 December 2025
Published 15 December 2025

Вербальные и невербальные средства выражения состояния измененного сознания в рассказе Стивена Кинга «Crouch End»

<https://doi.org/10.31483/r-149925>

УДК 821.111.0(73)(Кинг)Crouch End:612.821

Королева В. В.^а, Уциев А. А.^бВладимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых
г. Владимир, Российская Федерация.^а <https://orcid.org/0000-0002-7608-9772>, e-mail: queenvera@yandex.ru^б <https://orcid.org/0009-0003-7554-2285>, e-mail: a.utsiev24@mail.ru

Резюме. В статье на примере рассказа С. Кинга «Crouch End» («Крауч-Энд») исследуются вербальные и языковая репрезентация невербальных средств, отражающие в тексте состояние измененного сознания. Анализ поведения героини взятого за основу произведения показал следующие типичные признаки наличия измененного состояния сознания: изменения мышления и речи, появление нестандартного восприятия себя и окружающего мира, появление глубоких переживаний и эмоций, утрата самоконтроля, усиление образности восприятия происходящего. В качестве вербальных средств выделяются лексические единицы с отрицательной семантикой тревоги и ужаса (fear, terror), прием парцелляции. Измененное состояние сознания также отражено через использование невербальных языковых номинаций. Среди них контролируемые невербальные коммуникации: фонационные, тактильные, проксемные, пантомимические, миремические. Особую роль в описании стрессового состояния играют языковые номинации психофизиологических реакций: дрожь и ступор. В статье делается вывод о том, что состояние измененного сознания у главной героини рассказа «Crouch End» представлено, как вербальными средствами, так и языковой репрезентацией контролируемых и неконтролируемых видов невербального поведения.

Ключевые слова: невербальная коммуникация, языковые средства, вербальные средства, невербальные средства, измененное состояние сознания.

Для цитирования: Королева В. В. Вербальные и невербальные средства выражения состояния измененного сознания в рассказе Стивена Кинга «Crouch End» / В. В. Королева, А. А. Уциев // Этническая культура. 2025. Т. 7, № 4. С. 30-35. DOI 10.31483/r-149925. EDN RAVADA

Research Article

Verbal and Non-Verbal Means of Denoting Altered States of Consciousness in Stephen King's Short Story "Crouch End"

Vera V. Koroleva^a, Ahmad A. Utsiev^b Vladimir State University

Vladimir, Russian Federation.

^a <https://orcid.org/0000-0002-7608-9772>, e-mail: queenvera@yandex.ru^b <https://orcid.org/0009-0003-7554-2285>, e-mail: a.utsiev24@mail.ru

Abstract. Using the example of Stephen King's short story "Crouch End", the article examines verbal and non-verbal means (their linguistic representation), reflecting the state of altered consciousness in the text. An analysis of the heroine's behavior based on the work showed the following typical signs of altered states of consciousness: changes in thinking and speech, the appearance of a non-standard perception of oneself and the world around her, the appearance of deep feelings and emotions, loss of self-control, and increased imagery of perception of what is happening. Lexical units with negative semantics of anxiety and terror (fear, terror) are distinguished as verbal means. At the linguistic level, the altered states of consciousness in the story is expressed through verbal nominations, such as words and idioms with the meaning of fear and the technique of parcel. Altered states of consciousness is also reflected through the use of non-verbal language categories. Among them are controlled non-verbal communications: phonetic, tactile, proximal, pantomimic, miremic. Linguistic categories of psychophysiological reactions, such as trembling and stupor, play a special role in describing a stressful state. The article concludes that the state of altered consciousness in the main character of S. King's short story "Crouch End" is represented by both verbal means and linguistic representation of controlled and uncontrolled types of non-verbal behavior.

Keywords: verbal means, altered states of consciousness, non-verbal communication, linguistic means, non-verbal means.

For citation: Koroleva V. V., & Utsiev A. A. (2025). Verbal and Non-Verbal Means of Denoting Altered States of Consciousness in Stephen King's Short Story "Crouch End". *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 7(4), 30-35. EDN: RAVADA. <https://doi.org/10.31483/r-149925>.

Введение

Описание вербальных и невербальных знаков выражения эмоционального состояния в художественных произведениях является актуальным направлением в лингвистике, так как оно помогает проследить, как понималось и какими средствами выражалось изменение состояния литературных героев, находящихся в состоянии сильного стресса и шока.

Измененные состояния сознания¹ (ИСС) — любые субъективные состояния, значительно отличающиеся от привычного бодрствования. Данный термин изначально утвердился в психологии. Он был введен в конце 1960 гг. американским психологом Ч. Тартом для характеристики временных качественных перестроек в функционировании психики человека.

¹ Англ. altered states of consciousness.

В научных публикациях ИСС как понятие было впервые использовано в статье А. М. Людвига «Измененные состояния сознания» в 1966 г.², где он выделил основные причины появления ИСС, его общие характеристики (изменение в эмоциях, мышлении, ощущении времени, контроле собственных действий и т. д.) и функции ИСС. Более позднее дополненное и переработанное издание этой работы было сделано Ч. Тартом³, который включил в нее работу А. М. Людвига, описывающую феномен измененных состояний сознания. В 1986 г. была опубликована работа Д. Л. Спивака «Лингвистика измененных состояний сознания»⁴, в которой он рассматривает ИСС, делая акцент на различии в характеристиках речи людей в различных состояниях измененного сознания. Вслед за ним А. Ревонсуо вводит понятия ошибочной интерпретации реальности и субъективного опыта человека в качестве основных характеристик ИСС⁵.

Речевое поведение человека в экстремальных ситуациях, и, в частности, в состоянии измененного сознания стало также предметом исследования А. С. Рубцовой⁶, Ф. И. Карташковой и В. В. Ганиной [Карташкова, Ганина, 2024]. Важный вклад в исследование вербальных и невербальных компонентов коммуникации за последние годы внесли Г. Е. Крейдлин⁷, Ф. И. Карташкова⁸ [Карташкова, 2014], В. А. Миловидов [Миловидов, 2024].

Актуальность данной работы связана с малоизученностью языковой репрезентации вербальных и невербальных проявлений феномена измененного сознания художественном тексте.

Опираясь на работы А. Людвига, У. Фартинга⁹ и О. В. Гордеевой, под ИСС мы будем понимать психические состояния, которые «индуцированы различными физиологическими, психологическими или фармакологическими способами и могут быть идентифицированы (самим индивидом или объективно) как значительные отклонения от обычного состояния сознания в субъективном переживании или психическом функционировании»¹⁰. В качестве признаков ИСС исследователи отмечают изменения внимания, восприятия, мышления, речи (внешней и

внутренней), памяти, восприятия времени, самосознания, образа тела, уровня активации, переживания и выражения эмоций, самоконтроля, системы мотивов и смыслов, а также повышение внушаемости и образности. Измененными можно называть такие состояния, при которых наблюдается большинство данных признаков, а переходными к измененным — состояния, при которых наблюдается один или несколько признаков.

Материалы и методы исследования

Богатым источником материалов для исследования ИСС служит художественный текст (В. П. Белянин¹¹), который фиксирует языковую репрезентацию как вербальных, так и невербальных компонентов коммуникации. В последние годы появляется все больше работ, посвященных изучению этого аспекта. Так, о специфике реализации невербальных средств в художественном тексте писали Н. В. Изотова [Изотова, 2021], О. В. Дунаева¹², Е. Д. Боева¹³, С. Минь [Сюй, 2022].

Основными в работе стали методы сплошной выборки и описательный.

Результаты исследования и их обсуждение

Рассмотрим способы выражения ИСС на примере рассказа С. Кинга «Crouch End»¹⁴ («Крауч-Энд»), где феномен измененного состояния демонстрируется на примере Дорис Фриман (Doris Freeman), которая проходит через ряд стрессовых ситуаций в произведении. Последствиями этих событий является ее измененное сознание.

На наш взгляд, состояние главной героини рассказа «Crouch End» Дорис можно определить как ИСС, поскольку в ее поведении присутствуют некоторые его характерные признаки. В тех ситуациях, когда она видит угрозу, где ее нет, и воспринимает нейтральное окружение как ужасающее, очевиден такой признак, как изменение восприятия и мышления. Изменение в ее речи отражается в сбивчивости и бессвязности ее слов и мыслей: *It... I... I... the street... there was a cat with only one eye... the street opened up... I saw it... and they said something about a Blind Piper... I've got to find Lonnie!* «Это... Я... Я... улица... там был одноглазый кот... улица разверзлась... я видела это существо... они сказали что-то про Слепого Волынщика... я должна найти Лонни!». После пережитых событий Дорис не может вспомнить, как она вернулась в город. Во время разговора с полицией офицеры отметили, что промежутки времени в ее рассказе не сходятся — очевиден признак изменения восприятия времени. Главная героиня также испытывала изменение в ощущении и восприятии собственного тела в моменты страха и тревоги, несмотря на отсутствие фактических воздействий или изменений. Ее эмоциональное состояние было неустойчиво, плач переходил в смех, дрожь и волнение переходили в яростные крики.

¹¹ Белянин В. П. Психологическое литературоведение. Текст как отражение внутренних миров автора и читателя. Москва: Генезис, 2016. 319 с.

¹² Дунаева О. В. О кинетическом поведении Чеховских персонажей // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2010. № 57. С. 31–34.

¹³ Боева Е. Д. Авторские интерпретации невербальных знаков в художественном тексте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 6, часть 1. С. 28–30.

¹⁴ King S. Crouch End // New Tales of the Cthulhu Mythos / edited by R. Campbell. Sauk City, Wisconsin: Arkham House, 1980. P. 3–33.

Дорис часто теряла контроль над своими эмоциями и действиями, следовала импульсам, что выражалось в манере ее речи и поведении с полицейскими — важный признак ИСС. Также для нее было характерно образное восприятие действительности в моменты, когда она испытывала страх: здания двигались и тянулись к героине, казались в ее воображении «голодными». Анализ описания вербальных и невербальных средств ИСС в рассказе С. Кинга позволит выделить вербальные представления невербальных маркеров состояния измененного сознания, которые помогают распознать ИСС у героев рассказа. Далее рассмотрим это более подробно на конкретных примерах из текста.

Обращаясь к анализу рассказа С. Кинга, следует отметить, что состояние ИСС у главной героини в «Crouch End» характеризуется описанием эмоциональных состояний ужаса, которое выражается, прежде всего, вербально с помощью языковых единиц, характеризующихся отрицательной семантикой. Главным образом это имена существительные и прилагательные, которые описывают страх, тревогу и беспомощность героини и вызывают у читателя чувство страха.

Среди существительных присутствуют такие лексемы, как *fear* 'страх', *terror* 'ужас'. Например: *She consulted her interior workings and tickings and discovered that she was in a state of slowly building terror*. 'Она прислушалась к своему телу и обнаружила в себе состояние медленно растущего ужаса'. Для выражения усиления паники Дорис Кинг использует описание природы, включающее метафоры, отражающие атмосферу страха, паники, что характерно для состояния ИСС, так как именно в восприятии героини наступление вечера воспринимается сквозь призму страха: *the blood of sunset had been replaced by the cool gray ashes* 'Кровавый свет закатного солнца сменился прохладными серыми сумерками'. Отчаяние Дорис фиксирует развернутая метафора, включающая в себя эксплицитное сравнение: *The word seemed to drop from her mouth and fall like a stone at her feet* 'Когда она произнесла его имя, оно, казалось, упало камнем к ее ногам'.

Интересно также отметить использование эпитета *fresh*, чаще имеющего положительную коннотацию со значением чего-либо свежего и нового. Однако в данном рассказе в сочетании со словом *terror* слово приобретает дополнительное значение — новую, более сильную вспышку страха. По мере увеличения состояния страха Дорис слово *fear* повторяется и начинает использоваться с прилагательными, усиливающими состояние ужаса: *terrible* 'ужасный', *bone-rattling* 'пробирающий до костей'.

Следует заметить, что в произведении отдается предпочтение использованию имен прилагательных для вербального выражения эмоционального состояния. Такие прилагательные как *stupid* 'оцепеневшая', *disoriented* 'рассеянная', *helpless* 'беспомощная' показывают растерянность героини, которая пытается понять все то, что с ней происходит, но не может, поэтому ее сознание становится измененным, речь сбивчивой: *"I don't know," Doris said. She felt disoriented and a little stupid* '«Я не знаю», — сказала Дорис. Она почувствовала себя рассеянной и немного оцепеневшей'; *She was aware that she was speaking incoherencies, but she seemed helpless to be any*

clearer 'Она понимала, что говорила бессвязно, но она казалась беспомощной и не могла пояснить что-либо понятнее'. Метафорическое восприятие реальности героиней здесь также усиливается благодаря использованию перцептивной модальности (например, при помощи глагола *seem* 'казаться').

Измененное состояние сознания героини характеризуется не только страхом, но и изображением тревоги Дорис при помощи анималистической метафоры: *The desertion was beginning to nibble at her nerves* 'Эта пустыньность начинала грызть ее изнутри'. Отметим использование С. Кингом глагола *nibble* 'обгрызть, отщипывать' для описания психического состояния героини, а также грамматические средства, в частности, использование времени *past continuous*, которое здесь возникает окказионально — с глаголом *to begin* 'начинать'.

Признаком измененного состояния сознания у главной героини становится сравнение ее поведения с животным. При этом С. Кинг вводит такую синтаксическую конструкцию, как сравнительный оборот *like a frightened animal* 'как испуганное животное', описывая момент, когда сознание Фриман отключилось, уступив место животным инстинктам.

Следует отметить, что С. Кинг предпочитает не прямое выражение эмоции страха и деструктивного поведения с помощью лексем с таким значением, а использование идиом, которые выражают данное состояние еще ярче. Например, идиома *to drive someone mad* 'выводить из себя' символизирует нахождение героини в состоянии близком к помешательству. Она находится на пределе, что отражает изменение восприятия героиней реальности.

Последним немаловажным вербальным средством, которое стоит упомянуть, является прием апосиопезы, который С. Кинг использует для изображения заикания и дрожи голоса главной героини (*It... I... I... the street... 'Это... Я... Я... улица...'; I can't drink it... I couldn't... I couldn't...* 'Я не могу это пить... я не могу... я не могу...'), что указывает на переживание, изменение речи и, возможно, даже на трудности в мышлении — все это можно отнести к признакам измененного состояния.

Анализ рассказа С. Кинга «Crouch End» показал, что основным методом передачи эмоционального состояния персонажей является включение в повествование описания невербальных языковых средств, которые создают более глубокую картину переживаний и ярче демонстрируют измененное состояние сознания.

Для анализа языкового отображения невербальных средств маркирующих психоэмоциональное состояние героев, была взята классификация Ф. И. Карташковой, согласно которой можно выделить три группы невербальных знаков коммуникации в тексте произведения: контролируемые, неконтролируемые и компоненты окружающей среды. К контролируемым невербальным компонентам коммуникации относятся фонационные, респираторные, проксемные, тактильные, мимические, мимикические, пантомимические, жестовые, невербальные компоненты окружающей среды. К неконтролируемым невербальным компонентам коммуникации, или психофизиологическим реакциям можно отнести: динамику цвета лица (побледнение, покраснение),

дрожь, слезоотделение, потоотделение, ступор, учащенное сердцебиение; специфические невербальные действия [Карташкова, 2024, с. 29].

Рассмотрим языковую репрезентацию невербальных средств для передачи психического состояния героини, к которым прибегает С. Кинг. Начнем с невербальных маркеров измененного состояния с языковых номинаций контролируемых невербальных компонентов, в частности, фонационных. В рассказе можно отметить такие фонационные признаки как крик (*shrieked* 'пронзительно крикнула', *cried* 'выкрикнула'), шепот (*whispered* 'прошептала'), понижение голоса (*voice had dropped* 'голос понизился', *low voice* 'тихий голос'), звонкость (*shrieked* 'пронзительно крикнула') и быстрота речи (*she said slowly* 'она сказала медленно').

С помощью повышения или понижения тона голоса главной героини описываются ее страх, паника, состояние потерянности. Пониженный тон голоса и осторожность Дорис отражаются при помощи шепота: *"What's going on out there?" she whispered* '«Что там происходит?» — прошептала она'; *"What's going on out there?" she repeated* '«Что там происходит?» — повторила она'; *Monsters...* 'Чудовища'; *"Lonnie," she whispered* '«Лонни», — прошептала она'; *I know he's dead* 'Я знаю, что он мертв'. Здесь же можно отметить респираторный признак усиления дыхания героини во время ее речи: *Her breath was coming in quick pants* 'Ее дыхание было учащенным и тяжелым', который является проявлением измененного состояния сознания.

Напряженное состояние героини, ее страх и отчаяние также выражается при помощи повышенного тона и крика, а также резкой смены тона, что демонстрирует ее неспособность сдерживать и контролировать эмоции. Этот невербальный признак реализуется вербально в тексте при помощи лексических средств и восклицательных предложений: *"Lonnie!" she shrieked* '«Лонни!» — пронзительно кричала она'; *Oh, please, they've got Lonnie!* 'О, господи, они схватили Лонни!'; *"I'm an American citizen!" she cried suddenly* '«Я американская гражданка!» — она резко выкрикнула'; *We were supposed to have a week in Barcelona... but this isn't helping find Lonnie!* 'Мы должны были поехать в Барселону на неделю... но это не поможет найти Лонни!'. Также здесь можно отметить использование героиней метонимического эпитета *stupid questions* 'дурацкие вопросы' в разговоре с офицером. Подобная грубость в его адрес указывает на неконтролируемый всплеск эмоций.

Тон и эмоциональное состояние Дорис меняется в те моменты, когда она погружается в раздумья о пережитых ей событиях. Она становится более поникшей, сломленной и начинает говорить тише и медленнее. Например, *"It was then that things began to change," she said. Her voice had dropped a little* '«Именно тогда все начало меняться», — сказала она. Ее голос немного понизился' — здесь используется английская идиома *dropped voice* 'упавший голос'.

Функцию выражения эмоций также выполняют проксеимные невербальные компоненты коммуникации, которые представлены движениями тела, характеризующими состояние страха и ИСС. К ним относится психофизиологическая реакция стремительного движения. Например, Дорис не вошла, а ворвалась на станцию:

The girl... had burst into the station 'Девушка ворвалась в участок'. Это состояние описывается через фразовый глагол *to burst into something* 'ворваться куда-либо', включающий в себя глагол *to burst* 'внезапно появиться', который обозначает резкое неожиданное действие.

Перемена эмоционального состояния Дорис Фриман отражается и с помощью миремических невербальных компонентов коммуникации. Напряжение и паника выражаются устойчивым словосочетанием *bulging eyes* 'выпученные глаза'. Сравнение *child's look* 'взгляд ребенка' показывает ее чувства беспомощности и беззащитности, а идиома (*to be*) *at bay* 'загнанный в угол' говорит о ее страхе, растерянности, чувстве безысходности: *And when she looked at them, it was a child's look — simple, exhausted, appealing... and at bay, somehow* 'И когда она посмотрела на них, то это был взгляд ребенка: бесхитростный, измученный, полный мольбы... будто она была загнана в угол'.

С. Кинг также показывает измененное сознание героини сразу после пережитых ей событий через изменение ее мышления и восприятия реальности, которые являются одними из основных признаков измененного состояния сознания. Когда два человека проходят мимо нее, в сознании Дорис они моментально сравниваются с двумя детьми, которые ранее напугали ее и стали для нее ассоциироваться с угрозой, опасностью: *Two people had passed in front of her, and Doris had cringed farther back into the shadows, afraid of the two evil children* 'Двое человек прошли мимо нее, и Дорис съежилась, стараясь вернуться в тень, боясь тех двух злых детей'. Ее измененное восприятие также демонстрируется при описании складов, мимо которых она проходит: *The warehouses seemed to lean hungrily* 'Ей мерещилось, что склады голодно тянулись к ней'. С. Кинг прибегает к использованию метафорического эпитета и перцептивной модальности через глагол *seem* 'мерещиться', чтобы показать, что сознание Дорис поменялось, и теперь ей кажутся угрожающими обычные предметы.

Состояние напряжения героини показано С. Кингом через тактильные и пантомимические признаки. Например, Дорис сжимает чужую руку, чтобы успокоить себя и остановить дрожь в теле: *"Come on," she said, and took his hand. She took it brusquely so he would not feel her own trembling* 'Пойдем, — сказала она и бесцеремонно схватила его руку, чтобы он не чувствовал дрожи ее рук'. Наречие *brusquely* 'бесцеремонно', описывающее резкое и грубое действие со стороны героини, отражает потерю контроля над своими эмоциями, что является признаком измененного состояния сознания.

В другом примере находим описание С. Кингом пантомимического признака в произведении, когда Дорис растеряна и не может ответить на вопрос полицейских, она пожимает плечами в состоянии отчаяния: *Doris Freeman shook her head, slowly and tiredly* 'Дорис Фриман медленно и устало покачала головой'.

Особенно значимую роль в описании изменения состояния сознания героини играют языковые номинации неконтролируемых невербальных компонентов коммуникации, или психофизиологических реакций, в частности, тошнота героини.

Это можно увидеть на примере использования С. Кингом перцептивной модальности и анималистической метафоры: *She felt as if her intestines had begun to crawl sluggishly around and around within her belly* 'Она чувствовала себя так, будто бы ее внутренности медленно ползали внутри нее'. Другой психофизиологической реакцией в рассказе является ступор, который показан через ощущение потери разума: *Her mind wanted to leave her body behind and just... fly* 'Ее разум хотел оставить ее тело и просто... улететь'. Дорис испытывает внутреннее раздвоение, изображенное через олицетворение ее сознания, что символизирует ее состояние как измененное: *"I can't," her mind informed her matter-of-factly* '«Я не могу», — сухо сообщил ей ее разум'.

С. Кинг также говорит о неспособности героини говорить в связи с переполняющими ее эмоциями, используя фразовый глагол *to break down* 'сломиться, обессилить', который говорит о потере самообладания: *At that point she had broken down, unable to go on for some time* 'И на этом она обессилела не в состоянии продолжать'. Неконтролируемые невербальные компоненты, которые являются психофизиологическими реакциями, ярко отображают изменение сознания, так как влияние, производимое на психику персонажа, является достаточно сильным, что последствия его приводят к непроизвольной реакции организма.

К другим психофизиологическим реакциям в рассказе относится и головокружение. С. Кинг применяет для изображения головокружения идиому с соматизмом *head* 'голова': *Her head spun with them* 'Ее голова кружилась вслед за ними'. Другой психофизиологической реакцией на состояние измененного сознания в рассказе становится упоминание дрожи, которая описывается с помощью соматизма *hands* 'руки': *Her hands were shaking quite badly* 'Ее руки довольно сильно тряслись', *Her hands were trembling again* 'Ее руки вновь задрожали'. Дрожь в ногах, слабость отражается с помощью соматизма *legs* 'ноги': *Her legs seemed to turn to waterbags at the sound* 'Ее ноги словно превратились в бурдюки с водой от этого звука'. С. Кинг использует идиому, отличную от распространенного в языке варианта *turn to jelly* 'становиться ватным'.

В рассказе «Crouch End» С. Кинга для описания измененного состояния сознания автор обращается к невербальным компонентам коммуникации окружающей среды. Например, состояние одежды и ак-

сессуаров героини отражают ее эмоциональные переживания. Так, Дорис не замечает сломанный каблук, находясь в состоянии измененного сознания: *She was rocking unsteadily because of the broken shoe* 'Она шла, покачиваясь из-за сломанной туфли'.

Выводы

Таким образом, анализ описания состояния Дорис в рассказе «Crouch End» С. Кинга показал следующие признаки измененного состояния сознания в художественном произведении: изменения мышления и речи, появление нестандартного восприятия себя и окружающего мира, появление глубоких переживаний и эмоций, утрата самоконтроля, усиление образности восприятия происходящего. На языковом уровне измененное состояние сознания в рассказе выражается с помощью вербальных номинаций, таких как слова и идиомы со значением страха (*slowly building terror* 'медленно растущий ужас', *frightened like an animal* 'как испуганное животное', *driving her mad* 'выводит ее из себя') и прием апофеоза (*It... I... I... the street...* 'Это... Я... Я... улица...').

Измененное состояние также отражено через описание невербальных знаков. Среди них контролируемые невербальные компоненты коммуникации: фонационные (*shrieked* 'пронзительно крикнула', *whispered* 'прошептала', *voice had dropped* 'голос понизился'); тактильные (*she took it brusquely* 'бесцеремонно схватила его руку'); проксемные (*had burst into the station* 'ворвалась в участок'), пантомимические (*shook her head* 'покачала головой'); миремические (*eyes bulging* 'выпученные глаза', *child's look* 'взгляд ребенка').

Особую роль в описании стрессового состояния играют языковые номинации неконтролируемых невербальных компонентов, или психофизиологических реакций: дрожь (*hands were shaking* 'руки тряслись', *hands were trembling again* 'руки вновь задрожали') и ступор (*broken down* 'обессилела', *unable to go on* 'не в состоянии продолжать'). На основе этого можно сделать вывод о том, что для понимания эмоционального и психологического состояния героев художественных произведений и корректной характеристики их поведения как признаков измененного состояния сознания необходимо обратить внимание на использование автором вербальных языковых средств, а также на описание невербальных компонентов коммуникации.

Список литературы

- Изотова Н. В. Невербальная составляющая коммуникативного поведения как деталь образа персонажа в повести А. П. Чехова «Степь» // Научная мысль Кавказа. 2021. № 2. С. 125-129. ISSN 2072-0181. DOI 10.18522/2072-0181-2021-106-2-125-129. EDN PWYZMB
- Карташкова Ф. И., Ганина В. В. Невербальное поведение человека в ситуациях измененного состояния сознания и способы его языковой репрезентации (на материале произведений Ф. М. Достоевского) // Мир лингвистики и коммуникации : электронный научный журнал. 2024. № 75. С. 25-40. EDN HWSKOY
- Сюй М. Особенности невербальных средств общения как способ выразить социальный статус в художественном тексте (на примере рассказа А. П. Чехова «Толстый и тонкий») // Литера. 2022. № 11. С. 34-43. DOI 10.25136/2409-8698.2022.11.39188. EDN LJYFCC
- Миловидов В. А. «Улицы корчатся безязыкая...». Металингвистика повседневности : монография. Москва : Языки славянских культур, 2024. 176 с. EDN BOPUOU

References

- Izotova, N. V. (2021). The Nonverbal Component of Communicative Behavior as a Detail of the Characterization in A. P. Chekhov's Narrative "The Steppe". *Scientific Thought of Caucasus*, 2, 125-129. EDN: PWYZMB. <https://doi.org/10.18522/2072-0181-2021-106-2-125-129>
- Kartashkova, F. I., Ganina V. V. (2024). Non-verbal Behavior of People in Altered States of Consciousness and Its Language Correlates in Dostoevsky's Novels. *World of Linguistics and Communication*, 75, 25-40. EDN: HWSKOY.
- Xu, M. (2022). Features of Nonverbal Means of Communication as a Way to Express Social Status in a Literary Text (on the example of A. P. Chekhov's Short Story "Thick and Thin"). *Litera*, 11, 34-43. EDN: LJYFCC. <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2022.11.39188>
- Milovidov, V. A. (2024). "The Street Writes Languageless...". *Metalinguistics of Everyday Life.*, 176. EDN: BOPOUO

Информация об авторах

Королева Вера Владимировна – доктор филологических наук, заведующая кафедрой, Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых г. Владимир, Российская Федерация;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7608-9772>;
e-mail: queenvera@yandex.ru

Уцнев Ахмад Абосович – ассистент, Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых г. Владимир, Российская Федерация;

ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-7554-2285>;
e-mail: a.utsiev24@mail.ru

Information about the authors

Vera V. Koroleva – Doct. Sci. (Phil.), associate professor, head of the department, Vladimir State University Vladimir, Russian Federation;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7608-9772>;
e-mail: queenvera@yandex.ru

Ahmad A. Utsiev – assistant Vladimir State University Vladimir, Russian Federation;

ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-7554-2285>;
e-mail: a.utsiev24@mail.ru

Поступила в редакцию 02.08.2025
Принята к публикации 06.10.2025
Опубликована 13.10.2025

Received 2 August 2025
Accepted 6 October 2025
Published 13 October 2025

Об особенностях бесермянской лексики в «Материалах для сравнительного словаря...» П. М. Сорокина: тюркские заимствования

<https://doi.org/10.31483/r-151507>
УДК 811.511.131:811.512.145'282.2

Максимов С. А.

Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук г. Ижевск, Российская Федерация.

<https://orcid.org/0000-0002-5389-9502>, e-mail: makser02@yahoo.com

Резюме. Письменные памятники играют важную роль в изучении истории языка, языковых явлений и их динамики. Особое значение они имеют в отношении языка бесермян, компактно проживающих на северо-западе Удмуртской Республики. Язык данного малочисленного народа лишь в 2022 г. получил статус самостоятельного идиома. Рукопись «Материалы для сравнительного словаря зюздинского пермского и глазовского вотского наречий и бесермянского говора» на данный момент является одним из немногих ранних памятников письменности, содержащих довольно большой объем бесермянского материала. Цель исследования — выявить в указанной рукописи бесермянские слова тюркского происхождения, провести анализ их происхождения и территориального распространения. В исследовании применены описательный метод и метод этимологического анализа. В ходе изучения лексики словаря были отобраны слова тюркского происхождения, присущие только или преимущественно бесермянскому языку. Большинство из них представляют татаризмы, заимствованные в северной части территорий современных Кировской области и Удмуртской Республики, что говорит о тесных бесермянско-тюркских контактах в указанном регионе. В приведенном списке всего два булгаризма и один чувашизм. Особенности словаря при дальнейшем анализе позволят определить его точную диалектную базу.

Ключевые слова: диалектная лексика, языковые контакты, удмуртский язык, тюркские заимствования, бесермянский язык, рукописный словарь, лексические особенности.

Для цитирования: Максимов С. А. Об особенностях бесермянской лексики в «Материалах для сравнительного словаря...» П. М. Сорокина: тюркские заимствования // Этническая культура. 2025. Т. 7, № 4. С. 36-41. DOI 10.31483/r-151507. EDN RMTSVK

Research Article

On the Specifics of the Besermyan Vocabulary in "Materials for a comparative Dictionary..." by P. M. Sorokin: Turkic Borrowings

Sergey A. Maksimov

Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Izhevsk, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-5389-9502>, e-mail: makser02@yahoo.com

Abstract. Written records play an important role in the study of language history, linguistic phenomena, and their dynamics. They are particularly significant for the language of the Besermyans, a compact group living in the northwest of the Udmurt Republic. The language of this small people only received the status of an independent idiom in 2022. The manuscript "Materials for a Comparative Dictionary of the Zyuzdin Permyak and Glazov Votian Dialects and the Besermyan Dialect" is currently one of the few early written records containing a significant amount of Besermyan material. The aim of this study is to identify Besermyan words of Turkic origin in this manuscript and analyze their origin and territorial distribution. The study utilizes descriptive and etymological methods. During the study of the dictionary's vocabulary, words of Turkic origin were selected, which are unique or predominantly found in the Besermyan language. Most of them are Tatarisms borrowed in the northern territory of what is now the Kirov Oblast and the Udmurt Republic, indicating close Besermyan-Turkic contacts in this region. The list includes only two Bulgarisms and one Chuvashism. Further analysis of the dictionary's features will allow us to determine its precise dialectal base.

Keywords: Turkic borrowings, dialect vocabulary, the Besermyan language, the Udmurt language, manuscript dictionary, lexical characteristics, linguistic contacts.

For citation: Maksimov S. A. (2025). On the Specifics of the Besermyan Vocabulary in "Materials for a comparative Dictionary..." by P. M. Sorokin: Turkic Borrowings. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 7(4), 36-41. EDN: RMTSVK. <https://doi.org/10.31483/r-151507>

Введение

Письменные памятники играют важную роль в изучении истории языка, языковых явлений и их динамики, а также истории носителей языка. Неслучайно одним из основных направлений научной деятельности удмуртского лингвиста Т. И. Тепляшиной являлось исследование памятников удмуртской письменности,

результаты которого воплотились в одну из ее монографий¹. Указанное направление не утратило актуальность и в настоящее время, о чем говорят вновь появляющиеся работы не только в виде отдельных статей,

¹ Безенова М. П. К особенностям перевода «Закона Божия» (1912 г.) на удмуртский язык: глагольная морфология // Урало-алтайские исследования. 2020. № 3. С. 19-32. DOI 10.37892/2500-2902-2020-38-3-19-32. EDN YTXKFI

но и в виде монографий [Ившин, 2020; Безенова, 2020, № 3; Безенова, 2020, № 1; Максимов, 2022; Ившин, 2023]².

Особое значение ранние записи речи имеют в отношении бесермянского языка — языка малочисленного народа (2 036 чел.), компактно проживающего в северо-западных сельских районах Удмуртской Республики и в г. Глазове; в 2022 г. получил статус отдельного языка. До последнего времени бесермянский оставался бесписьменным. Рукопись «Материалы для сравнительного словаря зюздинского пермяцкого и глазовского вотского наречий и бесермянского говора»³ на данный момент является одним из немногих ранних памятников письменности (конец XIX в.), содержащим довольно большой объем бесермянского лексического материала — 810 единиц. Автором словаря, по мнению Т. И. Тепляшиной, является статистик Вятского края конца XIX в. П. М. Сорокин⁴.

Русский словник словаря, в соответствии с которым осуществлялись переводы на другие языки, представлен 1642 понятиями [Ившин, 2020, с. 184–185]. Передачу в нем звуков, фонетические и некоторые лексические особенности бесермянских слов были рассмотрены Т. И. Тепляшиной⁵. Общая характеристика, анализ графических и иных черт записей удмуртских слов был осуществлен Л. М. Ившиным [Ившин, 2020].

Цель данного исследования — выявить в рассматриваемом письменном источнике бесермянские слова тюркского происхождения, установить их этимологию и территориальное распространение в бесермянско-удмуртском диалектном кластере.

Материалы и методы исследования

Исследование преимущественно базируется на основе рукописи «Материалы для сравнительного словаря зюздинского пермяцкого и глазовского вотского наречий и бесермянского говора». Автором также были использованы материалы других источников [Максимов 2024]⁶. Удмуртские примеры привлекались из словаря удмуртских диалектов Ю. Вихманна⁷ и двух изданий диалектологического атласа удмуртского языка⁸.

Цели исследования достигались с помощью описательного метода и метода этимологического анализа.

² Безенова М. П. К особенностям перевода «Закона Божия» (1912 г.) на удмуртский язык: именная морфология // Урало-алтайские исследования. 2020. № 1. С. 53–70. DOI 10.37892/2500-2902-2020-36-1-53-70. EDN CQNUHA

³ Ившин Л. М. К истории удмуртской графики: обозначение звука *ö* в памятниках ранней удмуртской письменности // Linguistica Uralica. 2020. Том 56. Выпуск 2. С. 125–132. DOI 10.3176/lu.2020.2.04. EDN GIXXIS

⁴ Ившин Л. М. Лексика памятников удмуртской письменности XVIII века: монография. Ижевск, 2023. 216 с. EDN GUOQXO

⁵ Ившин Л. М. О рукописи «Материалы для сравнительного словаря...» // Ежегодник Финно-угорских исследований. 2020. Том 14. № 2. С. 184–190. DOI 10.35634/2224-9443-2020-14-2-184-190. EDN NZHNUD

⁶ Максимов С. А. Особенности прочтения отдельных бесермянских слов из письменных памятников XVIII–XIX вв. // Ежегодник финно-угорских исследований. 2022. Том 16, № 3. С. 405–415. DOI 10.35634/2224-9443-2022-16-3-405-415. EDN UYECQW

⁷ Wichmann Y. Wotjakischer Wortschatz / bearbeitet von T. E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen. Helsinki, 1987. XXII, 422 S.

⁸ Насибуллин Р. III., Максимов С. А., Семенов В. Г., Отставнова Г. В. Диалектологический атлас удмуртского языка: карты и комментарии. Выпуски 1–2. Ижевск: Регулярная и хаотическая динамика, 2009–2010.

Результаты исследования и их обсуждение

Ниже представлен список тюркских заимствований, извлеченных из рассматриваемого источника. Исследуемые лексические единицы даны курсивом в алфавитном порядке. Значения слов, как и во всей работе, заключены в одиночные кавычки. В необходимых случаях для сравнения после бесермянского слова приводится удмуртский вариант, приведенный в рукописи. Числа в квадратных скобках означают номера листов: [1] — лист № 1; [1 об.] — оборот листа № 1. Далее приводятся лексические соответствия из публикаций, представляющих бесермянские материалы середины прошлого — начала нынешнего века, после чего — данные удмуртских диалектов. Этимологии для большинства слов мы нашли в соответствующей литературе. При их отсутствии, а также в сомнительных случаях разрабатывали свои версии и приводили комментарии с уточнениями.

В отношении современной графики бесермянских слов следует сделать некоторые замечания: а) символ *ө* (= удм. диал. *ъ*, ф.-у. *э*) обозначает неогубленную гласную фонему средне-заднего ряда средне-нижнего подъема, акустически близкую к чув. *ä*, тат. *ы*; б) символ *э̃* (= ф.-у. *ž*) — палатальная звонкая аффриката, близкая к тат. *дж*, звонкий вариант согласного *ч*.

Список лексики тюркского происхождения

1. *Абы* 'Бабушка' [1]; ср. бес. *аби* тж. [Максимов, 2024, с. 85], южн. *аби* ~ *äби* < тат. *эби* ~ *эбей* 'бабушка; теща' [Федотов, 1985, с. 118–119; Алатырев, 1988, с. 50; Csúcs, 1990, с. 92; Тараканов, 1993, с. 26; Сий, 1998, с. 80]. Наше прочтение: *аби*, где в ауслауте употреблялся отодвинутый назад звук *и*; также можно допустить, что мы имеем дело с полной веляризацией переднерядного гласного под влиянием губного *б*: *и* > *ө*.

2. *Амсърь*, удм. *Сюлэзь* 'Узкий' [30]; ср. бес. *амсөр* 'узкий' [Максимов, 2024, с. 98]; удм. диал. *амсър* ~ *ансър* ~ *ансыр* тж. [Насибуллин, с. 2010, с. 76, 330]. Данное слово лингвисты относят или к чувашизмам [Алатырев, 1988, с. 95–96; Wichmann, 1987, с. 7; Федотов, 1996, т. 1, с. 42], или к болгарским заимствованиям [Тараканов, 1993, с. 24–25, 33–34; Кельмаков, 2018, с. 118].

3. *Анай*, удм. *Мумы* 'Мать' [12 об.]; ср. бес. *анай* 'мать, мама' [Максимов, 2024, с. 99]; бес. южн. *анай* < тат. *анай* ~ *энай* ~ *эни* [Алатырев, 1988, с. 93; Тараканов, 1993, с. 33; Эхмэтьянов, 2015, т. 1, с. 97, 134; Csúcs, 1990, с. 104; Сий, 1998, с. 80].

4. *Аръ* 'Вотяк' [1 об.] < тат. *ар* 'удмурт' [Насибуллин, 2009, с. 56].

5. *Бабача* 'двоюродный брат' [5 об.]; ср. тат.: нукр. глз. *бабача* 'дедушка, старик; форма обращения к мужчине старше отца' [Татар, 1969, с. 62; Максимов, 2024, с. 115].

6. *Банъ*, удм. *Бамъ* 'Лицо' [12]; ср. бес. *бан*, *бам* (Горд.) 'щека; лицо' [Максимов, 2024, с. 118]. Существуют параллели в разных тюркских языках; в отношении языка-источника мнения ученых расходятся: возможно, болгаризм (чувашизм) или какой-либо (древний) тюркизм: < тюрк. *bān* (см.: Räsänen, 1969, с. 70, 362; Лыткин, Гуляев, 1999, с. 37; Алатырев, 1988, с. 154; Тараканов, 1993, с. 41; Напольских, 1995, с. 39; Rédei, Róna-Tas, 1972, с. 282); лит. *бам*.

7. *Біәмь* 'Свекровь' [25]; ср. бес. *бийөм* тж. [Максимов, 2024, с. 139] < тат.: нукр. глз. *бийем* тж. [Татар, 1969, с. 84]. Наше прочтение: *бийөм*.

8. *Зязяй* 'Дядя (по отцу)' [7]; ср. бес. *зәзәй* 'старший брат', 'дядя' < тат. диал. *дәдә(й)* 'старший брат', 'брат деда', 'дядя' < рус. [Татар, 1969, с. 131; Максимов, 2024, с. 281]. Наше прочтение: *зәзәй /зәзәй/*.

9. **Капка*⁹: *Капк* 'Ворота' [2 об.]; ср. бес. *капка* 'ворота; полевые ворота' [Максимов, 2024, с. 308]; южн. *капка* < тат. *капка* 'ворота' [Тараканов, 1993, с. 75; Насибуллин, 2010, с. 61, 273]. В фиксации отсутствует конечная буква *а*.

10. *Кенэз*, удм. *кёнось* 'Клеть' [9 об.]; ср. бес. *кенэс* ~ *кенас* ~ *кенос* 'амбар; клеть', 'склад' [Максимов, 2024, с. 329–330]; бес. (Шам.) *кенэс* 'амбар' [Словарь, 2013, с. 205] < тюрк. (? булг.), ср. кар. *кенаса* 'молельный дом' < ивр. 'дом собрания' [Максимов, 2018, с. 36–40].

11. **Көйө*: *Паясь*, удм. *Колодса* 'Колодезь'; ср. *көйө* 'колодезь'; *паясь* (*п* = *к*; *көйысь* 'из колодца'. — С. М.) [Тепляшина, 1970, с. 54]; *көйө* лекм., *kolodes'* юнд. зап., *kolodc'a* (Вас.) 'колодезь' [Тепляшина, 1970, с. 57]; *көйө* (Гул. Жув. Тут. Шам.) — ПМТ [Максимов, 2024, с. 379]; юж. *куйы*, кукм. бавл. *күйы* 'колодезь' [Насибуллин, 2009, с. 212] < тат. *кое* [Csúcs, 1990, с. 227; Тараканов, 1993, с. 90].

12. *Мучо* 'баня' [1]; ср. бес. *мөчө*, *муча* (Гул.), *мучо* (Врц.), *мынчо* (Итча), *мөнчө*, *мөнчө* [Максимов, 2024, с. 453]; бес. (Шам.) *мучо* 'баня; парилка' [Словарь, 2013, с. 288]; лит. *мунчо* 'баня'. Финский лингвист Ю. Вихманн данное слово считал или татарским, или чувашским заимствованием [Wichmann, 1987, с. 165]. И. В. Тараканов относит к булгаризмам, приводя следующие соответствия: чув. *мунча* ~ *монча*, *молча* ~ *мольча*, тат. *мунча*, башк. *мунса* < рус. *мыльня* ~ *мыльница* [Тараканов, 1993, с. 100]. Ввиду общенационального распространения удмуртскую лексему предпочтительнее считать булгарским заимствованием. Бесермянские формы, возможно, испытали воздействие местных (соседних) татарских говоров, ср. тат.: нукр. глз. *мича* [Татар, 1969, с. 306].

13. *Писяй* 'Кошка' [10 об.]; ср. бес. *писяй* ~ *псяй* тж. [Максимов, 2024, с. 518]; сев.: нч. сч. *пис'ай*, южн. *писэй* < тат. *песи*, диал. *печай* ~ *песэй* [Csúcs, 1990, с. 250; Тараканов, 1993, с. 107; Насибуллин, 2009, с. 146–147]. Бесермянская и североудмуртская форма восходит к диалекту чепецких татар: < тат.: нукр. глз. *печай* ~ *пычай* < ? чув. **писэй*.

14. *Салямдалякумъ* 'Здравствуй' [8] < тат.; *ас-саламу алейкум* — традиционное приветствие в исламе < араб. 'мир вам'.

15. *Сар-вый*, удм. *Чуж-вый* 'Масло' [12 об.]; ср. бес. *сарвей* 'топленое масло' [Максимов, 2024, с. 569] < тат. *сары май* 'желтое масло'.

16. *Таишка*, удм. *Тучко* 'Кочерга' [10 об.]; ср. бес. *таишка* тж. [Максимов, 2024, с. 630]; бес. (Шам.) *таишка* 'лопатка на длинной ручке' [Словарь, 2013, с. 418], 'выгребалка' [Словарь, 2017, с. 77] < тат.: глз. *тәшкә* 'кочерга' [Татар, 1969, с. 441, 248]; удм. *тушко* (~ *ту́шко*) 'кочерга', 'скребок для сгребания зерна' < булг. (> чув. *турчак* ~ *торчак*) [Тараканов, 1993, с. 129].

17. *Тырлыкъ* 'Власть' [3 об.]; ср. лит. *тёрлык*. Наше прочтение: *тэрлэк* ~ *төрлөк*. Литературная форма пред-

⁹ Данная форма слова, как и *Көйө* (11), реконструирована нами. Оригинальная запись источника дана после двоеточия.

ставляет неологизм, образованный от слова *төр(о)* 'старшина, староста; глава'. Возможно, бесермянское слово образовалось в результате тюркского (татарского) влияния, ср. башк. *турлек* 'важное (почетное) место; важность'.

18. *Тяка* 'баран' [1]; ср. бес. *тяка* ~ *тага* тж. [Максимов, 2024, с. 666]; лит. *така*. По мнению И. В. Тараканова, удм. *така* ~ *тага* 'баран' восходит к тат. *тәкә* [Тараканов, 1993, с. 120]. Мы считаем, что название барана *така* в праудмуртский период скорее всего заимствовано из языка булгар, поскольку имеет общеудмуртское распространение. В северо-западных удмуртских говорах употребляется форма *тага*, проникшая к северным удмуртам через бесермянское посредство от чувашезычного населения бассейна Чепцы: < чув. *така /тага/* (в современном чувашском интервокальные согласные, обозначаемые как глухие, на 75 процентов являются звонкими). Впоследствии бесермянский вариант *тага* под влиянием языка местных татар приобрел форму *тяка* < тат.: глз. *тәкә*.

19. *Умарта*, удм. *Муиш* 'Пчела' [22]. Удм.: юдз. *уморто* < тат. *умарта* 'улей' [Wichman, 1987, с. 297–298; Тараканов, 1993, с. 134]. Значение бесермянского слова зафиксировано неверно, но его звуковой облик говорит о том, что оно является поздним татарским заимствованием, которое проникло после звукоперехода *а > о* в первом слоге удмуртских и бесермянских слов в конце XVI — начале XVII в. (о данном звукопереходе см.: Кельмаков, 1993, с. 16–17, 24–25).

20. *Янчикъ*, удм. *Кошель* 'Кисеть' [9 об.]; ср. бес. *янчөк* ~ *янчик* 'кошель, кошелек' [Максимов, 2024, с. 757]; *янчөк* 'кошелек, кисет (расшитая сумочка через плечо для хранения табака или денег)' [Словарь, 2013, с. 522]; южн. *янчик* 'кошель, кошелек', 'кисет, мешочек, мошна' < тат. *янчык* 'мешок, мешочек, мошна, кисет' [Тараканов, 1993, с. 65]. В большинстве бесермянских говоров во втором слоге данного слова употребляется звук *ө*. Второй слог при фиксации, возможно, был оформлен по аналогии с русским суффиксом -чик. В связи со сказанным мы отдаем предпочтение заднерядному гласному.

В исследуемом рукописном словаре нами выявлено 20 бесермянских слов тюркского происхождения, многие из которых имеют территориально ограниченное распространение в удмуртских диалектах или отсутствуют в последних. Также мы рассматривали лексические единицы, отличающиеся от удмуртских аналогов фонетическим или словообразовательным обликом. В соответствии с источником происхождения — татарским, булгарским и чувашским — данные лексемы мы разделили на три группы.

Татарские заимствования

Наибольшее количество из рассмотренных выше слов относится к татарским заимствованиям. По степени представленности в бесермянско-удмуртском диалектном кластере их можно разделить на несколько групп:

1) татаризмы, встречающиеся только в бесермянских говорах (11 единиц)¹⁰: ар (4) *удмурт, *бабача* (5) 'двоюродный брат', ? *дедушка, старик; форма обращения к мужчине старше отца, *бийөм* (7) 'свекровь', *зәзәй* (8)

¹⁰ Примеры здесь и ниже даны в современной орфографии. Число в круглых скобках после примеров отсылает к лексеме основного списка. Звездочка (*) указывает на значение слова в современных словарях.

‘дядя (по отцу)’, *‘старший брат’, ‘дядя’, *мучо* (12) ‘баня’, *саямдалякум* (14) ‘здравствуй’, *сар-вей* (15) ‘масло’, *‘топленое масло’, *ташка* (16) ‘кочерга’, *‘кочерга’, *‘скребок для сгребания зерна (навоза)’, *тэрлөк* (~ *төрлөк*) (17) ‘власть’, ? *‘важный человек, почетный гость’, *тяка* (18) ‘баран’, *умарта* (19) ‘улей’;

2) слова, встречающиеся только в бесермянском языке и южноудмуртской диалектной зоне (пять единиц): *аби* (? ~ *абө*) (1) ‘бабушка’, *анай* (3) ‘мать, мама’, *капка* ‘ворота’, *‘ворота; полевые ворота’, *көйө* (11) ‘колодец’, *янчөк* (~ *янчик*) (20) ‘кошель, кошелек’, *‘кошелек, кисет’;

3) лексемы, встречающиеся только в бесермянском языке и северо-западных удмуртских говорах (одна единица): *писяй* (13) ‘кошка’.

Булгарские заимствования

бан (6) ‘лицо’, *‘щека; лицо’, удм. *бам*, южн. *бап*. Хотя прямых параллелей нет в чувашском языке, мы не можем вести речь о том, что источником данного слова мог быть какой-нибудь кыпчакский язык, поскольку оно повсеместно употребляется в коми кластере (*бан*). Однако никогда не ставился вопрос о том, почему в бесермянской форме ауслатный согласный представлен звуком *н*. Рефлексом праудмуртского **п* в современных удмуртских говорах обычно является звук *н*, но в окружении губных согласных (огубленных гласных?) он обычно перешел в губной звук *м*, ср. удм. бес. *пум* < *пуп* ‘конец’. В бесермянском, по всей вероятности, господствуют другие фонетические законы, где звукопереход *п* > *м* осуществляется даже при отсутствии указанных выше условий, ср. *амсөр* (2) < *апсөр* ‘узкий’. В случае со словом *бан* мы приходим к мысли, что бесермянская форма является заимствованием из коми языка, точнее говоря, является словом, фонетический облик которого трансформировался под влиянием коми, ср. к. *бан* ‘лицо, щека’¹¹.

кенэс (10) ‘клеть’, *‘амбар; клеть’, *‘склад’, удм. *кенос*, завят. бес. *кенас*. Имеется мнение, что удм. *кенос* ‘амбар; клеть’ возникло из сочетания *кен* ‘невестка, сноха’ и *өс* ‘дверь’¹². На самом деле данное суждение является результатом народной этимологии. Слияние двух указанных слов породило бы форму *кенэс*, как и удм. *ыбес* ‘ворота с пряслами’ < *ыб* *‘к. поле’ + *өс* ‘дверь’. Удмуртское слово *кенос* является результатом закономерного фонетического развития праудмуртского *кенас*, архаичный облик которого сохранился в некоторых удмуртских и бесермянских говорах и восходит к тюркским языкам, ср. кар. *кенаса* ‘молельный дом’, по-видимому, проникший в праудмуртский через язык булгарских племен. Современная бесермянская форма *кенэс* образовалась под влиянием народноэтимологической ассоциации: *кен* ‘невестка, сноха’ + *эс* ‘дверь’, поскольку молодожены (в теплый период) первую брачную ночь и впоследствии определенное время после свадьбы преимущественно проводили в этом строении.

¹¹ Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1999. С. 37.

¹² Кенос [Электронный ресурс]. URL : <https://informvest.ru/kenos.html> (дата обращения : 02.11.2025).

Чувашское заимствование

амсөр (2) ‘узкий’. В большинстве удмуртских диалектов вместо данного слова употребляется исконная лексема *сюбег* ~ *сюлэг*. Аналог *амсөр* обнаруживается в чувашском языке. В этом случае подобные слова в удмуртском языкознании традиционно принято называть булгарскими заимствованиями. Однако следует принять во внимание ареал лексемы: кроме бесермянского языка, она зафиксирована в завятских говорах (Татарстан), в нескольких населенных пунктах, относящихся к срединным говорам западной периферии удмуртского языкового ареала, а также в ограниченной области северо-западного ареала. Все это говорит о том, что речь не может идти о булгарском заимствовании, мы имеем дело с (поздним) чувашским заимствованием. При этом форма *амсөр*, по-видимому, в кукморский говор (Татарстан) внедрилась в результате обратной миграции бесермян с севера, с бассейна Чепцы, на юг.

Перезаимствования

Под данным термином обычно понимается процесс и результат усвоения чего-либо из одного общества (языка) в другое при последующем заимствовании из последнего в предыдущее, но в нашем исследовании речь будет вестись о неоднократном заимствовании одного и того же слова, при этом первоначальное заимствованное слово будет корректироваться в соответствии с аналогом в языке, с которым имеет дело контактирующий язык. Под настоящее описание подпадают пять лексем:

бан (6) ‘щека; лицо’, удм. *бам*, диал. *бап* < булг. **бāп* + к. *бан* т.ж.;

мучо (12) ‘баня’, удм. *мунчо* < булг. **мунча* + тат.: нукр. глз. *мича*;

ташка (16) ‘кочерга; скребок для сгребания зерна (навоза)’, удм. *тушко* ~ *ту́шко* < булг. **турчāка* ~ *торчāка* + тат.: глз. *тāшкā* ‘кочерга’;

тяка (18) ‘баран’, удм. *така* < булг. **така*, бес. удм.: сз. *тага* < чув. *така* /*тайā*/, бес. *тяка* < тат.: нукр. глз. *тāкā*;

умарта (19) ‘улей’, удм.: юдз. *уморто* < тат. *умарта*. Южноудмуртско-бесермянское название улья *уморто* (< *умарта*) было заимствовано из татарского языка в низовьях бассейна Вятки, бесермянская форма *умарта* — вторичное заимствование в бассейне р. Чепцы.

Уникальные фиксации словаря

ар ‘удмурт’, *бабача* ‘двоюродный брат’, ? *‘дедушка, старик; форма обращения к мужчине старше отца’, *саямдалякум* ‘здравствуй’, *тэрлөк* (~ *төрлөк*) ‘власть’, ? *‘важный человек, почетный гость’.

Уникальность приведенных слов в том, что они представлены только в данном источнике. Ни в одном из диалектов удмуртско-бесермянского кластера подобные лексические единицы до сих пор не зафиксированы.

Выводы

В ходе исследования лексики рукописного словаря П. М. Сорокина было отобрано 20 слов тюркского происхождения, характерных для бесермянского языка.

Их большую часть представляют татарские заимствования, при этом многие из них употребительны только в бесермянском языке. Подобные слова были восприняты бесермянами от татарского населения, проживающего на севере современных Кировской области и Удмуртской Республики в бассейне р. Чепцы, что говорит о более тесных бесермянско-тюркских контактах в указанном регионе по сравнению с правобережьем нижней Вятки — прежней территории локализации предков бесермян.

В приведенном списке всего два булгаризма и один чувашизм, что как будто противоречит широко распространенному мнению о заметной болгарской роли в этногенезе бесермян. Однако часть лексем булгаро-чувашского типа впоследствии могли быть заменены соответствующими аналогами других языков. Например, такие слова, как *бан* 'щека; лицо', *мучо* 'баня', *ташка* 'кочерга; скребок', *тяка* 'баран', первоначально были освоены в болгарский период. Последующее контактирование с соседними народами привело к изменению их фонетического облика под влиянием контактирующих языков — татарским и коми (ср. с к. *бан*). Бесермянское название улья *умарта* 'улей', в отличие от южноудмуртского *уморто*, имеет архаичный облик благодаря вторичному заимствованию из татарского.

В исследуемом источнике выявлено несколько слов, которые нигде более не фигурируют: ар 'удмурт', *бабача* 'двоюродный брат', *саямдалякум* 'здравствуй', *тэрлэк* (~ *төрлөк*) 'власть'. Очевидно, что дальнейший анализ особенностей материалов словаря позволит определить локализацию населенного пункта, в котором П. М. Сорокин записал бесермянский материал.

Сокращения

Араб. — арабский язык; бавл. — бавлинский говор (пуж.); башк. — башкирский язык; бес. — бесермянский язык; булг. — болгарский язык; Вас. — д. Васильево (Глазовский р-н УР); Врц. — д. Ворца (Ярский р-н УР); глз. — глазовский говор (тат.); Горд. — д. Гордино (Балезинский р-н УР); Гул. — д. Гулэкшур (Юкаменский р-н УР); диал. — диалектное; Жув. — д. Жувам (Юкаменский р-н УР); завят. — завятские говоры (пуж.); ивр. — иврит; Итча — д. Мал. Итчи (Якшур-Бодьинский р-н УР); к. — коми язык; кар. — караимский язык; кукм. — кукморский говор (пуж.); лекм. — лекминский говор (бес.); лит. — (удмуртский) литературный язык; нукр. — нукратский говор (тат.); нч. — нижнечепецкий диалект (сев.); ПМТ — полевые материалы Т. И. Тепляшиной; пуж. — периферийно-южный диалект (удм.); рус. — русский язык; сев. — северное наречие (удм.); сч. — среднечепецкий диалект (сев.); тат. — татарский язык; Тут. — д. Туталево (Юкаменский р-н УР); тюрк. — тюркские языки; удм. — удмуртский язык; УР — Удмуртская Республика; ф-у. — финно-угорское; чув. — чувашский язык; Шам. — д. Шамардан (Юкаменский р-н УР); юдз. — южная диалектная зона (удм.); юж. — собственно южный диалект (удм.); южн. — южное наречие (удм.); юнд. — юдинский говор (бес.).

Источники словарного материала

1. Алатырев В. И. Этимологический словарь удмуртского языка: буквы А, Б. Ижевск : Научно-исследовательский институт при Совете Министров Удмуртской АССР, 1988. 240 с.
2. Әхмәтъянов Р. Г. Татар теленең этимологиясы сүзгә : 2 томда. Казан, 2015.
3. Кельмаков В. К. К письменной истории одного булгаризма удмуртских диалектов // Языковые контакты народов Поволжья и Урала. Чебоксары : Издательство Чувашского университета, 2018. С. 117–121.
4. Кельмаков В. К. Формирование и развитие фонетики удмуртских диалектов. Ижевск : Издательство Удмуртского университета, 1993. 58 с.
5. Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1999. 430 с.
6. Максимов С. А. Лексика бесермян: наследие Т. И. Тепляшиной. Ижевск, 2024. 816 с.
7. Максимов С. А. Тюркско-удмуртские лексические метаморфозы, или о некоторых словах со «странной» внутренней структурой в удмуртском языке // Ежегодник финно-угорских исследований. 2018. Том 12, выпуск 3. С. 30–47.
8. Напольских В. В. О «древнетюркских» заимствованиях в удмуртском языке // Финно-угроведение. 1995. № 3–4. С. 38–51.
9. Насибуллин Р. Ш., Максимов С. А., Семенов В. Г., Отставнова Г. В. Диалектологический атлас удмуртского языка : карты и комментарии. Выпуск 1. Ижевск : НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2009. 260 с.
10. Насибуллин Р. Ш., Максимов С. А., Семенов В. Г., Отставнова Г. В. Диалектологический атлас удмуртского языка : карты и комментарии. Выпуск 2. Ижевск : НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2010. 364 с.
11. Сий Э. Термины родства и свойства в удмуртском языке. Будапешт : Akadémiai Kiadó, 1998. 217 с.
12. Словарь бесермянского диалекта удмуртского языка / составители А. И. Кузнецова, Н. В. Сердобольская, М. Н. Усачева, О. Л. Бирюк, Р. И. Идрисов. Москва : ТЕЗАУРУС, 2013. 540 с.
13. Тараканов И. В. Удмуртско-тюркские языковые взаимосвязи : теория и словарь. Ижевск : Издательство Удмуртского университета, 1993. 170 с.
14. Татар теленең диалектологиясы сүзгә. Казань : Татар китап нәшрияты, 1969. 643 с.
15. Тепляшина Т. И. Язык бесермян. Москва : Наука, 1970. 287 с.
16. Федотов М. И. Термины родства бесермян // Семейный и общественный быт удмуртов в XVIII–XX вв. Ижевск, 1985. С. 116–131.
17. Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка : в 2-х томах / Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 1996.
18. Csúcs S. Die tatarischen Lehnwörter des Wotjakischen. Budapest : Akadémiai Kiadó, 1990. 306 S.
19. Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türkisprachen : Bände 1–2. Helsinki, 1969–1971.
20. Rédei K., Róna-Tas A. A permi nyelvek ősspermi kori bolgár-török jövenyszavai. Nyelvtudományi Közlemények. 1972. 74 / 2. Oldal 281–298.
21. Wichmann Y. Wotjakischer Wortschatz / bearbeitet von T. E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen. Helsinki, 1987. XXIII, 422 S.

Список литературы

- Безенова М. П. К особенностям перевода «Закона Божия» (1912 г.) на удмуртский язык: глагольная морфология // Урало-алтайские исследования. 2020. № 3. С. 19-32. DOI [10.37892/2500-2902-2020-38-3-19-32](https://doi.org/10.37892/2500-2902-2020-38-3-19-32). EDN YTXKFI
- Безенова М. П. К особенностям перевода «Закона Божия» (1912 г.) на удмуртский язык: именная морфология // Урало-алтайские исследования. 2020. № 1. С. 53-70. DOI [10.37892/2500-2902-2020-36-1-53-70](https://doi.org/10.37892/2500-2902-2020-36-1-53-70). EDN CQNUHA
- Ившин Л. М. К истории удмуртской графики : обозначение звука ö в памятниках ранней удмуртской письменности // *Linguistica Uralica*. 2020. Том 56. Выпуск 2. С. 125-132. DOI [10.3176/lu.2020.2.04](https://doi.org/10.3176/lu.2020.2.04). EDN GIXXIS
- Ившин Л. М. Лексика памятников удмуртской письменности XVIII века : монография. Ижевск, 2023. 216 с. EDN GUOQXO
- Ившин Л. М. О рукописи «Материалы для сравнительного словаря...» // Ежегодник Финно-угорских исследований. 2020. Том 14. № 2. С. 184-190. DOI [10.35634/2224-9443-2020-14-2-184-190](https://doi.org/10.35634/2224-9443-2020-14-2-184-190). EDN NZHNUD
- Максимов С. А. Особенности прочтения отдельных бесермянских слов из письменных памятников XVIII–XIX вв. // Ежегодник финно-угорских исследований. 2022. Том 16. № 3. С. 405-415. DOI [10.35634/2224-9443-2022-16-3-405-415](https://doi.org/10.35634/2224-9443-2022-16-3-405-415). EDN UYECQW

References

- Bezenova, M. P. (2020). The peculiarities of the translation of «The Law of God» (1912) into the Udmurt: verbal morphology. *Uralo-Altai Studies*, 3, 19-32. EDN: YTXKFI. <https://doi.org/10.37892/2500-2902-2020-38-3-19-32>
- Bezenova, M. P. (2020). The peculiarities of the translation of «The Law of God» (1912) into the Udmurt: nominal morphology. *Uralo-Altai Studies*, 1, 53-70. EDN: CQNUHA. <https://doi.org/10.37892/2500-2902-2020-36-1-53-70>
- Ivshin, L. M. (2020). On the history of Udmurt graphics: the designation of the sound ö in the monuments of early Udmurt writing. *Linguistica Uralica*, 56(2), 125-132. EDN: GIXXIS. <https://doi.org/10.3176/lu.2020.2.04>
- Ivshin, L. M. (2023). Vocabulary of monuments of Udmurt writing of the 18th century., 216. Izhevsk.
- Ivshin, L. M. (2020). About the manuscript «Materials for a comparative dictionary...». *Yearbook of Finno-Ugric studies*, 14(2), 184-190. EDN: NZHNUD. <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2020-14-2-184-190>
- Maksimov, S. A. (2022). Features of reading individual Besermyan words from written monuments of the 18th-19th centuries. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*, 16(3), 405-415. EDN: UYECQW. <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2022-16-3-405-415>

Информация об авторе

Максимов Сергей Анатольевич – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук, г. Ижевск, Российская Федерация;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5389-9502>;
e-mail: makser02@yahoo.com

Поступила в редакцию 07.11.2025
Принята к публикации 03.12.2025
Опубликована 04.12.2025

Information about the author

Sergey A. Maksimov – Cand. Sci. (Phil.), senior research fellow, Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk, Russian Federation;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5389-9502>;
e-mail: makser02@yahoo.com

Received 7 November 2025
Accepted 3 December 2025
Published 4 December 2025

Иран и иранцы в восприятии удмуртских писателей в 1950–1970-е годы

<https://doi.org/10.31483/r-151368>

УДК 821.511.131:008(55)

Шибанов В. Л.

Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук

г. Ижевск, Российская Федерация.

 <https://orcid.org/0000-0002-6769-7258>, e-mail: shibvik@rambler.ru

Резюме. В удмуртской литературе 1950–1970 гг. значимое место занимает образ Ирана. В настоящее время, в эпоху глобального противостояния с Западом и разворотом к Востоку, эти произведения начинают раскрываться новой стороной. Объектом анализа являются художественные тексты Г. Симакова, М. Покчи-Петрова, Г. Ходырева и В. Владыкина. Цель исследования — изучить и выявить особенности рецепции Ирана в удмуртских текстах 1950–1970 гг. Ведущим методом исследования является описательно-аналитический с привлечением приемов рецептивной критики. В результате исследования автор приходит к следующим выводам: Г. Симаков в своих рассказах и пьесе «За Копет-Дагом» изобразил жизнь Ирана в годы Второй мировой войны — в период реализации программы ленд-лиза. В текстах имеются недоговоренные события, которые легко конкретизируются современным читателем. М. Покчи-Петров и Г. Ходырев, имевшие контакты с иранскими студентами-актерами, ищут точки соприкосновения удмуртской и иранской культур. Обращение удмуртских поэтов (В. Владыкина) к персидской культуре (например, к рубаи) призвано расширить границы национальной поэзии, в которой преобладали риторичность и декларативность. Иран в 1950–1970 гг. стал одним из важнейших мостов между удмуртской литературой и Востоком.

Ключевые слова: удмуртская литература, Иран, рецептивная критика, рубаи, Восток и Запад.

Для цитирования: Шибанов В. Л. Иран и иранцы в восприятии удмуртских писателей в 1950–1970-е годы // Этническая культура. 2025. Т. 7, № 4. С. 42–47. DOI 10.31483/r-151368 EDN MGKUUI

Research Article

Iran and Iranians as Perceived by Udmurt Writers in the 1950s–1970s

Victor L. Shibanov

 Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Izhevsk, Russian Federation
 <https://orcid.org/0000-0002-6769-7258>, e-mail: shibvik@rambler.ru

Abstract. The image of Iran occupies a significant place in Udmurt literature of the 1950s–1970s. Works about Iran are beginning to reveal new facets in our time, in an era of global confrontation with the West and a turn to the East. The object of this analysis is the literary texts of G. Simakov, M. Pokchi-Petrov, G. Khodyrev, and V. Vladikin. The aim of the study is to examine the reception of Iran in Udmurt texts of the 1950s–1970s. The primary research method is descriptive and analytical, utilizing receptive criticism techniques. The results of the analysis are as follows. In his stories and play “Beyond Kopet-Dag”, G. Simakov depicted life in Iran during the Great Patriotic War, during the Lend-Lease program. The texts contain many unexplained passages and events that are easily fleshed out by the modern reader. M. Pokchi-Petrov and G. Khodyrev, who had contacts with Iranian student actors, seek points of contact between Udmurt and Iranian cultures. The appeal of Udmurt poets (V. Vladikin and others) to Persian culture, for example, to rubai, is intended to expand the boundaries of national poetry, in which rhetoric and declarativeness prevailed. Iran became one of the most important bridges between Udmurt literature and the East in the period 1950–1970.

Keywords: Udmurt literature, Iran, receptive criticism, rubai, East and West.

For citation: Shibanov V. L. (2025). Iran and Iranians as Perceived by Udmurt Writers in the 1950s–1970s. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 7(4), 42–47. EDN: MGKUUI. <https://doi.org/10.31483/r-151368>

Введение

В отечественном литературоведении тема Востока вновь стала актуальной в связи с обострением отношений России с Западом. В этих условиях новыми гранями начинают раскрываться и удмуртские художественные произведения, в которых изображаются восточные страны — Китай, Индия, Вьетнам и др. Примечательно, что в 1950–1970 гг. в ряде удмуртских текстов особое место начинал занимать Иран (до 1935 г. — Персия), но удмуртская критика не оценила их по достоинству. В то же время в русском литературоведении иранистика развивалась вполне продуктивно, обзор работ по обозначенной проблематике проделал Масуме Мотамедния, он высоко оценил труды Д. Комиссарова, М. Рейснер и А. Ардашниковой, все же при этом отмечая, что несмо-

тря на значительные успехи, «иранистам есть еще над чем работать» [Мотамедния, 2021, с. 367].

В 1950–1970 гг. в удмуртской литературе интерес к Ирану объясняется прежде всего верой писателей в то, что вскоре эта страна освободится от неокOLONIALИСТИСКИХ пут и выберет социалистический путь развития. Симпатией к Ирану и его жителям пронизаны произведения Г. Симакова, служившего в этой стране в годы Великой Отечественной войны. Он написал несколько рассказов на восточную тему и пьесу «Копет-Даг съёрын» («За Копет-Дагом»). С иранскими студентами общался М. Покчи-Петров, обучавшийся в 1951–1956 гг. на режиссера в ГИТИСе в Москве, об одном из таких встреч вспоминал поэт Г. Ходырев. М. Покчи-Петров в своем стихотворении «Мбзмись сюлэм» («Скушающее сердце»)

показал внутренние переживания парня из-за границы. Интерес к восточной стране проявлялся и опосредованно, например, начинающий прозаик Р. Валишин восторженно отзывался в своем дневнике за 1957 г. о романе армянского писателя Г. Севунца «Тегеран» и его мастерстве передачи внутреннего состояния врача Азади¹. Приверженцем лирических и философских четверостиший был поэт А. Белоногов, он начал писать в 1970 гг. стихи, близкие к рубаи. Рассказ современного иранского писателя Хосроу Шахани «Ву тудзиса» («После наводнения», перевод Ф. Овчинникова) был напечатан в юбилейном номере республиканского журнала «Молот» (1970, № 11), посвященном 50-летию образования Удмуртской государственности. В рассказе говорится о том, как иранские чиновники бесцеремонно присваивают гуманитарную помощь, направляемую со всего мира потерпевшим природное бедствие².

Несмотря на наличие добротного текстового материала, иранская тема не привлекала исследователей удмуртской литературы как в советские годы, так и в постперестроечное время. Например, венгерский ученый П. Домокош в своем капитальном труде «История удмуртской литературы» рассматривает Г. Симакова лишь как детского писателя, наследующего традиции К. Герда³, о рассказах на иранскую тему и пьесе «За Копет-Дагом» не говорит ни слова. Т. Зайцева, подробно проанализировавшая удмуртскую прозу второй половины XX в., также оставила восточную тематику вне поля зрения. По ее мнению, огромный пласт текстов 1950–1960 гг. написан «по канонам примитивной парадной литературы, где трудно найти отражение подлинной жизни»⁴. Но вызовы современности наталкивают современного читателя на новые конкретизации знакомых произведений, в которых начинают обнаруживаться ранее не замеченные смыслы.

Материалы и методы исследования

Материалом для написания статьи послужили произведения Г. Симакова, М. Покчи-Петрова, Г. Хордырева и В. Владыкина, в текстах которых изображены Иран и его жители, имеются выходы на персидскую культуру.

Ведущим методом исследования является описательно-аналитический, включающий приемы рецептивной критики. В теоретическом плане особо значимы работы В. Изера⁵ и Г. Яусса⁶, дающие ключи к пониманию того, как читательский опыт, социокультурный контекст, «пустые места» в тексте и «горизонты ожидания» влияют на интерпретацию того или иного произведения.

¹ Валишин Р. Тодметъёс. Ижевск: Удмуртия, 1980. С. 253–254.

² Шахани Хосроу. Ву тудзиса // Молот. 1970. № 11. С. 53–58.

³ Domokos P. Az udmurt irodalom története. Budapest: Akadémiai kiadó, 1975. О. 499.

⁴ Зайцева Т. Удмуртская проза второй половины XX – начала XXI века: национальный мир и человек. Ижевск: Удмуртский университет, 2009. С. 28.

⁵ Изер В. Процесс чтения: феноменологический подход // Современная литературная теория: антология. Москва: Флинта; Наука, 2004. С. 201–224.

⁶ Яусс Г. История литературы как вызов теории литературы // Современная литературная теория: антология. Москва: Флинта; Наука, 2004. С. 193–200.

Результаты исследования и их обсуждение

Процесс чтения удмуртских произведений на восточную тему вызывает двойственное чувство. Их авторы, с одной стороны, открывают своим читателям новые страны и культуры, но, с другой стороны, стремятся подчеркнуть в Востоке такие черты, которые приближают его к советской действительности. Первое из этих чувств хорошо раскрыл в рамках теории марксизма Н. Конрад, объяснив его как стремление к «преодолению европоцентризма»⁷; во втором писал Э. Саид: «Для западного человека Восток всегда напоминал некоторые аспекты Запада. Так, для некоторых немецких романтиков индийская религия была в сущности восточной версией германо-христианского пантеизма»⁸.

Видным удмуртским писателем, первым обратившимся к образу Ирана, является Григорий Симаков (1919–1996). Призванный на воинскую службу в 1939 г., он в 1941–1945 гг. находился частях, расквартированных в Иране, позже обеспечивавших реализацию американской программы ленд-лиза через Персидский коридор. Но вскоре начавшаяся «холодная война» внесла коррективы: бывшие союзники США и СССР стали идеологическими врагами, и писать об американской военной помощи стало нежелательным. Книга Г. Симакова «Зечбур, Родина!» («Здравствуй, Родина!», 1960) целиком посвящена изображению Ирана и его жителей. Нами обнаружен лишь один газетный отзыв о ней, в котором восторженно говорится о драме «За Копет-Дагом»: *Малы со сцена вылын улонэз уг адзы? Пуктыны ой луысал шат сое? Луысал ук?* (Почему пьеса не живет на сцене? Неужели нельзя ее поставить? Ведь можно же).

Тексты Г. Симакова полны недоговоренностей. Въезд советских воинов в Иран 23 сентября 1941 г. автор от первого лица объясняет решением СССР поставлять в голодающую страну гуманитарную помощь, а в это время фашистские войска приближаются к Москве. Автомобильные батальоны обратно пересекают границу в 1945 г. после того, как программа доставки пшеницы в Тегеран была реализована: *Советской калыклэсь Иранысь сютэмъёслы кузьымзэ – чабеез – Тегеранэ ворттон йылпумъяське ни*¹⁰ (Вот и завершается доставка в Тегеран пшеницы — подарка советского народа иранским голодающим). В произведениях писателя практически не мотивировано появление американцев в зоне Персидского залива. Мальчик-сирота Бехар, нашедший приют у советских шоферов (рассказ «В гостях у русского солдата»), уверен, что его младшего брата, застреленного на обочине дороги, задавил насмерть именно американский «Виллис». Лишь после перестройки стало возможным писать для широких слоев читателей о роли американцев и англичан в реализации программы ленд-лиза. Как отмечают А. Басов и Г. Гуденмахер, «к концу 1943 года в армии США в Персидском коридоре имелось свыше 41 тыс. гражданских служащих. <...>

⁷ Конрад Н. Запад и Восток. Москва: Главная редакция восточной литературы, 1972. 496 с.

⁸ Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока / перевод с английского А. В. Говорунова. Санкт-Петербург: Русский Мир, 2006. С. 106–107.

⁹ Ходырев Г. А., Коротов А. С. Калыклы – шудбур но эрик! // Советской Удмуртия. 1961. 8 января.

¹⁰ Симаков Г. Зечбур, Родина! Ижевск: Удмуртия, 1960. С. 19.

Путь по Персидскому коридору стал одной из важнейших коммуникаций Второй мировой войны»¹¹. Г. Симаков в образе 15-летнего Бехара символизирует будущее Ирана, мальчик считает своим кровным врагом местного богача Вахаби и американских офицеров: *Вань улытозям, соосты каргало*¹² (Буду проклинать их всю свою жизнь), иранец жалеет, что не родился в Советском Союзе).

Рассказ Г. Симакова «Оскон» («Надежда»), напечатанный в 1971 г., тоже полон недоговоренностей. Но повествователь здесь использует «пустое место» в качестве композиционного приема. Иранский бедняк Джафар, чтобы спасти тяжело больную жену Фатиму, обращается к местному доктору Тахари, но получает отказ в афористичной форме: *Пунылэн сизьым лулыз. Нылкыш-нолэн но сизьым лулыз... Номыр но уз луы соин*¹³ (У собаки семь душ. И у женщины семь душ. С ней ничего не случится). Фатиму все же излечивают: его спасителем становится русский военный врач Иван Тарасов, человек другой веры. В рассказе не говорится, как удалось Джафору попасть в воинский гарнизон русских, с какой целью они находятся в Иране, было ли организовано сопровождение врача в бедняцкое жилище. Симаков интригует удмуртского читателя вынесением этого эпизода за пределы сюжета, а после излечения Фатимы словно «забывает» рассказать о том, что было пропущено им. Ведь женщина спасена, родившуюся ее дочь называют Надеждой в честь матери Ивана Тарасова, погибшей от рук фашистов. Удмуртский писатель подчеркивает, что в Иране принято благодарить не столько самого человека, сколько родившую его маму.

Наиболее значимым произведением Г. Симакова об Иране и иранцах является драма в трех действиях «Копет-Даг съорын» (1951, 1960). Сюжет пьесы легко вписывается в привычные каноны социалистического реализма. Трудящиеся Ирана борются с угнетателями и их заокеанскими хозяевами. Главный герой пьесы Мамед, получивший специальность инженера в СССР, за организацию демонстрации попадает в руки жандармов. В финале пьесы его спасают от расстрела свои же товарищи. В пьесе нет русских героев, но произведение насквозь пронизано любовью к Советскому Союзу и русскому народу. Первый вариант пьесы «Копет-Даг съорын» был опубликован в коллективном сборнике «Калык куара» («Голос народа», 1951). Г. Симаков после разоблачения культа личности И. В. Сталина переработал текст и имя вождя оставил лишь в одном месте — в озвучивании по радио приказа о салюте в честь освобождения Севастополя. Экономический контекст (борьба за нефть) уступил место идеологическому — борьбе американцев против тех иранцев, которые сочувствуют СССР.

Но за привычными схемами могут прочитываться и другие смыслы, рецепция знакомых произведений при этом становится другой, более приближенной к реальной жизни. При анализе коми советской драматургии Н. Горинова отмечает: «В XXI в. взгляд на антирелигиозные пьесы В. Савина меняется, демократизация общественных отношений позволяет раскрыть новые

границы творческого наследия писателя, вывести его из узких рамок сугубо антирелигиозного понимания пьес» [Горинова, 2023, с. 79]. Удмуртская драма создавалась в период, когда шла острая идеологическая борьба, и Г. Симаков вольно или невольно включился в нее. Книга англичанина В. Колларза «Россия и ее колонии» (1952) была направлена и против национальной политики Удмуртской АССР, в разделе «Удмурты: «столица» против народа» утверждалось, якобы республика является колонией, т. е. государственным образованием, направленным против удмуртов¹⁴. Г. Симаков в пьесе «За Копет-Дагом» не соглашается с подобного рода утверждениями и говорит о том, что западная демократия в Иране является по сути орудием утверждения неокOLONIALИЗМА. Не случайно герой его пьесы Мамед заявляет: *Утемед потэ ке калыкедлэсь национальной культуразэ – вამышты коммунистэсын чоиш*¹⁵ (Если хочешь сохранить национальную культуру своего народа, то шагай вместе с коммунистами).

Современных читателей драмы Г. Симакова может разочаровать игнорирование автором контекста великой персидской культуры. Так, инженер Мамед пишет стихи своей возлюбленной Сусанне, но нигде не говорит о творчестве О. Хайяма, Саади, Низами, Заратустры, Фирдоуси, что способствовало бы усилению его образа. «То, что эти имена не звучат в тексте пьесы, по-своему отражает уровень понимания Востока удмуртской интеллигенцией в конце 1950-х годов»¹⁶, другими словами, национальный читатель и зритель еще не были готовы к углубленному восприятию Востока и его культуры. В то же время Г. Симаков оправдывает другое ожидание удмуртской аудитории: она привыкла, что начало конфликта между противоборствующими сторонами обычно разворачивается при изображении массовых сцен (на свадьбе, во время праздника, в том числе колхозного). Для этого автор пьесы «За Копет-Дагом» показал небольшой тегеранский ресторан с джаз-оркестром, в котором столкнулись Мамед и его друг Харири с американскими офицерами.

Продолжительная работа Г. Симакова над своей пьесой полностью подтверждает мысль, высказанную екатеринбургскими литературоведами: «Литература вольно или невольно поддерживала государственные замыслы, мифологизировала их, фиксировала приметы их воплощения, наконец, эмоционально переживала разочарование, связанное с незавершенностью проекта» [Литовская, Созина, 2023, с. 56]. Г. Симаков, доживший до 1996 г., уже не возвращался к своему произведению, драма «За Копет-Дагом» так и не была поставлена на удмуртской сцене.

Михаил Покчи-Петров (1930–1959) изобразил образ иранца-студента в стихотворении «Мбзмись сюлэм» («Скучающее сердце»). Произведение можно условно разделить на две части: в первой лирический герой говорит об иностранном парне, во второй части этот

¹⁴ Kolars W. Udmurts: a "capital" versus a people // Kolars W. Russia and Her Colonies. London, 1952. P. 53–55.

¹⁵ Симаков Г. Зечбур, Родина! Ижевск: Удмуртия, 1960. С. 74.

¹⁶ Шибанов В. Ирано-американское противостояние в призме удмуртской идентичности в пьесе Григория Симакова «За Копет-Дагом» // Татароведение в ситуации смены парадигм: теория, методология, практика. Казань, 2024. С. 413.

герой обращается в форме «я» к собеседнику удмурту: *Эх тон, удмурт эше мынам, / уд тодйськы, дыр, сюлэмме* (Эх ты, друг мой удмурт, / не поймешь, наверно, мое сердце). Портрет иранца традиционен: *сьод-сьод бабля йырсиосыз, лякыт учкись сьод синьёсыз*¹⁷ (черные курчавые волосы, спокойно-задумчивые черные глаза). Поэтом создается пространственная оппозиция *здесь* (в Москве) и *у себя на родине* (в Тегеране). Хотя М. Покчи-Петров и увлекался в то время стихами С. Есенина, но в тексте никаких аллюзий на «Персидские мотивы» нами не обнаружено. Герой-иранец вспоминает своих родителей, оставшихся дома, он обеспокоен новостями, пришедшими с родины: *Тани толон Тегеранын / нош эшгёсты ыбылйлям*¹⁸ (Вот вчера в Тегеране / опять расстреляли товарищей).

Для М. Покчи-Петрова было важным донести до удмуртского читателя, что в Иране идет борьба трудящихся с угнетателями, но силы еще не равны: *Уг сёто кыл но вераны — / шудтэм на калыкмы мялям*¹⁹ (Не дают и слова сказать — / несчастен еще наш народ). Удмуртский поэт в своем гражданско-патриотическом стихотворении «Скучающее сердце» не злоупотребляет устоявшимися клише, просоветские идеи говорит человек из-за границы, который верит в силу и будущее Советского Союза. Поэтическое обобщение делается на конкретном примере через изображение обычной беседы двух друзей.

То, что встречи удмуртского поэта с иранцами были не случайными, подтверждает следующий факт. М. Покчи-Петров, студент Института театрального искусства им. А. В. Луначарского, в 1954 г. работал вместе со студентами-актерами из Ирана над постановкой фрагмента удмуртской драмы «Гулкымъяське лыз зарезь» («Волнуется синее море»), написанной В. Садовниковым и М. Трониным. Выбор этого текста обусловлен, судя по всему, тем, что эту пьесу в 1953 г. перевел на русский язык В. Басаргин как одну из лучших современных драматургических произведений Удмуртии.

Об одной из постановок этого фрагмента рассказал поэт Герман Ходырев, приехавший в начале июля в Москву и якобы случайно заставший эту постановку на сцене ГИТИСа на Арбате. Эти воспоминания были напечатаны им в книге «*Жеч визь-кенеш котьку дуно*» («Добрый совет всегда дорог», 1989). Г. Ходырев выражает удивление, что удмуртскому студенту, его другу Михаилу, доверили работать с иностранными актерами. Он не менее изумлен, что иранские студенты довольно удачно показали национальное своеобразие удмуртов: *Жуч кылын сокем ик вольыт уггес ке но пörмы вераськемзы, геройёссылзсь мылкыдзэс Иранысь егит артистёс умой возматныны быгатйзы*²⁰ (Хотя русское произношение у них еще не было гладким, внутренний мир своих героев молодые артисты из Ирана смогли раскрыть хорошо). Постановка длилась, отмечает Г. Ходырев, в течение десяти минут, иранская девушка и парень исполняли роль агронома и бригадира. Заметим,

Г. Ходырев был одним из тех, кто положительно отозвался о драме Г. Симакова «За Копет-Дагом».

Следующий важный шаг в диалоге удмуртской литературы с Ираном (шире — персидской культурой) сделали поэты В. Владыкин и А. Белоногов. В 1970 г., когда все еще преобладала декларативность, эти авторы стали раздвигать жанровые границы национальной лирики, обращаясь к восточным формам, прежде всего к рубаи. Перед нами не прямое подражание или копирование стихов О. Хайяма и других классиков, а интуитивное приближение к каноническому восточному жанру. Так, А. Белоногов лишь в 1990 г. заявил о своем творческом диалоге и споре с О. Хайямом, написав цикл из 19 рубаи «Ньыль чуро кабен. Омар Хайямез лыдзсы» («В форме четырех строк. Читая Омара Хайяма»). В его четверостишиях 1960–1970 гг., написанных пятистопным ямбом и близких к рубаи, жанр не обозначен, да и каноническая рифмовка ааба, аааа не соблюдена. Можно по-разному относиться к этим опытам, но права Д. Загидуллина, заметившая, что «непоследовательное следование канонам, изменение их в угоду национальных традиций словесности» является плодотворным приемом в развитии поэзии и проявлении этнокультурного самосознания [Загидуллина, 2022, с. 322].

Владимир Владыкин (родился в 1943 г.) — поэт и этнограф, закончивший Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, стажировался в 1974–1975 гг. в Берлинском университете и тогда же в составе экспедиции в качестве переводчика побывал в Афганистане и Индии. Для этнографа афганская культура тесно связана с таджикской и персидской, а в этническом прошлом Индии важную роль играет индоиранский компонент. По возвращении в Удмуртию В. Владыкин задумал опубликовать свои впечатления в журнале «Молот», но встретился с вполне предсказуемой проблемой: удмуртский читатель 1970 гг. еще не был готов к интеллектуальному разговору о Востоке. Свои воспоминания В. Владыкин напечатал в экзотической и шуточной форме, а научные размышления о дихотомии Восток – Запад написал в поздних работах.

В двуязычном сборнике стихов В. Владыкина «Марлы кырза тюрэгай = Отчего поет тюрэгай»²¹ (1980) примечательны стихотворения-четверостишия, напоминающие рубаи. Достойны внимания, например, следующие строки: *Ворекъя адями — кизили, / нюжтырське адями — низылы, / кыштыртз адями — кузылы, / нош улз дуннеын — Адями!*²² (Блестает человек — звезда, / пресмыкается человек — червь, / копошится человек — муравей, / но живет на этом свете — Человек!). Рифмовка стихов вполне соответствует требованиям рубаи: аааа, хотя более распространенной является форма ааба. Удмуртский автор ставит вопрос о том, каким должен быть настоящий человек — человек с большой буквы. Не принижая роли тех, которым приходится ползать и копошиться, в то же время не возвышая тех, которым уготовано стать звездами, автор четверостишия прославляет людей, стремящихся раскрыть свой внутренний потенциал.

²¹ Тюрэгай (удм.) — жаворонок.

²² Владыкин В. Марлы кырза тюрэгай = Отчего поет тюрэгай. Ижевск: Удмуртия, 1980. С. 18.

¹⁷ Покчи-Петров М. Тодматскон. Ижевск : Удмуртской книжной издательство, 1956. С. 28.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Ходырев Г. Жеч визь-кенеш котьку дуно. Ижевск : Удмуртия, 1989. С. 61.

В этих стихах, как и во всем сборнике «Отчего поет тюрагай», нет декларативных и идеологически клишированных произведений, в них человеческая личность начинает рассматриваться как центр вселенной.

В. Владыкин не мог не воспользоваться еще одним приемом, приближающим его к поэзии Востока. В удмуртском языке слово *гажанэ* (моя любимая) созвучно имени Шаганэ, широко известному по циклу С. Есенина «Персидские мотивы». Лирический герой В. Владыкина, обращаясь к возлюбленной в своем стихотворении «Га-жанэ тон мынам, гажанэ...»²³ («Любимая ты моя, любимая...»), фактически обыгрывает есенинское «Шаганэ ты моя, Шаганэ», образ «гажанэ» встречается в удмуртском стихотворении шесть раз. Перед нами не только проявление «толерантности по отношению к инокультурным реалиям» [Алексеева, 2024, с. 5], но и одновременное переплетение в тексте удмуртской (цветок *италмас* — купальница), иранской (имя Шаганэ) и русской (стихи С. Есенина) компонентов, образующих единое целое.

Во второй половине 1970 — начале 1980 гг. интерес удмуртских писателей к Ирану значительно ослаб. Ушел из жизни М. Покчи-Петров, он неудачно прыгнул в воду и сломал позвоночник. Г. Симаков полностью перешел на прозу для детей, его иранские произведения так и не были оценены по достоинству. Г. Ходырев в поэме «Вортты тон, валэ!» («Скачи, мой конь!», 1980) в качестве представителя из-за границы изобразил мальчика Луиса из Чили, более значимого для нового поколения юных читателей. Притягательная сила персидского Востока ослабла, возможно, и из-за начавшейся в 1980 г. ирано-иракской войны.

²³ Там же. С. 44.

Список литературы

- Алексеева А. Рецепция «чужого пространства» в циклах С. А. Есенина «Персидские мотивы», А. В. Ширяевца «Бирюзовая чайхана», С. М. Городецкого «Ангел Армении» // Вестник Ивановского государственного университета. 2024. Выпуск 3. С. 5–11. DOI 10.46726/H.2024.3.1. EDN OJFZUY
- Горина Н. Коми драматургия в зеркале революции: некоторые аспекты становления и развития национального драматургического искусства в первой трети XX века // Ежегодник финно-угорских исследований. 2023. Том 17. № 1. С. 77–86. DOI 10.35634/2224-9443-2023-17-1-77-86. EDN AGTBNE
- Загидуллина Д. К проблеме классификации современной татарской поэзии: жанровый канон и деканонизация // Казанский лингвистический журнал. 2022. Том 5. № 3. С. 300–324. DOI 10.26907/2658-3321.2022.5.3.300-324. EDN JBJNNV
- Литовская М., Созина Е. Екатеринбург — Свердловск: литературные метаморфозы образа города в свете утопических проектов // Уральский исторический вестник. 2023. № 3. С. 55–64. DOI 10.30759/1728-9718-2023-3(80)-55-64. EDN ADQXXV
- Масуме М. История освоения персидской литературы в России // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 4. С. 366–367. DOI 10.24412/1991-5497-2021-489-366-367. EDN FWHHXD

References

- Alekseeva, A. A. (2024). Reception of "Foreign Space" in the Cycles of S. A. Yesenin "Persian Motifs", A. V. Shiryayevs "Turquoise Teahouse", S. M. Gorodetsky "Angel of Armenia". *Ivanovo State University Bulletin*, 5-11. EDN: OJFZUY. <https://doi.org/10.46726/H.2024.3.1>
- Gorinova, N. V. (2023). Komi drama in the mirror of the Revolution: some aspects of the formation and development of national stage art in the first third of the 20th century. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*, 17(1), 77-86. EDN: AGTBNE. <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2023-17-1-77-86>
- Zagidullina, D. F. (2022). To the problem of classification of modern Tatar poetry: genre canon and decanonization. *Kazan linguistic journal*, 5(3), 300-324. EDN: JBJNNV. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2022.5.3.300-324>
- Litovskaya, M. A., Sozina, E. K. (2023). Ekaterinburg — Sverdlovsk: literary metamorphoses of the city image in the light of utopian projects. *Ural historical journal*, 3, 55-64. EDN: ADQXXV. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2023-3\(80\)-55-64](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2023-3(80)-55-64)
- Masoumeh, M. (2021). The development of Persian literature in Russia: methods, techniques, significance. *The world of science, culture and education*, 4, 366-367. EDN: FWHHXD. <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2021-489-366-367>

Выводы

Иран стал одним из мостов, соединивших в 1950–1970 гг. Удмуртию с Востоком. Значимую роль сыграли и личные знакомства национальных писателей с представителями этой страны, тем не менее не переросшие в масштабные межкультурные проекты. Поэтому в приобщении к восточному миру важен не столько результат, сколько сам процесс художественного диалога.

В жителях Ирана удмуртские писатели видели близких себе людей, полагали, что восточная страна вскоре может выбрать социалистический путь развития, и этим оправдывали «горизонт ожидания» своих читателей. В качестве персонажей, символизирующих Иран, чаще всего изображались люди молодого поколения: Мамед и Сусанна («За Копет-Дагом»), Бехар («В гостях у русского солдата»), герой стихотворения М. Покчи-Петрова «Скучающее сердце», студенты-актеры в воспоминаниях Г. Ходырева и др. Несмотря на небольшое количество текстов, образ иранца проявился в разных жанрово-видовых формах — в драме, рассказе, стихотворении, воспоминаниях. Важны поэтические опыты В. Владыкина в жанре, близком к рубай.

В удмуртских произведениях 1950–1970 гг. об Иране, особенно у Г. Симакова, встречаются неясные эпизоды, своеобразные «пустые места», объясняемые идеологической борьбой между США и СССР, нежеланием автора пропагандировать роль американцев в осуществлении программы ленд-лиза через Персидский коридор. Современный читатель может легко восполнить эти пробелы и еще раз убедиться в актуальности размышлений Г. Симакова (и не только его) о том, что лишь в тесном союзе с русским народом иранцы могут надеяться на безопасность и свое светлое будущее.

Информация об авторе

Шибанов Виктор Леонидович – кандидат филологических наук, доцент, Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук, г. Ижевск, Российская Федерация;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6769-7258>;
e-mail: shibvik@rambler.ru

Information about the author

Victor L. Shibarov – Cand. Sci. (Phil.), associate professor, Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk, Russian Federation;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6769-7258>;
e-mail: shibvik@rambler.ru

Поступила в редакцию 31.10.2025

Принята к публикации 19.11.2025

Опубликована 21.11.2025

Received 31 October 2025

Accepted 19 November 2025

Published 21 November 2025

Использование этнокультурного ономастического материала в школьном курсе географии

<https://doi.org/10.31483/r-151777>
УДК [372.891:37.035.6]81'373.2

Екеева Э. В.

Горно-Алтайский государственный университет
г. Горно-Алтайск, Российская Федерация.

<https://orcid.org/0000-0002-4816-4341>, e-mail: etno_konf@mail.ru

Резюме. Работа посвящена использованию этнокультурного ономастического материала в школьном курсе географии. Этническая ономастика включает в себя этнонимы, антропонимы, топонимы, мифонимы, теонимы, космонимы. В онимах в концентрированной форме выражен неповторимый образ народа, богатство и красота языка, нравственные и эстетические ценности, экологические и религиозные взгляды. Многие в этнической ономастике имеют значение на уровне знаковости, поскольку связаны с личностями-символами, событиями-символами, традициями и историческими преданиями. На основе методов теоретического анализа и обобщения педагогического опыта автором статьи отобран и дидактически переработан ономастический материал с распределением онимов по темам в соответствии с планом их изучения в курсе «География России (8–9 классы)», разработаны задания ономастического содержания с включением онимов, отражающих культурные и этнические особенности региона. Авторская программа была апробирована в школах г. Горно-Алтайска и показала свою эффективность. Кроме этого, разработанный спецкурс с использованием этнокультурного ономастического материала для учителей географии позволил дополнить результативность педагогических усилий. Разработанные автором методические материалы можно рекомендовать для развития интереса обучающихся к географии и культуре родного края, воспитания любви к родине и чувства принадлежности к ее истории и в целом культурной компетентности учащихся.

Ключевые слова: образование, воспитание, национальная культура, топоним, школьный курс географии, мифоним, этноним, этническая ономастика, теоним, этнопедагогизация учебно-воспитательного процесса.

Для цитирования: Екеева Э. В. Использование этнокультурного ономастического материала в школьном курсе географии // Этническая культура. 2025. Т. 7, № 4. С. 48–53. DOI 10.31483/r-151777. EDN DKOISA

Research Article

The Benefits of Including Ethnocultural Onomastic Material in the Middle School Geography Curriculum

Emma V. Ekeeva

Gorno-Altai State University
Gorno-Altaysk, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-4816-4341>, e-mail: etno_konf@mail.ru

Abstract. This paper focuses on the study of ethnic onomastics as a means of supplementing of the middle school geography curriculum. The work is devoted to the study of the developmental and educational potential of ethnic onomastics. Ethnic onomastics includes such proper names as ethnonyms, anthroponyms, toponyms, mythonyms, theonymy, cosmonymy. It is in ethnic onomastics that the unique image of a people, the richness and beauty of their language, their moral and aesthetic values, and their environmental and religious views are expressed in a concentrated form. Much of ethnic onomastics is significant at the level of symbolism, as it is associated with symbolic personalities, symbolic events and historical legends. The author selected and didactically revised onomastic material, arranging onyms by topic in accordance with the study plan for the "Geography of Russia" course. Onomastic assignments were developed, incorporating onyms reflecting the cultural and ethnic characteristics of the region. The author's school geography curriculum was tested in schools in Gorno-Altai and demonstrated its effectiveness. Furthermore, a special course developed for geography teachers using ethnocultural onomastic material enhanced the effectiveness of pedagogical efforts. The methodological materials developed by the author can be recommended for developing students' interest in geography and the culture of their native land, fostering a love for their homeland and a sense of belonging to its history, and, overall, cultivating cultural competence.

Keywords: education, national culture, upbringing, ethnonym, ethnic onomastics, toponym, theonym, mythonym, school geography course, ethnopedagogization of the educational process.

For citation: Ekeeva E. V. (2025). The Benefits of Including Ethnocultural Onomastic Material in the Middle School Geography Curriculum. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 7(4), 48–53. EDN: DKOISA. <https://doi.org/10.31483/r-151777>

Введение

В современном образовании важными задачами являются формирование личности и воспитание уважения к истории и культуре народов России. Выполнению этих задач в учебно-воспитательном процессе помогает изучение ономастики обучающимися на уроках географии, истории, родного языка и во внеурочной деятельности.

К сожалению, этнокультурные и ономастические компоненты содержания образования в школьных про-

граммах и учебниках практически не отражены. Об этом свидетельствуют данные анализа программ и учебников гуманитарного и естественнонаучного циклов, а также результаты анкетирования обучающихся и учителей. Так, результаты анкетного опроса учащихся показали, что они мало интересуются особенностями национальной культуры, плохо знают ее историю и основные компоненты — язык, обычаи и пр. В частности, это касается и владения обучающимися знаниями в области этнической ономастики.

Выяснилось, что обучающиеся знают некоторые антропонимы, этнонимы, мифонимы и гораздо меньше — космонимы. Необходимо отметить, что инокультурные онимы оказались им не знакомы. Респонденты называли в основном алтайские группы имен, например, имена Айана, Арунай, этнонимы (майман, тодош, чапты). Результаты анкетного опроса свидетельствуют о незнании ономастики как источника отражения истории народа и его национальной культуры.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили программы школьного курса географии¹, программы курсов повышения квалификации учителей географии, результаты наблюдения автора за учебно-воспитательным процессом на уроках географии. Был исследован разнообразный ономастический материал, преимущественно Республики Алтай.

Работа выполнена на основе метода теоретического анализа, метода обобщения педагогического опыта, в том числе личного опыта автора статьи, анкетирования обучающихся и бесед с учителями. В исследовании применен метод экспертной оценки при анализе эффективности разработанной авторской программы школьного курса географии с элементами этнической ономастики.

Результаты исследования и их обсуждение

Для понимания причин пробелов в формировании и развитии у школьников интереса к национальной культуре на основе этнической ономастики автор данной статьи посетил значительное количество уроков естественно-гуманитарного цикла в различных школах Республики Алтай, широко применяя метод интервьюирования. Проводились беседы с учителями географии, истории и родного языка. Кроме того, был проведен специальный анкетированный опрос, в котором приняло участие 98 учителей географии, истории и родного языка. В результате изысканий было установлено, что все педагоги признают значимость формирования глубокого интереса обучающихся к национальным культурам на основе этнической ономастики. В то же время они затрудняются в выборе адекватных методов учебной работы для решения этой задачи. При анкетировании особое внимание было уделено вопросу использования ономастического материала на уроках географии.

На первый вопрос анкеты «Используете ли вы на уроках, например, географии, ономастический материал?», положительно ответили все опрошенные учителя.

Более детальное изучение ответов учителей позволило понять специфику применения ономастического материала — его разнообразие и этнокультурную принадлежность. Так, все без исключения учителя используют русский ономастический материал, меньшая часть учителей (34 %) знакомит обучающихся с алтайской

ономастикой и лишь незначительная часть (11 %) — с ономастикой других народов. Большая часть (70 %) учителей знакомит обучающихся с элементарными теоретическими знаниями об ономастике. Меньше половины опрошенных учителей ответили, что дают школьникам самостоятельные задания, но в основном ограничиваются сочинениями. Некоторые педагоги подходят к урокам более творчески. Например, учитель географии Нижне-Талдинской средней общеобразовательной школы Онгудайского района Л. Г. Чехонова проводит ономастические викторины и конкурсы, а учитель истории Бельтирской средней общеобразовательной школы Кош-Агачского района А. А. Телесова создала краеведческий музей, при котором работает группа школьников, изучающая ономастику своего села и района.

В целом, проанализировав анкетные данные, мы пришли к выводу, что этническая ономастика недостаточно используется на уроках и во внеурочной работе. В качестве критического замечания можно также отметить недостаточное использование межпредметных связей и рекомендовать интегрирование предметных знаний географии, истории, родного языка и литературы. Урок географии в недостаточной степени обогащен ономастическим содержанием, т. е. топонимами, этнонимами, антропонимами, мифонимами, космонимами и другими онимами. Кроме того, учителя мало знакомят обучающихся с этнической ономастикой, в частности, алтайской, и недостаточно используют в учебной работе поисковые задания, которые необходимы для развития у обучающихся исследовательских навыков.

Посещение уроков гуманитарного и естественнонаучного циклов показало, что уровень общекультурных и методических знаний педагогов не всегда соответствует требованиям задач обучения и воспитания. Например, многие опрошенные учителя оказались слабо подготовлены к использованию космонимов и топонимов на уроках географии, антропонимов на уроках родного языка, этнонимов на уроках истории, мифонимов на уроках литературы, что, очевидно, говорит о недостатках системы профессиональной подготовки учителей.

Первое, что определяет эффективность работы учителя, — это степень четкости, ясности и глубины его представления о содержании преподаваемого учебного предмета и концепциях, на которые он ориентируется. Следовательно, выясняя состояние практики преподавания школьного курса географии, следует обратиться к анализу действующих учебных программ, по которым работают учителя.

За последние несколько лет появились новые учебные программы по географии. Это отражает тенденцию к вариативному использованию учебно-программной документации, позволяющую педагогу выбирать программу в соответствии с его собственным представлениям о концепции преподаваемого им учебного предмета.

Анализ указанных выше программ показывает, что в них не предусмотрено изучение топонимов, космонимов и других собственных имен, характерных для мест проживания обучающихся. На наш взгляд, отсутствие в них национального компонента сдерживает формирование у обучающихся стройной системы знаний о родине, формирующихся через понятия родного края.

¹ Федеральная рабочая программа основного общего образования. География (для 5–9 классов образовательных организаций). Москва, 2025. С. 13–17; География : сборник примерных рабочих программ : предметная линия «Полярная звезда». 5–11 классы : предметная линия В. П. Максакского 10–11 классы : базовый уровень : учебное пособие для общеобразовательных организаций / А. И. Алексеев, М. А. Бахир, С. В. Ильинский [и др.]. 2-е издание, переработанное. Москва : Просвещение, 2020. С. 20–22.

В связи с этим была рассмотрена возможность разработки и проектирования содержания программы обучения с элементами этнической ономастики.

Нами была изучена ономастика алтайцев и других народов. При этом большое внимание было уделено исследованиям в области этнопедагогики, ономастики и географии, а именно работам В. П. Максаковского², А. М. Малолетко³, Ш. А. Мирзоева⁴, А. Э. Измайлова⁵, В. А. Никонова⁶, Е. М. Поспелова⁷, Е. М. Чапыева⁸, Н. И. Шатиновой⁹, О. Т. Молчановой¹⁰. Были изучены многие этнографические и этнопедагогические источники, в которых рассматривается традиционное воспитание народов, т. е. средства и методы воспитания. Особо следует выделить труды академика Г. Н. Волкова. В его книге «Этнопедагогика чувашского народа» рассматриваются воспитательные возможности личных имен, космонимов и названий географических объектов¹¹.

При формировании собственной программы мы использовали опыт успешной разработки и апробации программ других исследователей, в которых применялись средства ономастики. При этом нами были проанализированы программы не только по географии, но и по истории, русскому языку и литературе; рассмотрены подходы, формы и методы, используемые в различных предметных областях, с целью использования их при разработке собственного курса. Например, исторический подход учитывался при реализации программы «Топонимическое краеведение» на уроках по окружающему миру [Михайлов, Сироткин, 2024]; комплексный подход практиковался при изучении природы, населения, хозяйства края [Обухов, 2025]; к комбинированному деятельностно-исследовательскому методу с элементами экскурсионного обучения обращались на уроках русского языка [Иванян, Шиняева, 2025]; методы работы с регионально-краеведческим материалом применялись на уроках русского языка [Первакова, 2025].

При разработке тематического плана программы по географии с использованием этнической ономастики исходными принципами явились научность, доступность содержания программы, постепенность включения ономастического материала, обеспечение межпредмет-

ных связей и связи школьного и семейного воспитания в формировании интереса к национальной культуре. Кроме того, мы руководствовались общедидактическими требованиями к определению содержания учебного предмета — научной точности, т. е. содержание должно отражать современный уровень научного знания, раскрывать глубинную сущность изучаемых факторов или явлений; систематичности, т. е. раскрывать явления в их развитии и связях, вскрывать причинность и всеобщий характер происходящих процессов; методологичности, т. е. содержать описание путей поиска, анализа, обобщения, логики исследования и построения доказательств; практической значимости, т. е. содержать элементы, требующие практических операций, обладающие жизненной ценностью; новизны, т. е. содержать новые, неожиданные факты, закономерности, теории, формы изложения и подачи материала; повторяемости, т. е. наличие частично знакомого материала, позволяющего осуществлять закрепление, упражнение и перенос знаний и навыков; сложности, т. е. неоднородностью или избыточностью информации, слабыми связями между смысловыми компонентами текста, значительным количеством элементов (знаний, навыков), подлежащих усвоению; увеличенным объемом, т. е. количеством дополнительного материала, позволяющего обогащать содержание новыми фактами, проводить более широкие обобщения и аналогии¹².

Важным источником для разработки тем уроков и их содержания послужили труды ученых Института алтаистики имени С. С. Суразакова [Топонимика, 2022–2023].

Основными задачами в обучении этнической ономастики стали знакомство обучающихся с духовными ценностями народов; воспитание уважительного отношения к родному языку, обычаям, традициям и культуре своего народа; развитие у обучающихся исследовательских навыков.

На первом этапе проектирования содержания обучения проводился отбор, подготовка, дидактическая переработка ономастического материала и распределение имен собственных по группам для дальнейшего использования в учебном процессе. На втором этапе существующая программа по географии была переработана и дополнена включением в нее элементов этнической ономастики с учетом тематики и времени, отведенного на уроки. Предпочтение отдавалось главным образом тому материалу, который отличался большими воспитательными возможностями.

Рассмотрим более подробно этот этап.

Ономастика насчитывает до десяти групп имен. Все многообразие данного материала целесообразно разделить на два больших раздела. В первый раздел следует ввести имена собственные, отражающие материальную культуру народа (антропонимы, космонимы, топонимы), а во второй — имена, отражающие духовную культуру народа (мифонимы, этнонимы, теонимы, а также некоторые антропонимы, космонимы). Для формирования и развития у обучающихся интереса к национальной культуре необходимо внести некоторые

² Максаковский В. П. Историческая география мира : учебное пособие для вузов. Москва : Экспресс, 1997. 584 с.; Максаковский В. П. Географическая картина мира. Книга 1. Общая характеристика мира. Глобальные проблемы человечества. Москва : Дрофа, 2008. 1065 с.

³ Малолетко А. М. Географическая ономастика. Томск : Издательство Томского государственного университета, 2001. 187 с.

⁴ Мирзоев Ш. А. Народная педагогика Дагестана. Содержание, формы и методы воспитания. Махачкала : Дагучпедгиз, 1986. 123 с.

⁵ Измайлов А. Э. Народная педагогика: педагогические воззрения народов Средней Азии и Казахстана. Москва : Педагогика, 1991. 252 с.

⁶ Никонов В. А. География названий Млечного пути // Ономастика Востока. Москва, 1980. С. 242–261.

⁷ Поспелов Е. М. Топонимика в школьной географии. Москва : Просвещение, 1981. 142 с.

⁸ Чапыев Е. М. Ономастика Горного Алтая : словарь-справочник. Горно-Алтайск : Горно-Алтайское отделение книжного издательства, 1991. 58 с.

⁹ Шатинова Н. И. К истории алтайских имен // Этнография имен. Москва : Наука, 1971. С. 65–70.

¹⁰ Молчанова О. Т. Топонимический словарь Горного Алтая. Горно-Алтайск : Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1979. 397 с.

¹¹ Волков Г. Н. Этнопедагогика чувашского народа. Чебоксары : Чувашское книжное издательство, 1966. 341 с.

¹² Бабанский Ю. К. Оптимизация учебно-воспитательного процесса. Москва : Просвещение, 1982. 192 с.

дополнения в действующие программы по географии. С этой целью была пересмотрена действующая программа курса «География России (8–9 классы)». В ней недостаточно внимания уделяется изучению вопросов истории и культуры разных народов России, практически не используется ономастика как источник отражения истории и культуры. Мы посчитали необходимым внести ономастические знания в тематическое планирование уроков географии, обозначив объем и состав вводимого материала, выбор имен собственных и их воспитательный потенциал, а также обосновав целесообразность освоения того или иного материала в определенном интервале учебного процесса.

В качестве примера приведем фрагмент методической разработки темы «Народы Сибири и их культура». Тема раскрывается с использованием различных форм проведения занятий и разнообразием видов учебной деятельности обучающихся. Целью занятий является формирование представления о разнообразии культур народов Сибири с использованием ономастического материала. Поэтому автором были выбраны такие подтемы, как «Коренное население Сибири и крупные языковые семьи» с изучением этнонимов, «Культура народов Сибири» с изучением мифонимов, теонимов, космонимов, «Культура народов Алтая» с изучением мифонимов и теонимов.

Знание ономастики помогает комплексно охарактеризовать изучаемую территорию при выполнении заданий. Например, обучающимся было дано задание описать, как природа Сибири повлияла на жизнь народов. При ответе учащиеся отмечали, что потребность человека в тепле и еде во многом зависит от природных условий, и это в конечном счете отражается на ингредиентах и видах пищи, характере постройки жилища, материале и покрое одежды, типах расселения народов. Методическая ценность таких вопросов состоит не только в том, что они отражают специфику территории и делают географическую характеристику более понят-

ной для обучающихся, но и способствуют формированию интереса к истории и культуре родного края.

В следующем задании обучающимся было предложено использовать карту России, совершить воображаемое путешествие от г. Кызыла до г. Горно-Алтайска, отметить на контурной карте ареалы народов, проживающих вдоль данного маршрута, и дать устную характеристику их быта. Задание было направлено на развитие образного мышления учеников, углублению этнографических знаний за счет пространственной привязки изучаемого этнографического материала.

Некоторые задания ставили целью выяснение происхождения онимов. Такие задания обогащают содержание занятий ономастическими знаниями и делают предмет более интересным, а объекты – запоминающимися. Например, онимы могут выступать смысловыми опорами. Так, название Окпёш-Туу / Окпеш-Туу (букв. гора-легкие) прочно связывается с выветрившимися горными породами, если ученик знает, что оно происходит от слова окпё 'легкие'. Его географическое содержание может быть следующим: горы с впадинами, выветрившаяся горная порода, ноздреватая поверхность скалы. Таким образом, знание становится не набором фактов, а осмысленной системой взаимосвязанных образов.

Реализация воспитательных возможностей ономастики в процессе формирования у обучающихся интереса к национальной культуре зависит от понимания учителем ее этнопедагогических функций. С этой целью мы апробировали на курсах повышения квалификации учителей географии спецкурс «Введение в географическую этническую ономастику». Спецкурс рассчитан на 12 занятий раз в неделю. Он направлен на ознакомление с ономастикой, ее этнопедагогическими функциями, особенностями работы с ономастическим материалом, методами и приемами использования его на уроках и во внеурочной работе по географии (см. табл. ниже).

Таблица 1. Учебно-тематический план спецкурса «Введение в географическую этническую ономастику»
Table 1. Educational and thematic plan of the special course "Introduction to geographical ethnic onomastics"

№	Темы	Количество часов	Формы занятий
1.	Введение. Ономастика, ее этнопедагогические функции	1	лекция
2.	Этническая ономастика и ее структура	1	лекция
3.	Антропонимы	1	семинар
4.	Этнонимы	1	семинар
5.	Теонимы	1	семинар
6.	Мифонимы	1	самостоятельная работа
7.	Топонимы (оронимы, гидронимы, ойконимы, урбонимы)	1	практическая работа
8.	Космонимы, астрономимы, планетонимы	1	семинар
9.	Методы и приемы использования этнической ономастики на уроках географии. Интеграция тем смежных предметов – истории, литературы, родного языка	2	круглый стол
10.	Использование этнономастического материала во внеклассной работе по географии	2	конференция

Разработанное нами тематическое планирование может быть использовано в сокращенном варианте, когда ономастический материал включается в содержание уроков географии не в полном объеме, а лишь на одном этапе урока. Например, знакомство с такими собственными именами, как гидронимы и оронимы предлагается начать на этапе изучения нового материала. На следующем уроке происходит возвращение к нему, но на этапе повторения. На последующих уроках этот материал дополняется новыми данными, а на итоговом уроке можно проверить знания обучающихся не только перечисленных выше собственных имен, но и всех остальных. Ономастический материал на уроке будет занимать не более пяти-шести минут. Например, микропонимы могут заменять названия более крупных объектов, если это выполняет определенные задачи и соответствует целям урока.

Спецкурс доказал эффективность не только на уровне субъективных впечатлений, но и благодаря комплексной оценке, которая включила в себя количественные и качественные показатели. Так, методом экспертной оценки была зафиксирована исследовательская активность педагогов. Учителя географии интегрировали усвоенное содержание спецкурса в собственные рабочие программы, тем самым запустив процесс обновления содержания географического образования в регионе. Кроме этого, последующее анкетирование показало возросший интерес школьников к национальной культуре.

Выводы

Введение в содержания школьного курса географии этнокультурного ономастического материала потребовало дидактически его переработать, распределить собственные имена по темам. Наш опыт показал, что наиболее эффективными видами деятельности при изучении каждой темы являются знакомство с именами собственными и нанесение их на карту, изучение этимологии географических названий с использованием фольклорных источников, выступление с сообщениями, реферирование научных источников, участие в конференциях и разнообразных творческих мероприятиях. В целом использование этнокультурного ономастического материала в школьном курсе географии является эффективным педагогическим приемом и важнейшим ресурсом для развития способности воспринимать и анализировать географические объекты и явления, расширения культурного кругозора и воспитания ценностного отношения к окружающему миру.

Изучение этнической ономастики способствует формированию интереса школьников, на основе которого абстрактные географические объекты становятся явлениями с личностно значимой историей и образом. Работа с географическими названиями позволяет использовать межпредметные связи географии, истории, литературы, краеведения, лингвистики, этнографии и дополнить содержание традиционных программ, а также разработать интегрированные спецкурсы для учителей. Лишь в этом случае можно говорить о возможности системного обучения и воспитания у школьников интереса к национальной культуре.

Список литературы

- Иванян Е. П., Шиняева А. В. Возможности изучения ономастики в начальной школе // Вестник Самарского государственного университета путей сообщения. 2025. № 2. С. 188-193. EDN VJQVQS
- Михайлов А. А., Сироткин Д. А. Топонимия как средство патриотического воспитания учащихся начальных классов // Социально-политические исследования. 2024. № 2 (23). С. 132-146. DOI 10.20323/2658-428X-2024-2-23-132. EDN XZMWKW
- Обухов А. С. Концепция развития современного географического краеведения в образовании // Исследователь. 2025. № 1-2. С. 49-50. EDN MVCQVP
- Первакова Е. Н. Практика использования этнорегионального текста как средства формирования коммуникативной компетенции на современном уроке русского языка // Филология и культура. 2025. № 2. С. 237-242. DOI 10.26907/2782-4756-2025-80-2-237-242. EDN VIGEGX
- Екеев Н. В., Саналова Б. Б., Тыдыкова Н. Н., Чумакаев А. Э. Топонимика Республики Алтай : в 10 томах. Горно-Алтайск: Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова. 2022-2023.

References

- Ivanyan, E. P., Shinyayeva, A. V. (2025). Possibilities of Studying Onomastics in Primary School. *Bulletin of the Samara State University of Railway Engineering*, 2(68), 188-193. EDN: VJQVQS
- Mikhailov, A. A., Sirotkin, D. A. (2024). Toponymy as a means of patriotic education of primary school students. *Social and Political Research*, 2(23), 132-146. EDN: XZMWKW. <https://doi.org/10.20323/2658-428X-2024-2-23-132>
- Obukhov, A. (2025). The concept of the development of modern local geography in education. *Researcher*, 1-2, 49-50. EDN: MVCQVP
- Pervakova, E. N. (2025). The practice of using an ethnoregional text as a means of forming communicative competence in a modern Russian language lesson. *Philology and Culture*, 2, 237-242. EDN: VIGEGX. <https://doi.org/10.26907/2782-4756-2025-80-2-237-242>
- Ekeev, N. V., Sanalova, B. B., Tydykova, N. N., Chumakaev, A. E. (2022-2023). *Toponymy of the Altai Republic*.

Информация об авторе

Екеева Эмма Васильевна – кандидат педагогических наук, доцент, Горно-Алтайский государственный университет, г. Горно-Алтайск, Российская Федерация;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4816-4341>;
e-mail: etno_konf@mail.ru

Information about the author

Emma V. Ekeeva – Cand. Sci. (Ped.), associate professor, Gorno-Altai State University, Gorno-Altaysk, Russian Federation;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4816-4341>;
e-mail: etno_konf@mail.ru

Поступила в редакцию 18.11.2025

Принята к публикации 03.12.2025

Опубликована 04.12.2025

Received 18 November 2025

Accepted 3 December 2025

Published 4 December 2025